

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2014

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2014

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), Л.А. Петрова, д.ф.н., проф. (Украина, Одесса), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Т.Н. Василенко, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.

Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:

http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philol_journal/

Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию В.М. Шукшина

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин. Шукшиноведение в работе диссертационных советов алтайского государственного университета.....	7
С.Н. Пешкова. Коммуникативное пространство рассказа-сценки В.М. Шукшина «Даешь сердце!» : лингвоэвокационный аспект	20
В.Д. Мансурова. «Думающий человек» – о ценности «дали светлой».....	28

Статьи

П.В. Алексеев. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века	34
Г.А. Жиличева. Двойная фокализация сюжета в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»	46
Е.А. Московкина. Метатекст и интертекст в ранних рассказах И.А. Ефремова	56
О.Ю. Осьмухина. «Особые отношения с языком» прозы «SOFT WAVE» : специфика авторской повествовательной стратегии в сборнике Д. Осокина «Барышни тополя»	68
Е.Ю. Позднякова. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан.....	76
Е.Н. Басовская. «И слово прорастало...» : лексика печатных СМИ конца XIX – начала XX века в восприятии Д.Н. Ушакова	86
А.П. Чудинов. Идеи и принципы политической метафорологии.....	103
Л.В. Кульгавова. О флуктуации языкового знака на примере слова <i>guy</i>	113
Э.В. Седых. Концепт «детство» в английской народной поэзии (на примере <i>Nursery Rhymes</i>)	125

Научные сообщения

Н.В. Лаврентьева. Генрих Клейст в публицистике Б. Пастернака.....	138
Ю.А. Слепцов. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки	145
А.Ф. Коляева. Терминология в зеркале языкового сознания	151
А.А. Шмаков. Специфика бытия текста в девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации	161
В.Г. Беседина. Вербально-авербальная репрезентация концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте.....	173
Д.В. Жигулина. История имени концепта «Семья» (XI–XXI века)	182

О.В. Никулина. К опыту классификации древнеанглийской политической терминологии	187
В.Г. Будыкина. К проблеме лексикографического анализа словарей. Педагогический словарь К. Гуда.....	194

Филология : люди, факты, события

Л.Г. Антонова, И.А. Стернин, А.А. Чувакин. «Риторика в современной России : традиции и новые задачи» : XVIII Международная конференция по риторике (Ярославль, 30 января – 1 февраля 2014 года).....	201
---	-----

Критика и библиография

Ж.А. Голенко. AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2012. № 1.....	205
Резюме.....	208
Наши авторы.....	227

CONTENTS

On the 85th anniversary of V.M. Shukshin

A.I. Kulyapin, A.A. Chuvakin. Shukshin studies in the work of the dissertation councils of Altai State University.....	7
S.N. Peshkova. V.M. Shukshin's sketch-narrative «Give the heart!»: intratextual communicative space and intertextual relations	20
V.D. Mansurova. The «Reflective man» and values of «Shine in the distance»	28

Articles

P.V. Alekseyev. Russian oriental travelogue as the genre of travel writing of the late XVIIIth – early XIXth centuries	34
G.A. Zhilicheva. The double focalisation of the plot in B. Pasternak's novel «Doctor Zhivago»	46
E.A. Moskovkina. Metatext and intertext in the early stories of I.A. Efremov	56
O.Yu. Osmukhina. Special relations with the language of the prose «SOFT WAVE» : specificity of author's narrative strategy in the collection «Ladies of Poplar» by D. Osokin.....	68
E.Yu. Pozdnyakova. The problem of the city space perception and its reflection in the language consciousness of the citizens.....	76
E.N. Basovskaya. «And the word sprouted...»: media vocabulary of the late XIXth – early XXth centuries in D.N. Ushakov's perception.....	86
A.P. Chudinov. Ideas and principles of political metaphorology	103
L.V. Kulgavova. On fluctuation of the linguistic sign as exemplified by the word <i>guy</i>	113
E.V. Sedykh. The concept of childhood in English folk poetry (<i>Nursery Rhymes</i>).....	125

Scientific reports

N.V. Lavrentyeva. Heinrich Kleist in journalism by B. Pasternak.....	138
Yu.A. Sleptsov. Bear cult among the Evens	145
A.F. Kolyaseva. Terminology in the light of language consciousness studies	151
A.A. Shmakov. Specific features of being of text in deviant communication in dialogic formats of internet communication.....	161
V.G. Besedina. Verbal and non-verbal representation of	

the «celebrity» concept in teen mediatext.....	173
D.V. Zhygulina. The history of the name of the concept «Family» (XI–XXI centuries).....	182
O.V. Nikulina. Classification of Old English political terminology	187
V.G. Budykina. On the problem of lexicographic analysis of dictionaries. Dictionary of education by K. Good.....	194

Philology: people, facts, events

L.G. Antonova, I.A. Sternin, A.A. Chuvakin. «Rhetoric in modern Russia : traditions and new challenges» : XVIII International Conference on rhetoric (Yaroslavl, January 30 – February 1, 2014)	201
--	-----

Critics and bibliography

J.A. Golenko. AvtobiografiYa. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2012. № 1	205
Summary	208
Our authors	227

К 85-ЛЕТИЮ В.М. ШУКШИНА

ШУКШИНОВЕДЕНИЕ В РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин

Ключевые слова: творчество В.М. Шукшина, поэтика, язык художественной прозы, жанр, текст.

Keywords: V.M. Shukshin's works, poetics, artistic prose language, genre, text.

После проведения в июле 1989 года первой всесоюзной научно-практической конференции «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество» Алтайский государственный университет (АлтГУ) быстро превратился в подлинный центр шукшиноведческих исследований. Научные форумы ученых-шукшиноведов стали регулярными: в 1999 году в Барнауле прошла V-ая, уже международная, конференция, посвященная юбилею писателя, а в 2009 – VIII-ая всероссийская (с международным участием).

За два десятилетия филологи АлтГУ сумели осуществить столь масштабные проекты, как издание трехтомного энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» (научный редактор А.А. Чувакин, Барнаул, 2004–2007) и восьмитомного собрания сочинений писателя (под ред. О.Г. Левашовой, Барнаул, 2009).

Открытие в университете диссертационных советов по филологическим дисциплинам, безусловно, также сыграло значительную роль в активизации исследований творчества В.М. Шукшина.

Другой важный импульс к развитию шукшиноведения в АлтГУ – подготовка и защита, пусть даже и в диссертационных советах вне АлтГУ, докторских диссертаций. Это работы по русской литературе

А.И. Куляпина «Проблемы творческой эволюции В.М. Шукшина» [Куляпин, 2001] и О.Г. Левашовой «Шукшинский герой и традиции XIX века (Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой)» [Левашова, 2003], которые защищены в диссертационном совете при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина; по русскому языку А.А. Чувакина «Основы эвокационной теории художественной речи» (Барнаул, 1996), одна из глав которой выполнена на материале прозы В.М. Шукшина, защищенная в диссертационном совете при Уральском государственном университете имени А.М. Горького), и Г.В. Кукуевой «Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина)» (Барнаул, 2009) (защищена в диссертационном совете ДМ 212.005.01 при АлтГУ). В докторских диссертациях, без сомнения, сложились многие из особенностей алтайской шукшиноведческой школы, получившие свое развитие в кандидатских диссертациях, большинство из которых выполнено под руководством авторов докторских диссертаций.

В диссертационном совете К 212.005.03 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература в период с 1999 по 2004 годы было защищено шесть диссертаций о Шукшине. Открыла этот ряд диссертация О.В. Тевс «Семиотический аспект моделирования природы и социума в художественном мире В.М. Шукшина», запомнившаяся как действительно пионерская работа.

О.В. Тевс поставила перед собой очень непростую задачу – рассмотреть творчество Шукшина «не как сумму произведений и не как набор автономных мотивов, образов, но как единый текст, представляющий собой семиотически неоднородное целое» [Тевс, 1999, с. 5–6]. В соответствии с методологией структурно-семиотической школы О.В. Тевс начала с воссоздания системы важнейших для художественного мира Шукшина оппозиций: «природа – цивилизация», «мужской – женский», «свой – чужой», «верх – низ», «духовное – материальное», «деревня – город», «Россия – Запад» и др. Выявленные в ходе исследования устойчивость ряда противопоставлений, повторяемость центральных мотивов и символов позволили автору диссертации убедительно реконструировать модель природы и социума в произведениях Шукшина. Выяснилось, что она «сближается с мифопоэтической моделью мира», а специфика ее «проявляется в напряженной динамике противоположных устремлений: космического, организующего и хаотического, деструктивного, – в которую вовлечен человек» [Тевс, 1999, с. 7]. Пристальное внимание к элементам архаики не означает игнори-

рование современного контекста. При необходимости диссертант учитывает соотношенность произведений Шукшина с культурными явлениями эпохи.

По мнению О.В. Тевс, ведущую роль в моделировании природы и социума играет взаимодействие мужского и женского начал. Неудивительно, что данная оппозиция подобно своего рода красной нити протянута через все разделы диссертации. Четко структурированы в художественном мире Шукшина четыре стихии – основные компоненты мироздания. Земля наделяется у писателя женскими, прежде всего материнскими чертами, воздушная же стихия соотносена с мужским началом. Стихии огня и воды также увязаны с мужским и женским началами. Та же универсальная семиотическая оппозиция регулирует взаимоотношения зооморфных образов в произведениях Шукшина. И даже избитое противопоставление «деревня – город» скоординировано все с той же оппозицией: «Деревня и город как в произведениях писателя, так и в его личном опыте получают дополнительный ответ, являясь выразителями соответственно женского и мужского начал» [Тевс, 1999, с. 16].

Работа А.Д. Хуторянской «Картина мира в “малой” прозе В.М. Шукшина» выполнена в Уральском государственном университете им. А.М. Горького [Хуторянская, 2000]. Выбор для защиты диссертационного совета К 212.005.03 – наглядное свидетельство признания авторитета алтайских шукшиноведов.

Проблематика диссертации А.Д. Хуторянской отчасти пересекается с проблематикой работы О.В. Тевс, правда екатеринбургская соискательница выбрала более традиционный путь исследования, рассматривая не модель, а картину мира. Другое отличие ее диссертации – ограничение объема рассматриваемого материала: только «малая» проза. Вывод А.Д. Хуторянской об устойчивости созданной в «малой» прозе Шукшина картины мира не противоречит тем итогам, к которым пришла О.В. Тевс.

Согласно концепции А.Д. Хуторянской, важнейшие параметры шукшинской картины мира определяет система персонажей. В диссертации доказано, в частности, что для каждого типа героя существует свой ряд константных фабульных конструкций.

Пожалуй, наиболее уязвимым местом в построениях А.Д. Хуторянской оказались классификационные принципы. Так, художественное время несколько произвольно подразделяется ей на историческое и линейное, бытовое и бытийное, субъективное и объективное. Резонную критику вызывала и типология персонажей.

Е.А. Московкина, защитившая в том же 2000 году диссертацию «Психопозитика прозы В.М. Шукшина», скептически оценивает ту сложившуюся в шукшиноведении традицию, которой следует А.Д. Хуторянская. «В несколько искусственной типологии А.Д. Хуторянской, – пишет она, – вновь фигурируют социальные (“чиновник”, “продавец”, “священнослужитель”) и нравственные (“добрый / злой”; “положительный/отрицательный”) категории. Шукшинские персонажи классифицируются главным образом по принципу: ‘центр / периферия’ (‘главные / второстепенные’ герои). Типические свойства героев Шукшина выявляются по “внешним” признакам: поведенческая “странность”; “непривычный” инцидент как элемент противостояния “стандартной модели поведения” и т.п.» [Московкина, 2000, с. 4].

Сама Е.А. Московкина сумела, в отличие от А.Д. Хуторянской, существенно развить концепцию шукшинского характера, расставив иные акценты в хорошо знакомой персонажной иерархии писателя. В психологизме Шукшина Е.А. Московкина даже обнаруживает тенденции, смежные с психоанализом, аналитической психологией и характерологией. В таком контексте совсем иначе выглядит, например, взаимоотношение мужского и женского начал, так подробно исследованное О.В. Тевс. Один из лучших разделов диссертации «Психопозитика прозы В.М. Шукшина» посвящен сюжетному блоку «сватовство – женитьба – брак», представленному в творчестве писателя главным образом в свете архетипического комплекса, воспроизводящего механизм инициации. «...Большинство сюжетов, эксплуатирующих архетип посвящения, имеет встречное обращение, – замечает автор. – Пережившие “переходный обряд” шукшинские “неофиты” возвращаются к исходной ситуации» [Московкина, 2000, с. 20]. Примечательно в этой связи, что мужские персонажи Шукшина подчеркнута немужественны, многие из них имеют физические недостатки, женские же персонажи, как правило, напротив поражают физической «крепостью».

Большой интерес специалистов-шукшиноведов вызвала диссертация О.А. Скубач «Пространство советской культуры в прозе В.М. Шукшина», защищенная в 2002 году. В отечественном литературоведении конца XX – начала XXI веков были достаточно неплохо прописаны связи Шукшина с русскими писателями-классиками и с зарубежной литературой XIX–XX веков. Наименее изученными, как ни странно, оставались взаимоотношения писателя с советской культурой. Диссертация О.А. Скубач стала, по сути, первой и, надо признать, очень успешной попыткой заполнить этот пробел.

О.А. Скубач нашла возможность для обоснования новой, оригинальной концепции. В ее работе впервые убедительно установлена связь между шукшинской 'топографией' и философско-эстетическими основами творческого метода писателя. Предмет обстоятельного и последовательного анализа диссертанта – особенности образа страны, советского «пространства-слова». Исходя из тезиса: «...путешествие раскрывается в прозе Шукшина как чтение, как рецепция определенной суммы значений, предписанных различным географическим locus'ам», О.А. Скубач приходит к существенному выводу: «В итоге не столько герой читает пространство культуры, сколько это последнее “читает” героя, изменяет его, принуждая становиться кем-то другим» [Скубач, 2002, с. 11].

Нетривиально интерпретируется в диссертации шукшинский образ дома. В творчестве писателя дом соотносится с неинституциональным, естественным, со-природным способом пребывания человека в мире и, соответственно, актуализирует внекультурную область значений (природа, семья, род и т.д.), – считает О.А. Скубач. Отсюда, видимо, характерная для Шукшина инверсия в паре *мир – Дом*: «не дом повторяет в своей архитектуре мир, но мир воспроизводит своим пространством Дом» [Скубач, 2002, с. 14].

Пожалуй, особенно интересные наблюдения содержатся во второй главе диссертации «“Архитектурный текст” в прозе В.М. Шукшина». О.А. Скубач рассматривает здесь устойчивые повторяемые архитектурно-строительные мотивы как в советской культуре 1930–1960-х годов, так и в шукшинской прозе. При этом развертывание архитектурной темы напрямую связывается с эволюцией эстетических принципов писателя.

Несомненной ценностью главы стал глубокий анализ одного из до сих пор самых малоисследованных произведений Шукшина – романа «Любавины». Полемизуя с устоявшимся мнением критиков о «второстепенности», «второсортности» этого произведения, О.А. Скубач выявила в нем немало тонкостей. «Любавины» – это, конечно, образчик соцреалистического романа, но образчик яркий и потому заслуживающий лояльной оценки и достойный исследовательского интереса. Вторую книгу «Любавиных» О.А. Скубач назвала «автополемическим предприятием» Шукшина. Трудно подыскать более точное и верное определение.

В целом работа О.А. Скубач позволило по-новому взглянуть как на тематику шукшинских произведений, так и на вопросы творческой методологии писателя.

Диссертация О.В. Илюшиной «Динамика художественных форм в творчестве В.М. Шукшина» [Илюшина, 2002] подобно исследованию О.А. Скубач нацелена на изучение художественной системы Шукшина в рамках современной ему эпохи. В центре внимания диссертанта динамика художественных форм Шукшина в процессе их становления и трансформации, движение от рассказа (малой эпической формы) к сборнику (более крупному художественному единству). Вероятно, впервые предметом детального анализа стали подборки рассказов Шукшина в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Наш современник», «Сибирские огни». О.В. Илюшина вплотную приблизилась к решению проблем творческой эволюции Шукшина. Ее исследование позволило снять многие противоречия в определении разных этапов творчества писателя.

Последняя защита по шукшиноведению в совете К 212.005.03 состоялась в 2004 году. И.В. Бобровская, в отличие от О.А. Скубач и О.В. Илюшиной, обратилась к изучению художественного наследия писателя в связи с «дальним контекстом» [Бобровская, 2004]. В художественном мире Шукшина ей обнаружены структурные рудименты житийного жанра. Знаменитый шукшинский герой-чудик и житийный святой рассматриваются И.В. Бобровской как этапы воплощения национальной категории святости.

Наиболее значимой в диссертации представляется попытка реконструировать на основе агиографической модели биографический миф Шукшина. И.В. Бобровская разделяет мысль некоторых, прежде всего западных, ученых о том, что культурной основой русского менталитета является идея мученичества. Личность Шукшина как раз и воспринималась современниками в свете ореола мученичества, а толчком, заставившим переоценить жизнь и творчество писателя, стала его трагическая смерть.

В диссертационном совете ДМ 212.005.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в период с 1997 по 2013 год были защищены одна докторская и девять кандидатских диссертаций по специальности 10.02.01 – русский язык, одна кандидатская – по специальности 10.02.19 – теория языка, посвященных исследованию языка прозы В.М. Шукшина. Из общего количества диссертаций выполнены в АлтГУ – 5, в Горно-Алтайском государственном университете – 4, в Бийском педагогическом государственном университете и Новосибирском государственном педагогическом университете – по 1. (В это же время три кандидатские диссертации, подготовленные в АлтГУ: И.Ю. Качесовой «Синтаксическая композиция текстов расска-

зов и киносценариев В.М. Шукшина: трансформационный аспект» (1998), Д.В. Марьина «Филологический метод представления перевода секвенции текстов (на материале сборника переводов рассказов В.М. Шукшина “V. Shukshin. Stories from a Siberian Village”)» (2004), Э.В. Малыгиной «Кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В.М. Шукшина: лингвоэвокационные исследование» (2013) – защищены в других советах).

Лингвистические диссертации, защищенные в совете, могут быть объединены в три группы.

Первую образуют работы, в которых исследуется речевая структура рассказов В.М. Шукшина разных типов. Первая в этой группе, как и первая по специальности 10.02.01 – русский язык, – это кандидатская диссертация М.Г. Старолетова «Речевая структура образа автора в новеллах В.М. Шукшина», содержащая лингвопоэтическое исследование фрагмента творчества Шукшина. Обратившись к новеллам, автор избрал такой угол зрения, который не навязывается материалу, а мотивируется его спецификой. Так и возникла проблема речевой структуры образа автора (РСОА) в новеллистической разновидности рассказов. Решение этой проблемы, по мнению М.Г. Старолетова, возможно, если признать шукшинскую новеллу жанровой разновидностью рассказа «с развитой структурной жанровой уровнем» [Старолетов, 1997, с. 3], а ее (проблемы) исследование вести на основе синтеза идей В.В. Виноградова и М.М. Бахтина. Речевая структура образа автора в новеллах рассматривается как элемент их структуры, который соотносится с тремя жанровыми уровнями, имеющими «языковой статус»: хронотопа – столкновения «бытового и бытийного» пространства-времени, речевой композиции и языковых изобразительных средств.

М.Г. Старолетову удалось установить, что «в новеллах В.М. Шукшина, относящихся к произведениям с базисным хронотопным жанровым уровнем, особенностями жанра обуславливается модификация РСОА с единонаправленной внутренней детерминированностью: от уровня пространственно-временной структуры к уровню речевой композиции и к уровню языковых изобразительных средств» [Старолетов, 1997, с. 6]. В исследовании языка прозы Шукшина диссертация М.Г. Старолетова заложила традицию разработки методики исследования на материале текста одного из произведений писателя (в данном случае текста рассказа «Жена мужа в Париж провожала»).

С.Н. Пешкова рассмотрела рассказы-сценки В.М. Шукшина. Оттолкнувшись от известного положения тверского литературоведа А.В. Огнева о том, что эти рассказы написаны «словно бы по законам

драмы», С.Н. Пешкова в диссертации «Смешанная, языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В.М. Шукшина» квалифицирует рассказ-сценку как эпико-драматическое произведение. Родо-жанровая природа материала позволила автору обратиться к изучению воспроизведения (эвокации) в нем смешанной, языко-ситуативной коммуникации, которая организуется взаимодействием средств двух систем – естественного языка и экстралингвистической ситуации. Адекватно задачам и материалу исследования избирается его методика – эвокационного сопоставления. Работа С.Н. Пешковой является первой кандидатской диссертацией, выполненной в русле лингвоэвокационной концепции языка художественной литературы (разработана А.А. Чувакиным в развитие идей чешских специалистов).

С.Н. Пешкова выявила, что родо-жанровая специфика рассказов-сценок определяет, какие из явлений языко-ситуативной коммуникации, какими средствами поэтического языка «переносятся» из «естественной» коммуникации в художественную и посредством каких приемов вводятся в текст. В диссертации разработано понятие эвокационного приема как способа преобразования факта «естественной» языко-ситуативной коммуникации в текстовый фрагмент (получил имя специализированного текстового блока), предложен принцип систематизации эвокационных приемов: *свертывание – развертывание*; свертывание принадлежит драматургической манере письма, развертывание – эпической. В целом работа раскрывает сложность и эстетическую силу творческого «пересоздания» писателем коммуникативной действительности в рассказах одной из разновидностей.

Главная трудность, с которой пришлось столкнуться Г.В. Кукуевой при проведении исследования по теме кандидатской диссертации «Речевая партия повествователя как элемент диалога “автор – читатель” в собственно рассказах В.М. Шукшина», состояла в том, чтобы определить признаки, выделяющие собственно рассказ в массиве рассказов писателя. В решении этой задачи исследователь смог опереться на литературоведческие работы, в том числе и шукшиноведов. Основными признаками собственно рассказа Шукшина названы следующие: «принцип рассказывания, ориентация на образ рассказчика “обыкновенного человека” (Е.И. Папава), равновеликие возможности выполнения нарративной функции как РППов (речевой партии повествователя. – *А.Ч.*), так и РППерс (речевой партии персонажа. – *А.Ч.*) (содержательный план); неоднородность авторского повествования, сближение категории повествователя с категорией образа автора (Л.Б. Нуньес) (композиционно-речевой план)» [Кукуева, 2001,

с. 4]. Исходя из этого в диссертации установлено: РППов в собственно рассказах есть составной текст, «целостность которого организуется на стержне “мерцания” речевых линий повествователя и персонажей», что обеспечивает РППов возможность выражения авторской позиции. Сложность предмета изучения и его материала сделала необходимым разработку комплексной методике исследования: комплекс создается лингвистическим описанием в сопряжении с эвокационной и трансформационной методиками. Предпринятый Г.В. Кукуевой шаг демонстрирует возможности эвокационной методике как составляющей некоего методического комплекса, а значит, ее жизнеспособность; такой шаг в отечественной лингвистической поэтике сделан впервые.

Г.В. Кукуева своей работой доказала, что РППов в собственно рассказах Шукшина осуществляет функцию канала информации в диалоге автора с читателем. Выражение авторской позиции осуществляется несколькими способами: имплицитной, отрывтой диалоговой репликой, «лобовым» контактом с читателем. Важнейшим результатом исследования является обнаружение вариантов диалога «автор – читатель»; они возникают на основе модификация РППов.

Еще один тип рассказов исследован Т.Н. Никоновой в диссертации «Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В.М. Шукшина». Работа выполнена в рамках эвокационной теории художественной речи. В отличие от уже рассмотренных диссертаций, данная изучает трансформацию жанровых признаков текстов, принадлежащих первичному речевому жанру (анекдота), в признаки текстов, принадлежащих вторичному речевому жанру (рассказу-анекдоту). В фокусе внимания исследователя находится художественно-речевая структура рассказа-анекдота. Именно в художественно-речевой структуре воспроизведены (эвоцированы) и эстетически преобразованы жанровые признаки анекдота, в число которых входят смеховость, игровое начало, парадоксальность, краткость, обладающие, по наблюдениям Т.Н. Никоновой, высоким эвокационным потенциалом (это понятие разработано Т.Н. Никоновой).

Автор приходит к выводам о том, что специфика художественно-речевой структуры рассказов-анекдотов определяется воспроизведенными жанровыми признаками анекдота; доминирующее положение в ней занимают сюжетный и композиционно-речевой уровни; художественно-речевая структура рассказов-анекдотов отличается неоднородностью при воспроизведении в ней жанровых признаков анекдота. Данное положение служит базой классификации рассказов-анекдотов;

в диссертации выделяются собственно рассказы-анекдоты, усложненные и нейтрализующиеся.

Своего рода обобщением исследований разновидностей рассказов В.М. Шукшина, но выполненным на собственной концептуальной базе, стала докторская диссертация Г.В. Кукуевой «Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина)». Исследователь пишет: «*Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы* (курсив автора. – А.Ч.) рассматривается в работе в качестве: а) процесса, направленного на выявление общетипологических и дифференциальных признаков, обнаруживающихся на уровне ХРС (художественно-речевой структуры. – А.Ч.) и формально-содержательной организации как основных показателей жанра данных текстов; б) гибкой системы разновидностей (типов и подтипов) текстов в их взаимодействиях» [Кукуева, 2009, с. 12].

Данная концепция позволила не только создать лингвопоэтическую систему типов текстов малой прозы Шукшина, но и предусмотреть в этой системе место для внутритиповых и межтиповых пересечений. В диссертации разработан адекватный категориально-понятийный аппарат: модифицирование ХРС, деривационная валентность базового типа, явление пересечения типов и подтипов и др. Одним из существенных результатов исследования стала интерпретация рассказа-очерка (еще одной разновидности рассказов писателя). Рассказ-очерк помещен в системе «производных синкретических типов текстов В.М. Шукшина». Эта разновидность рассказов характеризуется «диффузией письменных художественных и публицистических форм повествования с приметами речевого жанра анекдота, сценки, новеллы». Анализ материала в русле разработанной автором концепции позволил сделать вывод о том, что малая проза Шукшина имеет два существенных лингвопоэтических признака: «затрудненность» формы и содержательная глубина [Кукуева, 2009, с. 10].

Во вторую группу диссертаций, защищенных в диссертационном совете ДМ 212.005.01, включим работы, направленные на поиск ответа на вопрос, как устроены тексты В.М. Шукшина. Эти работы выполнены на материале фрагментов художественных и / или публицистических текстов (с привлечением целых текстов).

В.Л. Каракчиева в работе «Лексические средства обозначения эмоций в художественном тексте (на материале рассказов В.М. Шукшина)» поставила задачу изучить обозначение в рассказах Шукшина эмоций в единстве эмотивных номинаций и эмотивных высказываний. Выбор коммуникативного аспекта в качестве ведущего

позволил исследователю выйти за пределы анализа языковых единиц (слова, словосочетания, предложения) в сферу текста и осуществить анализ целостного текста как обозначения сложно организованной ситуации. Существенным представляется результат рассмотрения эмотивных высказываний на микро- и макроуровне текстовой структуры, описание ситуации эмоциональной деятельности как текстовой ситуации.

Другой объект, но тоже из мира ситуаций в прозе писателя избрала предметом исследования Ю.В. Лушников в диссертации «Лингвоэвокационное исследование ситуации непонимания в текстах рассказов В.М. Шукшина». Ситуация непонимания в малой прозе писателя рассматривается как текстовое образование. Она представляет собой тип коммуникативной ситуации, структура которой создается взаимодействием сигналов, препятствующих пониманию, и сигналов непонимания. Ситуация непонимания обладает высоким эвокационным потенциалом, в силу чего служит организующим началом в текстах рассказов.

В работе Л.В. Сериковой «Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование» проанализированы фрагменты текстов прозаических произведений разных жанров – портретные описания. Выделив в структуре портретного описания три уровня характеристики: «внутреннего» человека, «медиального» человека, «внешнего» человека, Л.В. Серикова установила высокую степень значимости эмоционально-чувственной и волевой сфер как своего рода проводников духовно-нравственной сферы человека во внешнюю действительность. Основным средством связи между внутренним и внешним человеком в прозе Шукшина служит лексико-семантическая группа *глаза*.

К семантической основе художественного текста обратилась Н.А. Волкова в диссертации «Текстовая модальность в аспекте учения о первичности/вторичности текста (на материале цикла рассказов В.М. Шукшина “Из детских лет Ивана Попова”» (Горно-Алтайск, 2007). Н.А. Волковой исследовано варьирование модальной семантики в тексте рассказа при рассмотрении его в составе цикла и при изъятии из цикла. Вывод автора: при вхождении текста рассказа в текст цикла текстовая модальность первого преобразуется под действием сильных позиций второго. Выделяются и детально описываются два основных приема преобразования: переакцентуации текстового значения и подключения к модальностям сильных позиций цикла. Природа изученного явления связывается

в работе с принципом «текст живет в своих коммуникативных трансформациях как открытая их совокупность» [Волкова, 2007, с. 18].

Можно считать, что научное сочинение Н.А. Волковой является одной из первых диссертаций, развивающих идеологию жизни текста. Сложность исследования в русле данной идеологии побудила автора привлечь для работы целостные тексты, сформировать комплекс методов исследования, включающий лингвистическое описание, эксперимент, эвокационное сопоставление, интерпретационные процедуры и ряд др., при этом каждый из методов решает «свою» часть общей задачи (что не всегда бывает в работах начинающих исследователей).

Риторический аспект устройства текста – в данном случае публицистического – изучается в диссертации М.А. Деминовой «Синтаксические приемы диалогичности в публицистических текстах В.М. Шукшина (риторический аспект)». На базе понятий языкового стилистического приема, эвокационного приема и риторического приема формулируется понятие синтаксического приема диалогичности. Он призван осуществить трансформацию текстовых сегментов, обеспечить их риторическую значимость. В диссертации установлено, что Шукшин-автор сознательно отступает от нормы монологического публицистического текста, преобразуя монологический текст в расчете на «оптимально эффективный диалог с читателем» [Деминова, 2002, с. 6]. В публицистике Шукшина обнаружены и проанализированы три главных синтаксических приема диалогичности: диалогизации, цитации, выдвижения. Анализ материала позволил М.А. Деминовой выдвинуть тезис о том, что эти приемы выступают способом организации публицистического текста: именно приемы организуют текстовое пространство, выявляют различные смысловые отношения в текстах.

Третья группа диссертаций представлена – в настоящее время – одной диссертацией: Е.В. Демидова «Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов)», – защищенной по специальности 10.02.19 – теория языка. Работа входит в круг филолого-коммуникативных исследований, выполненных на материале русского и западноевропейских языков. Е.В. Демидова обратилась явлению текстовой совокупности, которая состоит из текстов оригинала, принадлежащих одному автору (В.М. Шукшину), и их переводов, функционирующих в коммуникативном пространстве разных социумов. В диссертации на основе сопряжения принципов филологичности, коммуникативности и системности введена текстовая категория «внутренний мир художественного текста»; сделан вывод о том, что при переводе художественного текста

происходит варьирование внутреннего мира художественного текста. Из многообразия факторов в работе рассматриваются факторы национально-языкового варьирования и личности переводчика.

Развивая традицию изучения жизни текста, Е.В. Демидова установила следующее: «В процессе бытия текста его внутренний мир варьируется под влиянием составляющих коммуникативного пространства. Универсальный механизм варьирования внутреннего мира текста заключается в смысловом варьировании его компонентов» [Демидова, 2011, с. 6]. В работе описывается действие механизма в текстах переводов художественной прозы Шукшина, в том числе процессы изменения, искажения, нарушения, разрушения внутреннего мира текста при переводе. Главный итог, открывающий работу Е.В. Демидовой будущим исследованиям, выражен, пожалуй, в следующем утверждении автора: «Внутренний мир художественного текста является гибкой основой текстовой совокупности» [Демидова, 2011, с. 15].

Литература

- Бобровская И.В. Агиографическая традиция в творчестве В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004.
- Волкова Н.А. Текстовая модальность в аспекте учения о первичности / вторичности текста (на материале цикла рассказов В.М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2007.
- Демидова Е.В. Универсальные факторы варьирования внутреннего мира художественного текста при переводе (на материале рассказов В.М. Шукшина и их англоязычных переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2011.
- Деминова М.А. Синтаксические приемы диалогичности в публицистических текстах В.М. Шукшина (риторический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
- Илюшина О.В. Динамика художественных форм в творчестве В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
- Каракчиева В.Л. Лексические средства обозначения эмоций в художественном тексте (на материале рассказов В.М. Шукшина) : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2000.
- Кукуева Г.В. Речевая партия повествователя как элемент диалога «автор – читатель» в собственно рассказах В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.
- Кукуева Г.В. Лингвопоэтическая типология текстов малой прозы (на материале рассказов В.М. Шукшина) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Барнаул, 2009.
- Куляпин А.И. Проблемы творческой эволюции В.М. Шукшина : дис. ... д-ра. филол. наук. Барнаул, 2001.
- Левашова О.Г. Шукшинский герой и традиции русской литературы в (Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой) : дис. ... д-ра. филол. наук. Барнаул, 2003.
- Лушикова Ю.В. Лингвоэвokedационное исследование ситуации непонимания в текстах рассказов В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2003.
- Московкина Е.А. Психопоэтика прозы В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
- Никонова Т.Н. Рассказ-анекдот как художественно-речевая разновидность рассказов В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2002.

Пешкова С.Н. Смешанная, языко-ситуативная коммуникация в рассказах-сценках В.М. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999.

Серикова Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина : системное лексико-семантическое моделирование : дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2004.

Скубач О.А. Пространство советской культуры в творчестве В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.

Старолетов М.Г. Речевая структура образа автора в новеллах В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997.

Тевс О.В. Семиотический аспект моделирования природы и социума в художественном мире В.М. Шукшина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999.

Хуторянская А.Д. Картина мира в «малой» прозе В. Шукшина : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Чувакин А.А. Основы эвокационной теории художественной речи : дис. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук. Барнаул, 1996.

РАССКАЗ-СЦЕНКА В.М. ШУКШИНА «ДАЕШЬ СЕРДЦЕ!» : ВНУТРИТЕКСТОВОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И МЕЖТЕКСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С.Н. Пешкова

Ключевые слова: внутритекстовое коммуникативное пространство, межтекстовые отношения, В.М. Шукшин, рассказ-сценка, эвокационный прием.

Keywords: intratextual communicative space, intertextual relations, V.M. Shukshin, sketch-narrative, the evocational method.

Коммуникативное пространство как форма существования текста включает отношения, которые возникают внутри текста, посредством самого текста и благодаря тем связям с другими текстами и действительностью, которые устанавливаются в результате его функционирования.

В данной статье рассматривается внутритекстовое коммуникативное пространство целого текста, характеризующегося устойчивым уровнем информационного обмена, каковым выступает художественный текст. Для обнаружения механизмов его соотношения с межтекстовыми взаимодействиями представляется необходимым выявление языковых средств, сигнализирующих о коммуникативных возможностях текста, и маркеров включения во внутритекстовое коммуникативное пространство других текстов и систем. Решение поставленных за-

дач обусловлено рядом факторов, определивших рассмотрение внутри-текстового коммуникативного пространства в двух аспектах: с точки зрения родо-жанровых свойств текста и в аспекте способов воспроизведения в художественном произведении языковой и неязыковой действительности. Остановимся на некоторых важных положениях относительно объекта исследования. Всякий художественный текст как сконструированное коммуникативное «пространство, где идет процесс образования значений, то есть процесс означивания» [Барт, 1994, с. 424], приобретает смысловую полноту при взаимодействии с другими текстами в межтекстовом пространстве культуры, в котором текст оказывается «мозаикой цитат» (Ю. Кристева), «эхокамерой» (Р. Барт), сохраняющей «чужие звуки», «палимпсестом» (Ж. Женетт) с появляющимися новыми строками поверх существовавших. В нем сочетаются элементы предшествующих текстов, обнаруживаются связи других литературных родов, жанров, других видов искусства, задаются потенциальные связи, образуя текстовое множество, называемое межтекстовым коммуникативным пространством, которое определяется как «среда бытия текста, представляющая собой сложно организованную, внутренне противоречивую систему...» [Чувакин, 2007, с. 332].

Полагаем, что внутритекстовые коммуникативные отношения, как и отношения текста к текстам и к действительности, формируются в результате структурно-семантических преобразований, то есть «деривационных механизмов, основанных на эвокации» (А.А. Чувакин). Способом таких преобразований выступает эвокационный прием как динамическое явление, определяющее процесс трансформации реальной коммуникации в художественную речь. Существует мнение, что эвокационные приемы, описанные с позиции учения о риторических фигурах [Пешкова, 2001, с. 48–56], несут определенную функциональную нагрузку, связанную с формированием текста как специфического целого, как систему, в которой ярко проявляются взаимодействия, повышающие степень его коммуникативности. Организованные на оси «свертывание – развертывание», эвокационные приемы обуславливают межжанровые и межродовые связи. Свертывание, как правило, ведет к исчезновению в процессе текстообразования всех тематизированных компонентов. На каждом шаге развертывания появляется новый в содержательном плане объект, в нем заключен процесс познания действительности [Мурзин, Штерн, 1991, с. 35]. В свертывании нуждается выработанная информация, чтобы храниться в памяти, быть «мозговым эхом» – копировать, воспроизводить информацию. «Мозг как бы захватывает

поступающие раздражители, внутренне их повторяет, свертывает и развертывает» [Леви, 1973, с. 219] (цит. по: [Мурзин, Штерн, 1991]). Применительно к текстообразованию эти процессы определяют сложное взаимодействие эвокационных приемов. Доминантность свертывания ведет к межтекстовым взаимодействиям.

Характер межтекстовых отношений может устанавливаться как в процессе порождения и понимания текста, так и в процессе его функционирования [Пешкова, Чувакин, 2004, с. 24–27]. Так, отношения производности зарождаются внутри произведений, представляющих собой гибридные жанры, каковыми выступают рассказы-сценки В.М. Шукшина с их уникальными художественными средствами единения сцены и зрителя. Рассказы-сценки по характеру синкретичности занимают, на наш взгляд, ядерную позицию в силу того, что в них наиболее ярко проявились глубоко индивидуальные шукшинские законы, открывающие возможности объединения разных жанров и видов искусства, их тяготение к гармоничному взаимодействию принципов театрализации жизни с чертами кинематографичности.

Рассказы-сценки В.М. Шукшина – пример такого типа производности, когда сложно установить исходные и производные жанровые позиции, выявить мотивирующую роль в структуре производных текстов и определить деривационную валентность как важнейшую примету повествования в отличие от подчинительных отношений в рассказах – анекдотах, описанных Г.В. Кукуевой [Кукуева, 2010, с. 110]. В данном синкретическом жанре авторская сценическая манера письма обусловлена не только генетическим сходством жанровых форм, но так называемой жанровой контаминацией [Николина, 2000, с. 543], трансформацией и интермедийными связями.

В рассказе-сценке В.М. Шукшина «Даешь сердце!» межродовые связи усматриваются в драматическом конфликте, где при столкновении с реальностью закона и порядка, мечты о победе над смертью «словно превращаются в “хлам воображения” (Е. Черносвитов), вроде: “Ширво коло ширво”». Игровое начало начинается с заглавия, состоящего из реплики персонажа в виде побудительного предложения-призыва с императивным глаголом, своей краткостью и выразительностью напоминающего рекламный слоган. Трансформация реплики «даешь сердце» ведет к известному высказыванию «Даешь стране угля», которое означает «быть первым, добиться лучших результатов в чем-то,

перевыполнить план», без знания сути которого заглавие становится неожиданным и интригующим. По мере развертывания сюжета оно расширяет объем своего значения, выстраивая особые отношения с текстом при взаимодействии конкретности, основанной на обязательной связи с ситуацией текста и генерализации, сводимой к обобщенности. Включенная в рассказ традиционная для Шукшина символика сердца прогнозирует интертекстуальные связи. Высказывается предположение, что сердце для героя является не просто органом человеческого тела, оно получает отождествление с душой и трансформируется в душевное расстройство в виде свидетельства о способности чувствовать, раскрывая эмоциональную сферу человеческой жизни, а фигура главного героя проецируется на жизнь и творчество Александра Ивановича Герцена (вымышленная фамилия, образованная от немецкого «сердце») [Десятов, 2007, с. 73].

Важную позицию во внутритекстовом коммуникативном пространстве занимает имя ситуации. Ситуация как поле деятельности человека и объект эвокационного процесса, преобразуясь субстанционально и функционально, становится в тексте продуктом, определяющим связь с внетекстовой действительностью. Не случайно первую реплику главного персонажа предваряет лаконичное парцелированное повествование о событии: «...гулко ахнули два выстрела. Раз за разом... Из крупнокалиберного ружья», разворачивая действие на глазах у «зрителей», создавая иллюзию настоящего времени через драматизированный способ передачи пространственно-временных координат: *Дня за три до нового года, глухой морозной ночью, в селе Николаевке, качнув стылую тишину, гулко ахнули два выстрела.* Прием стилистического контраста обеспечивает обозначение ситуации, сопряженной с мироощущением читателя и вскрывает противоречие между стремлением к духовности, безграничной верой в науку и законом: *гулко ахнули два выстрела – я отсалютовал – это нарушение общественного порядка. Мы боремся с этим.* Имя ситуации не только представляет ситуацию действительности, но служит воплощению авторского отношения и отражает позицию персонажей, включает когнитивную сферу читателя, активизируя его коммуникативные усилия. Экспрессивные наименования передают через стилистические средства эффект неожиданности: *ахнули два выстрела – стрелял – дважды саданул из ружья – стрельбу открыли – отсалютовал – салют был – выстрелы в ночное время.* Прием контраста объединяет средства, сигнализирующие взаимодействие текстов разной стилистической направленности.

Вовлечение в ситуацию главного персонажа обеспечивается перемежающимися разнонаправленными эвокационными приемами: убавление посредством максимально-обобщенного обозначения имени (использование неопределенного местоимения *кто-то*) создает условия для развертывания номинации с указанием на социальный статус: *кто-то – ветфельдшер Александр Иванович Козулин*, в результате чего образуется номинативная цепочка: *кто-то – ветфельдшер Александр Иванович Козулин – этот-то человек – фельдшер – товарищ Козулин – ветеринар – шизя*. Причем цепочка может быть еще более развернутой, если привлечь к анализу первоначальный текст рассказа, опубликованного в 1970 году в сборнике «Земляки». Эвокационное сопоставление текстов, опубликованных в разные периоды, показало, что первичный текст подвергся деривационным преобразованиям, направленным в сторону усечения эпического начала и развития драматургических свойств. Как известно, писать для театра Шукшин стал гораздо позже. Неосознанное признание театральности проявилось в эвокационной структуре ранних рассказов-сенок. Сказанное демонстрирует особые отношения производности, которые ведут к дополнительному осмыслению авторской интенции. Номинативная цепочка будет иметь следующий вид: *кто-то – ветфельдшер Александр Иванович Козулин – этот-то человек – фельдшер – товарищ Козулин – ветеринар – шизя – раб Христов*.

Сравним с номинацией других персонажей: *председатель, участковый милиционер – участковый*. Как видим, обозначения имеют максимально свернутую структуру и сводятся исключительно к номинации социального статуса, сигнализирующего выход за пределы текста, к опыту читателя, необходимого для понимания и развития ситуации.

В способе обозначения главного персонажа исследователями намечается интертекстуальная связь с повестью М. Булгакова «Собачье сердце». Имя шукшинского героя связывают с его профессией: ветфельдшер Козулин (профессора Преображенского зовут Филипп Филиппович, а «Филипп» по-гречески означает «любящий коней»). Кроме того, как и в повести М. Булгакова, в речи одного из персонажей (председателя) усматривается сближение людей и животных: «Дело не в том, кому пересадили, все мы, в конце концов, животный мир...», а также актуализируется семантика фамилии Булгакова в вопросе председателя, адресованном Козулину: «*Кто вам дал право в три часа ночи **булгатить** село выстрелами?*»

Тюркское слово «булга», по словарю Даля, - «тревога, беспокойство», глагол «булгачить» - беспокоить, шуметь, привести в беспорядок, взбунтовать [Сомов, 1995, с. 63], то есть именно то, что, по мнению В. Десятова, доставлял советской власти Михаил Булгаков [Десятов, 2007, с. 73].

Кроме того, обозначение главного персонажа не ограничивается номинацией. Описание внешности *полный, рыхлый*, возраста *лет пятидесяти* сопряжено с динамикой его внутренних переживаний, имеющих характерологическое значение: *ходил скоро, смотрел вниз, торопливо здоровался, разговаривал мало, тихо, точно чего-то стыдился, опускал глаза... из стыда и деликатности*. Заметим, в сопоставлении с первоначальным текстом рассказа заметно усечение авторского и несобственно-авторского начала, сравним: *...здоровался очень вежливо и тотчас опускал глаза. А разговаривал тихо, неразборчиво и все как будто чего-то стыдился. Точно знал про людей какую-то гадкую тайну и боялся, что выдаст себя,...* «Раб Христов», - *говорят они про таких*. В стремлении к лаконичности описания внешности наблюдается важный признак драматургии – связь с пантомимой как сценическим изобразительным искусством. Мим чаще всего сам является исполнителем и драматургом своего репертуара, каковым выступает Козулин при косвенном вербальном «отречении» от своего поступка, в изображении которого проявляется игровая эксцентрика:

- *Простите, не подумал в тот момент... Я – шизя. ...На меня, знаете, находит... Теряю самоконтроль. – Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза - пальцами. – Ширво коло ширво... Зубной порошок и прочее*. Проявление игровой эксцентрики в сочетании с театрализованной прямой речью усиливает эффект неожиданности. Прием конвергенции, фокусирующий внимание на невербальных средствах, концентрирующий пучок изобразительных и выразительных средств в одной функции, способствует трансформации изобразительных средств в связный пантомимический текст. Усиление приема обнаруживается при его взаимодействии с усечением как приемом, который отличается структурной нестабилизированностью, интонационной незавершенностью предложений и реализуется в функции знака психического состояния персонажа: *как бы в раздумье потрогал лоб, потом глаза – пальцами*. Взаимодействующие приемы придают динамичность и напряженность развитию казусной ситуации, дальнейшему течению «игры» - сокрытия своего истинного лица под маской, создавая особую театральную

выразительность. Предельно насыщает экспрессией финальную картину прием повтора, состоящий в неоднократном воспроизведении соматического языка: *Фельдшер... вдруг сморщился, закрыл глаза* и просодических средств: *неожиданно громко – как перед батальоном – протяжно скомандовал: - Рр-а вняйсь! Сирра-а! Потом потрогал лоб и глаза и сказал тихо: - Опять нашло... До свидания. – И вышел.* Эффект непредсказуемости поступка создается посредством усечения парцеллированной конструкции авторского речевого слоя, что создает возможность самостоятельного развития драматического действия, порождая множество интерпретаций, провоцируя речемыслительную деятельность человека и включая его в коммуникативное пространство рассказа.

Вместе с тем межтекстовые отношения, рассматриваемые с позиции родо-жанровых признаков, развиваются в сторону киносценария. Из кинематографических средств обнаруживается укрупненный образ персонажа, монтажность, покадровое изображение. Безымянный персонаж получает крупный план: *грузный, с красным, обветренным лицом участковый милиционер; у участкового вытянулось лицо, участковый многозначительно посмотрел на председателя.* Сменой кадра и переходом от общего плана к крупному обусловлено указание на место действия и время. Сравним: *Глухой морозной ночью ... в селе Николаевка грянули два выстрела – В полдень на ветучасток приехал милиционер.* Специфическим выразительным средством кинематографа – монтажностью обеспечивается смысловое соединение микроситуаций, уплотняющее структуру текста и создающее их единство с макроситуацией: *У ворот стоял мотоцикл с коляской – Председатель ждал их.* Покадровое изображение финальной сцены усиливает киносценарные признаки: 1 кадр: *Милиционер и председатель еще долго сидели, глядя на дверь. Потом участковый тяжело перевалился в кресле к окну, посмотрел как фельдшер уходит по улице. – У нас таких звали: контуженный пыльным мешком из-за угла.* 2 кадр: *Председатель тоже смотрел в окно.* 3 кадр: *Ветфельдшер Козулин шел, как всегда, скоро. Смотрел вниз.* Семантическая оппозиция внешнего и внутреннего мира реализуется через окно как знак отсутствия полноценного контакта. Взаимодействие эвокационных приемов усечения и умолчания передает позицию неопределенности: *председатель не понял, участковый засмеялся, чем привлекает в сеть взаимоотношений реальные ситуации.*

Обобщая основные результаты представленного анализа можно заключить, что внутритекстовое коммуникативное пространство задает параметры текстовых взаимодействий. Высокая степень заданности потенциальной коммуникативной деятельности определяется степенью свертываемости предтекстовой информации. Эвокационный прием как способ воспроизведения действительности, художественный эффект которого, как и любого приема, всегда отношения [Лотман, 1994, с. 71], направляет текст в другие коммуникативные системы. Кроме того, наблюдения показали, что генетически заложенная в рассказах-сценках синкретичность выступает фактором установления характера межтекстовых отношений. Таким образом, механизмы соотношения внутритекстового и межтекстового коммуникативного пространства, базирующиеся на свертывании, способствуют формированию активной среды – коммуникативного пространства, в котором текст функционирует, получает различные интерпретации, реализуется в других видах искусства и других системах.

Литература

- Барт Р. Семиотика. Поэтика Избранные работы. М., 1994.
- Десятков В.В. Дашь сердце! // Творчество В.М. Шукшина : Энциклопедический словарь-справочник : В 3-х тт. Барнаул, 2004–2007. Т. 3.
- Кукуева Г.В. Рассказ-анекдот XXI века как результат межтекстовой деривации // Культура и текст. 2012. № 1.
- Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
- Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
- Николина Н.А. Типы межжанрового взаимодействия // Русский язык сегодня. М., 2000.
- Пешкова С.Н., Чувакин А.А. Межтекстовые отношения как проблема теории текста // Актуальные проблемы текста : Лингвистическая теория и практика обучения. Улан-Удэ, 2004.
- Пешкова С.Н. Эвокационные приемы в рассказах В.М. Шукшина. // Язык прозы В.М. Шукшина : Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. Барнаул, 2001.
- Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М., 1995.
- Черносвитов Е.В. Пройти по краю : Рассказы Шукшина : мысли о жизни, смерти и бессмертии. М., 1989.
- Чувакин А.А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2007.

«ДУМАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕК» –
О ЦЕННОСТИ «ДАЛИ СВЕТЛОЙ»¹

В.Д. Мансурова

Ключевые слова: философия творчества, правда жизни, экзистенциальные ценности, самоопределение человека, знаковые тексты Шукшина.

Keywords: philosophy of writing, reality of life, existential values, self-determination of a man, semiotic texts of Shukshin.

«Ночь, тихо, а ты лежишь, думаешь об чем-нибудь. Думать шибко люблю» – так, глядя на догорающий костер на берегу Катуня, заявляет о себе Пашка Колокольников из киноповести «Живет такой парень». Это слово – «думать – в различных сопряжениях с суетой повседневной жизни – будут произносить все герои шукшинских произведений, далекие, казалось бы, от интеллектуальных прозрений. Звездное небо, дышащая покоем сельская околица, тесная парилка в банной истоме – все становится амфитеатром, вратами ада, прологом «судного дня» для мятущейся души, вопрошающей о смысле своего пребывания в этой земной благодати. Нехитрый смысловой инвентарь – образы, лица, слова и поступки – в тайной исповеди перед самим собой будит и тревожит, заставляет страдать и маяться чем-то еще неясным, что надо обязательно понять и вновь озаботиться «думами».

Способностью думать, мучиться в поисках потаенного смысла жизни наделены обыкновенные люди, не совершающие трудовых подвигов и живущие, казалось бы, вопреки «здравому смыслу»: по велению чувств и эмоциональному порыву. Их сельская «прописка» и негородской уклад жизни, ювелирно воспроизведенные уже в первых рассказах писателя о своих «Земляках» [Шукшин, 1970], стали для литературных критиков основанием для отнесения его творчества к «деревенской прозе». Но последующая экранизация киноповести «Печки-лавочки» с деяниями героя, опять не укладывающегося в хрестоматийные рамки образа деревенского умельца, вызвала уже более разнообразную реакцию в среде профессиональных критиков – приверженцев деревенской проблематики. В официальных же кругах идеологов социалистического строительства на селе «Печки-лавочки» были однозначно оценены как отступление от «правды жизни».

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 14–13–22009

Для самого В.М. Шукшина эта «правда» заключалась не в демонстрации обновленных сельских улиц и передовых приемов труда. *«Нравственность есть Правда, – отвечал он в одноименной статье, излагая свое творческое кредо. – Не просто правда, а – Правда. Ибо это мужество, честность, это значит – жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду»* [Шукшин, 1991, с. 406]. Вышедший из сельской глубинки и не понаслышке знающий цену проявлениям «мужества» и «честности», достижения «радости» и восприятия «боли», в этой же статье писатель предельно откровенно изложил и принципы своей жизненной философии. Не терпящий наукообразия, В.М. Шукшин определил ее так: *«Философия, которая – вот уже скоро сорок лет – норма моей жизни – есть философия мужественная»* [Шукшин, 1991, с. 405-406].

«Философия мужественная», как и другие понятия, возведенные писателем в ранг ключевых инструментов воспроизведения народного жизни, не противоречили общепринятым философским критериям зависимости бытия от передового сознания. Но им отводилась роль желаемой «идеологической надстройки», что явно расходилось с пониманием глубины их сокровенного смысла самим В.М. Шукшиным. Он с рискованной смелостью выводил «в свет» людей, которые грешили и калялись, были безоружны перед вероломством и чисты в своей добродетели. Они отважно принимались «думать» и обретали подлинное счастье в этой сладкой муке. Это была шукшинская писательская «смелость», но выучена она была у гениальных предшественников – философов и писателей – и преумножена в личных творческих исканиях.

В той же программной статье «Нравственность есть Правда» В.М. Шукшин, не ссылаясь на автора, подробно интерпретирует взгляды русского философа Н.О. Лосского, изложенные им в книге «Характер русского народа» [Лосский, 1990]. Он отмечает те же особенности толкования нравственности, присущие народной мудрости, и ссылается на тех же «неприкаянных» героев и «лишних» людей – Печорина и Обломова, – благодаря которым *«...Лермонтов и Гончаров сделали свое дело: они рассказали Правду <...> Обществу, познавая само себя, обретает силы. И только так оно движется вперед»* [Шукшин, 1991, с. 407].

Идеи Н.О. Лосского, как и работы других русских философов – Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Л.И. Шестова, С.Л. Франка, были созвучны той философии, которую исповедовал Шукшин. Писатели-шестидесятники (об этом свидетельствуют дневниковые записки мно-

гих литераторов того времени) очень остро почувствовали своевременность экзистенциального прочтения «правды жизни». Идеологическая «оттепель» того времени открыла границы идеям западного экзистенциализма, захватившего умы и чаяния европейских писателей и философов послевоенной поры. В российских издательствах вышли в свет книги с изложением основных постулатов экзистенциализма: «Философия отчаяния и страха» [Чалин, 1962]. «Современный экзистенциализм» [Современный экзистенциализм, 1966]. Критический обзор философских идей не мог закамуфлировать их соблазнительной схемы объяснения катастрофичности человеческого мироощущения в период крушения основ миропорядка.

В.М. Шукшин, самолично убедившийся в том, что «Книги выстраивают целые судьбы» [Шукшин, 1991, с. 422-425], как страстный книголюб, чутко реагировал на колебания интеллектуального климата своего времени и, естественно, не мог оставаться в стороне от нравственных исканий. Как подтверждает философ В.В. Руднев, «...эстетические и философские идеи всегда носятся в воздухе, проникают в человеческое сознание помимо его воли и управляют его поведением» [Руднев, 2000, с. 32]. Шукшин сам, будучи в пограничной ситуации «между городом и деревней», между принципами литературы соцреализма и унаследованными у русской классики традициями глубокого проникновения в суть народного духа, не мог не сформулировать свою, «мужественную», философию. Не умозрительные концепции, а собственная жизнь, прожитая им в надежде послевоенных людей «выжить и построить» и столкнувшихся с вопрошанием «А что теперь? И зачем?», стала «оптикой» его пристального взгляда в человека с его метаниями между обретениями и потерями.

Тоске, отчаянию, «тошноте» от распадающегося на глазах миропорядка, благости самоубийственного самоуничтожения, декларируемым героями Ж. Сартра и А. Камю, Шукшин противопоставил животворящую силу человека, устремленного к миру «горнему» даже в ситуации запредельного разлада с миром «дольным». Не принимая идеи «умения жить абсурдно» и поставить под сомнения все ценности, шукшинский Егор Прокудин из киноповести «Калина красная» даже на краю гибели остается в твердом убеждении, что «Надо жить. Надо только умно жить!». Не «Бунтующий человек», как у А. Камю, а «Думающий человек» становится экзистенциальным опытом писателя Шукшина.

Такой отход от тотального рационализма и освоение иррационального опыта постижения сути миробытия как основа экзистенци-

ального сознания, по заключению исследователя современного литературно процесса В.В. Заманской, является сущностной линией русского европейского мышления XX века [Заманская, 2002]. Значит, не случайно внимание В.М. Шукшина было приковано к открытию русских экзистенциалистов начала двадцатого столетия. В книге Н.О. Лосского, явно прочитанной и прочувствованной Шукшиным, обоснован вывод о том, что *«Русский народ весьма одарен способностью к высоким формам опыта, более значительным, чем чувственный опыт. Таким, как восприятие аспектов природы как творения божьего, опыт религиозный, нравственный, эстетический, восприятие чуждой душевной жизни, интеллектуальная интуиция (умозрение)»* [Лосский, 1990, с. 24, 30]. Чувственное обозначение переживаемого и осмысляемого мира открывало писателю глубину проникновения в страдательную устремленность человека к высшему смыслу и благодати.

Телесная, чувственная жизнь «думающего» человека неразрывно связана с природой. Только слившись с ней, он ощущает сладкую, возвышающую его, муку зарождающейся мысли. И Пашка Колокольников, и Матвей Рязанцев из рассказа «Думы», и непутевый Степка из одноименного рассказа думают, растворяясь в таинственном диалоге с природой: *«...когда было светло от луны, звенела гармонь и в открытое окно вливался с прохладой вместе горький запах полыни»* [Шукшин, 1970, с. 27], когда *«Во дворах на таганках потеют семейные чужуны с похлебкой. Пляшут веселые огоньки, потрескивает волглый хворост. Задумчиво в теплом воздухе... Прожит день. Вполсилы ведутся неторопливые, необязательные разговоры – завтра будет еще день, и опять будут разные дела. А пока можно отдохнуть, покурить, поворчать на судьбу, задуматься бог знает о чем: что, может, жизнь – судьба эта самая – могла бы быть какой-нибудь иной, малость лучше?»* [Шукшин, 1970, с. 80]. А кузнецу Филиппу Наседкину, герою рассказа «Залетный», для полной гармонии нужен еще и человек, бесконечно добрый и одинокий, в присутствии которого *«Можно было долго сидеть на старом теплом бревне и тоже смотреть далеко – в горы. Думалось – не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – в какую-то минуту – стал ты громадный, вольный и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял»* [Шукшин, 1970, с. 81].

«Думать» для героев Шукшина – тоже работа, но желанная и обставляемая целым обрядом обязательных условий для зарождения мысли, когда сознание пробуждается бунтарским порывом: *«...внезапным ярким чувством того, что в человеке есть нечто такое,*

с чем он может отождествлять себя хотя бы на время» [Красиков, 2003, с. 128]. Алеша Бесконвойный посвящает этому целый день – банный. Чтобы, изнузив себя улажением телесным, думать, думать, заглянуть в душу и вернуть пьянящее чувство любви к женщине. Некогда мешавшая уснуть гармонь оказывается тоже нужной Матвею Рязанцеву, чтобы, промучившись без сна, вновь ощутить себя летящим на коне в черную ночь, и чтобы *«И ночь летела навстречу им, густо была в лицо тяжким запахом трав, отсыревших под росой»*.

Жизнь с трудами и заботами, со светом, запахом и добрыми людьми воспринимается как временное состояние, потому и смерть, неизбежная в ее течении, обдумывается столь же обстоятельно, как собственная явь. Ощущая ее приближение, герои рассказов думают не о ней, а о дарованной им «дали светлой». Старик («Как помирал старик») деловито отдает распоряжения причитающей над ним старухе. Саня Неверов из рассказа «Залетный» произносит хвалу смерти за то, что *«Если мы не в состоянии постичь ее, то зато смерть позволяет понять нам, что жизнь – прекрасна. И это не грустно, нет...»* [Шукшин, 1970, с. 85]. Красавец Спиридон Расторгуев (рассказ «Сураз») – единственный из шукшинских героев примеривший на себя самоубийство, *«...в последнее мгновение успел подумать... Не подумал даже, а удивился» «А не больно!..»* [Шукшин, 1970, с. 131].

Не больно и не страшно – так относятся к смерти, самой трагичной части жизни, люди, умеющие думать. Поистине маетное состояние для них – обретение душевной благодати при самой жизни. Ибо оно неполно, недостижимо без посвящения в иную, высшую, благодать – благодать божию. Герои Шукшина – отъявленные безбожники, но осеняют себя крестом и уповают на господнее провидение в минуту опасности. Старик за мгновение до кончины все же просит у бога прощения, хотя только что укорял его за то, что «мало сделал ему добра». Отсюда и маета, страдательное состояние сознания, потому что, по определению современного философа, автора книги «Человеческое присутствие», *«... маета – это чувство обманутости, обкраденности»* [Красиков, 2003, с. 198].

Смысловая ситуация исповеди как предельно возможное самораскрытие человека во все времена неизбежно сталкивала человека с пониманием своей обращенности к Богу. Наделив героев своих произведений атеистическим сиротством, Шукшин в маете их мысленных исповедей и поступков тоже пытался решить кардинальную проблему безрелигиозного существования в мире: как себя, так и своих современников. Вот «Крепкий мужик» оголтело разваливает трактором ста-

ринную сельскую церквушку и не находит оправдания своему поступку, испытывая муки совести и той самой «обкраденности». Семка Рысь из рассказа «Мастер», наоборот, мучается от желания восстановить чудный храм, чтобы заиграл и засветился он на радость людям. И отступает от осветившей его идеи, тоже ощутив себя «обманутым» и обделенным. Наконец, в рассказе «Верую!» Шукшин напрямую ставит героя перед дилеммой: верить ли в Бога, если сам поп, «натуральный, с волосьями», ведет себя, как простой юродивый?

Так в творческом мире писателя В.М. Шукшина сошлись и нашли пронзительно ясное выражение глобальные экзистенциальные проблемы самоопределения современного человека, обретшего весь мир и теряющего священное чувство всеединства – с людьми, природой, Богом. Этот разрыв между подлинными и неподлинными формами человеческого существования, и есть предмет сокрушительного раздумья, содержание «дум» человека, не утратившего своих сущностных сил – созерцания сердцем. Писатель Шукшин предвосхитил ценность возврата к гуманитарному сознанию, художественно выразив литературный интерес к трансцендентной реальности и связанным с ней экзистенциалам: нравственности, правде, чести, мужеству жить достойно и умно. Знаковые тексты произведений В.М. Шукшина и представленные в них экзистенциальные типы «думающих» людей во многом определили доминанты опытного переживания человеком собственного существования в моменты прорыва к высшему смыслу жизни, воплощенные в литературе и искусстве уже нового, двадцать первого века.

Литература

- Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М., 2002.
 Красиков В.И. Человеческое присутствие. М., 2003.
 Лосский Н.О. О характере русского народа. М., 1990.
 Руднев В.В. Введение в прагмасемантику «Винни Пуха»// «Винни Пух» и философия обыденного языка. М., 2000.
 Современный экзистенциализм. М., 1966.
 Чалин М.Л. Философия отчаяния и страха. М., 1962.
 Шукшин В.М. Земляки. М., 1970.
 Шукшин В.М. Я пришел дать вам волю. Барнаул, 1991.

СТАТЬИ

РУССКИЙ ОРИЕНТАЛЬНЫЙ ТРАВЕЛОГ КАК ЖАНР ПУТЕВОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА¹

П.В. Алексеев

Ключевые слова: русский травелог, ориентальный травелог, путевая проза, ориентализм, путешествия, просвещение, русский романтизм.

Keywords: Russian travelogue, oriental travelogue, travel writing, Orientalism, travel, Enlightenment, Russian Romanticism.

Жанровое, тематическое и стилистическое своеобразие травелогов как художественно-документальных текстов, именуемых иначе литературой путешествий, путевой литературой, путевыми очерками, путевыми поэмами (в зарубежной критике – travelogue, travel writing, travel literature) и т.п., неоднократно становилось предметом исследований, в результате которых создана определенная, хотя и не бесспорная, теоретическая база. Генезис, поэтика и теоретические аспекты жанра травелога изучаются в трудах Е.Г. Проценко, В.М. Гуминского, В.А. Шачковой, М.С. Стефко, С.А. Козлова, Е. Андреевой и др. В то же время редкая диссертация или монография, посвященная путевой прозе, обходится без того, чтобы не констатировать отсутствие целостного осмысления этой части словесности. Большая часть отечественных исследований травелогов посвящена русско-европейским культурным связям, повсеместно игнорируя описания путешествий на Восток. Цель настоящей статьи – показать, что русская литература ориентальных путешествий должна

---

¹ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта Президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых МК-1840.2014.6

закрепить за собой жанровое определение «ориентального травелога» и должна быть рассмотрена как единое целое.

В западной мысли бум исследования травелогов приходится на 1990-е годы, сопрягаясь с гендерными исследованиями, а также с колониальными и постколониальными штудиями, в рамках которых была проведена блестящая аналитика образа европейского путешественника (и женщины-путешественницы), было собрано и систематизировано большое количество травелогов, начиная со Средневековья до Нового времени. Среди большой массы исследований можно отметить работы Р. МакДугалла, С. Кларка, Дж. Дункана, Дж. Робертсона, Б. Блэкстоуна, К. Лоуренс, С. Миллс и др. Мэри Луиза Прайт в своей знаменитой работе «Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation» (1992) задается характерным для постколониального дискурса вопросом: «how travel books by Europeans about non-European parts of the world went (and go) about creating the “domestic subject” of Euroimperialism?» [Pratt, 1992, с. 4]. Особое место в этих исследованиях отводится путешествиям на Восток, однако специальной номинации вроде «oriental travelogue», которая бы закрепились в качестве жанрового определения за корпусом этой литературы, обнаружить не удается.

Монография Андреаса Шенле «Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790–1840» – одно из самых интересных и, потому, активно цитируемых исследований, претендующих на комплексный подход к проблеме русского травелога. Касаясь литературных путешествий на Восток в рассуждении об эволюции путевой литературы в России, автор не использует термин «восточный травелог», но устанавливает, что в начале XIX века, в особенности, после наполеоновских войн, интерес к Западной Европе несколько слабеет, и появляются новые направления движения – окраины Российской империи (Крым, Украина) и Кавказ. В качестве причины появившихся изменений Шенле указывает на эстетические и исследовательские интенции путешествующих писателей, которые отправлялись в неевропейские области «отчасти в поисках дикой природы, отчасти для познания исторического прошлого» [Шенле, 2004, с. 18]. Автор делает большой шаг к пониманию ориентального травелога, определяя связь между познанием исторического прошлого и общеромантическим стремлением к экзотизму. Таким образом, в дискурс путешествий на Восток входят описания не только заграничных поездок в Иран,

Сирию, Палестину (о которых Шенле почти не говорит), но и во «внутренний Восток» - азиатские окраины Российской империи.

Кажущееся отсутствие фабулы, нарочитая литературная необработанность, обилие «лишних», с художественной точки зрения, бытовых деталей, превращающих текст в путеводитель, и, наконец, подчеркнутая документальность большинства произведений о восточных путешествиях формируют «проблему жанра» ориентального травелога: не ясно, каковы его границы и формы, какие тексты включаются в него, какие, напротив, относятся к другим жанрам литературы или выводятся во внелитературное поле. В то же время ряд важнейших особенностей путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века свидетельствуют о том, что описания русских путешествий на Восток объединены не только направлением движения, но и концепцией «русского европейца на Востоке». Это позволяет говорить об особом дискурсе русского ориентального травелога, имеющем внутреннее единство концептосферы и нарратива, обладающего собственным словарем и вектором динамичного развития, не обусловленного рамками какого-то одного стиля или направления.

«Письма русского путешественника» (1791) Н.М. Карамзина, сформировали жанровую модель для всей последующей литературы путешествий, в рамках которой начал выделяться ориентальный травелог. Карамзинский образ русского образованного путешественника с книгой в руках оказался настолько мощным в семиотическом отношении, что большинство последующих травелогов XIX века, в том числе ориентальных, были написаны с оглядкой на карамзинский текст. В частности, утверждается, что один из самых значительных ориентальных травелогов первой половины XIX века «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина представляет собой не что иное, как «внутренний диалог» с карамзинским травелогом [Шенле, 2004, с. 180].

Между тем, жанровое определение самого карамзинского травелога представляет известную литературоведческую проблему, которая была отражена в работах В.В. Сиповского, Г.А. Гуковского, Л.В. Пумпянского, Е.Н. Купреяновой, М.В. Иванова и др. Следует выделить точку зрения Ю.М. Лотмана: он убедительно доказал, что «Письма русского путешественника» не были строго документальной публикацией, поскольку они несли отпечаток глубокой литературности, образ автора не равен в них биографическому автору, и реальная поездка совершенно отличается от того, что нашло отражение в произведении. То, о чем умолчал Карамзин, вероятно, не менее

интересно, чем то, о чем он сказал: травелог предоставляет автору полную свободу в выборе объектов, достойных занять место в тексте, однако «правдивость» и «документальность» путевого текста иллюзорна, потому, что всегда наличествует факт их отбора.

Таким образом, вопрос о принадлежности к литературе путевых текстов, независимо от того, в каком направлении было совершенно путешествие (на Запад или Восток), отодвигается на второй план, если анализировать жанр травелога в структурно-семиотическом плане: в таком случае все тексты с нарративом путешествия будут элементами единой системы, где «жизнь писателя просматривается сквозь призму литературы, а литература – сквозь призму быта» [Лютман, 1997, с. 486]. Движение в пространстве в художественном, документально-художественном и собственно документальном тексте, в таком случае, должно быть идентифицировано как отражение лежащей в его основании идеи, вскрытие которой и поможет, говоря словами К.В. Сивкова, проследить культурную эволюцию русского дворянства [Сивков, 1914, с. 5]. Если говорить об ориентальном травелогe, то его идейной основой был «восточный вопрос», связанный с имперскими амбициями России в отношении балканских народов, находящихся под игом слабеющей Османской империи [Šedivý, 2013, с. 16].

Дискурс ориентального травелога включает в себя все мыслимые формы выражения путевого нарратива, не ставя при этом вопроса об их литературности. В этот контекст следует поместить не только описания реальных путешествий на Восток, но и литературный прием, чрезвычайно важный для беллетристических жанров. В этот ряд попадет, к примеру, большинство произведений в жанре плутовского романа типа «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» Дж. Мориера, переведенного О.И. Сенковским в 1831 году.

В связи с тем, что Россия, будучи страной с неопределенным статусом в западно-восточной дихотомии, была Востоком для Запада и Западом для Востока, русские ориентальные травелоги не могут рассматриваться отдельно от литературы путешествий в страны Европы, поскольку составляют с ними единый дискурс русского травелога. Этот дискурс сформировался в России под влиянием европейской имажинативной географии, в которой ориентализм, делящий мир на Запад и Восток, выступил одним из самых эффективных инструментов формирования национальной идентичности, поэтому подавляюще большинство современных критиков «travel writing» в западной антропологии и филологии

возводят дискурс травелога к проблеме национальной идентичности: ее генезиса и путей развития.

Если оставить в стороне острое политическое содержание концепции Саида, упрекающего колониальные державы прошлого (Францию, Великобританию, Россию) и настоящего (США) в мифологических оправданиях своих преступлений на Востоке, в целом, она близка к истине. Деление мира на Запад и Восток, как убедительно показали постсаидовские исследования Л. Вульфа и М. Тодоровой, есть основное требование европейской идентичности. В рамках так называемого «восточного вопроса» о разделе сфер политического (и, как инструмент, - культурного) влияния России, Англии и, в меньшей степени, Франции на Востоке (первоначально – территориального наследия Османской империи), с конца XVIII века происходит полномасштабная целенаправленная работа колониальных держав по наращиванию знаний о Востоке: географических, культурных, религиозных, демографических, военных и др. В этом отношении необходимо сделать краткий обзор ключевых ориентальных травелогов в России.

Первые ориентальные травелоги в России (кроме паломнических хождений) связаны с усилиями торговцев и дипломатов: таковы статейные списки русских послов, а также «хожения» в Индию Афанасия Никитина (вторая половина XV века) и в Персию Федота Котова (первая половина XVII века). По мысли Д.С. Лихачева, не смотря на то, что статейные списки, по существу, не являлись литературными произведениями, нельзя не отметить их художественные достоинства, которые были вовсе не обязательными для дипломатического документа: эмоциональность, стилистическая украшенность и постоянное использование прямой речи [Лихачев, 2008, с. 329]. Этим особенностям полностью соответствуют статейные списки о поездке в Константинополь (1570) И.П. Новосильцева, посланного Иваном IV для установления дипломатических отношений с султаном Селимом II, и Ф. Елчина в Западную Грузию (1639-1640), отразившего в своем отчете, в частности, стремление царя Мегрелии Левана II сблизиться с Константинополем и его нежелание принимать подданство русского царя. Д.С. Лихачев верно указал на то, что «статьейные списки сыграли большую роль в развитии русской прозы», поскольку «подготовили появление сложной литературы путешествий» [Лихачев, 2008, с. 346].

Конец XVIII века – это период формирования литературного жанра ориентального травелога. Усилия России, направленные на

освоение Порты и, как следствие, на создание русского образа Османской империи, нашли отражение не только в многочисленных дипломатических отчетах, но и в литературных произведениях, рассчитанных на широкий круг читателей. Таковы, например, «Нешастные приключения Василья Баранщикова, мещанина Нижняго Новгорода в трех частях света: в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год» (1787), «Плен и страдание россиян у турков, или обстоятельное описание бедственных приключений...» (1790), «Цареградские письма» (1789) П.А. Левашова.

«Нешастные приключения Василья Баранщикова» - во многом замечательный травелог, в основу которого положено реальное путешествие нижегородского купца. Выдержавшее в конце XVIII века три издания, это произведение путевой литературы привлекло к себе пристальное внимание аудитории приключенческим сюжетом. Центральное место в повествовании занимает служба Баранщикова янычаром в Константинополе (после вынужденного обращения в ислам). Повествователь, начиная с заглавия, стремится вызвать жалость у читателя, но при этом повесть полна иронии – несомненно, факты, свидетельствующие о литературной обработке текста. К примеру, показателен плутовской эпизод, когда, проживая в Вифлееме под именем Ислям, Баранщикова восхищает своего хозяина капитана Магомета и четырех его жен, задавшихся вопросом «*что есть Россия? и как живут Россияне?*» [Нешастные приключения..., 1787, с. 22], исключительно «по-русски» съедая горшок крутой каши из «сарацинского пшена» с тюленьим жиром. Вследствие такого героического поступка Баранщикова капитан Магомет понимает, отчего русские сожгли турецкий флот при Чесме. С точки зрения логики описываемых событий, текст содержит множество противоречий, стиль изложения также не позволяет поставить его в один ряд с «Письмами русского путешественника» Карамзина, однако в контексте эволюции ориентальной путевой прозы в России «Нешастные приключения» должны быть оценены по достоинству.

Если Карамзин, следуя традиции сентименталистов, сосредотачивается на личности путешественника, то повествователь «Нешастных приключений» больше заинтересован в описаниях отношений между людьми, которые грабят его, продают в рабство, бьют, насильно женят, обращают в другую веру и т.п., отношений, которые создают основу лубочного сюжета на фоне экзотического пространства. Нельзя не отметить и поразительное сходство сюжета «Нешастных приключений» с «Хожением» Афанасия Никитина:

мотивы вынужденного попадания предприимчивого купца в ориентальное пространство после ограбления, притеснения в вере и, наконец, стремления вернуться домой, сохранив христианскую личность, несмотря на то, что и Никитина, и Баранщикова на Руси ждало неминуемое долговое рабство. Автор «Нещастных приключений», скорее всего, не знал о существовании никитинского травелога, поэтому в отношении повествования Баранщикова можно говорить только о некотором типологическом сходстве нарративных стратегий.

Существеннейшей особенностью ориентальных травелогов первой половины XIX века является их исследовательский характер и опора на большой круг ориенталистских знаний. А.С. Пушкин при написании «Путешествия в Арзрум» использовал большое количество научных и литературных источников. К. Базили, благодаря нескольким своим книгам о Сирии и Палестине, о современном социокультурном состоянии Греции под турецким игом, а также самой Османской империи стал признанным знатоком «восточного вопроса», поэтому его «Очерки Константинополя» читались с большим интересом как литературный и как научно-популярный текст. В то же время О.И. Сенковский упрекал Базили в том, что тот увлекается занимательностью в ущерб науке, адресуя интереснейшие сведения о Турции невзыскательным в ориенталистском вопросе читателям, «ищущим просто любопытного» [Библиотека для чтения, 1837, с. 21].

Ориентальный травелог первой половины XIX века подразделяется на путешествия во «внутренний» и «внешний» Восток, а также на путешествия реальные и вымышленные. «Внутренние» ориентальные травелоги начала XIX века (в дополнение к концепту Кавказа) обособляются развитием ориенталистских оппозиций «Север-Юг» и «центр – экзотическая окраина»: «Путешествие в полуденную Россию» (1800-1802) В.В. Измайлова, «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии» (1800) и «Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду» (1803) П. Сумарокова, «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию» (1803) М. Невзорова. Все эти произведения, как отмечает А.Я. Кучеров, отличаются бедностью этнографического материала, порой в основных своих чертах напоминая пастораль «из миниатюрных лирических описаний природы, людей, городов и сенок, в карамзинском эпистолярном стиле» [Кучеров, 1941, с. 114]. Сильное влияние Карамзина на жанр ориентального травелога было ослаблено только к концу 1830-х годов, о чем свидетельствует «Путешествие по Египту и Нубии в 1834–1835

годах» А.С. Норова, где «повествователь как композиционный аспект не обнаруживается» [Михайлов, 1999, с. 88].

«Очерки Константинополя» К. Базили, вышедшие в 2-х частях в 1835 году, развивают тематику «восточного вопроса» «Цареградских писем». Они не претендуют на модель классического путешествия, имеющего маршрут (о чем, собственно, автор и сообщает во введении к первой части), но, в то же время, в их основе лежит нарратив ориентального травелога: с первых страниц читатель «Очерков» входит в отряд, состоящий «из двух фрегатов и нескольких бригов» [Базили, 1835, с. 2], который неспешно входит в Босфор и приближается к Константинополю. Далее происходит описание нравов и быта многочисленного населения турецкой столицы, а также того, как на нем отражаются многочисленные внутренние социально-политические и религиозные конфликты. Концепт движения на Восток реализован в тексте таким образом, что первоначальное физическое движение на кораблях, описанное хорошим литературным языком, незаметно для читателя сменяется ментальным путешествием сквозь Восток. Для повествователя нет закрытых территорий: он легко перемещается из серала в казармы янычар, из базара в нищие кварталы и потом – снова в дома аристократов Галаты, не забывая разъяснять и приводить многочисленные реалистические подробности. Вследствие этого образ Востока в «Очерках Константинополя» становится одновременно детальным и масштабным.

Отдельно в ряду ориентальных травелогов стоит «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1835) А.С. Пушкина – этот текст выполняет намного больше функций, чем просто формирование образа турков Османской империи, поскольку связан с темой покорения Кавказа, а также распространения колониального влияния России в Закавказье и Иране. Неоднозначное отношение А.С. Пушкина к этому вопросу, а также усложнение образа «русского путешественника с книгой в руках» ориенталистской проблемой колониализма («русский путешественник с книгой и нагайкой в руках» в эпизоде вторжения повествователя в турецкое жилище [Пушкин, 1995, с. 464]) делает «Путешествие в Арзрум» одним из ключевых текстов в дискурсе русского ориентального травелога. Пушкин формирует амбивалентный, реалистический образ Востока в парадигме русского ориентализма, в рамках которой нарратор ставит вопросы о цивилизационной роли России в мире, о личной свободе и нравственном выборе в пространстве восточной тирании.

«Фантастические путешествия барона Брамбеуса» (1833) О.И. Сенковского (в особенности, новелла «Поэтическое путешествие по белу-свету»), а также «Странник» (1831) А.Ф. Вельтмана представляют собой наиболее яркие образцы вымышленного путешествия. Произведения Вельтмана и Сенковского исключительно интертекстуальны, а также обладает всеми основными признаками описания реального путешествия: «принцип жанровой свободы, основополагающая роль автора-повествователя, субъективность авторской точки зрения, присутствие элементов и черт других жанров (автобиографии, письма, дневника, фольклорной байки, газетной заметки)» и др. [Шачкова, 2008, с. 6]. Для обоснования такого необычного способа путешествовать, как «лежа на широком диване», глубокомысленно затягиваясь дюбеком, Вельтман предлагает оригинальную концепцию ментальных путешествий: *«разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец. Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям, во всем сомневаться; не лучше ли ничего не видеть и ни в чем не сомневаться?»* [Вельтман, 1978, с. 9]. После этого нарратор достает карту и во мгновение ока перемещается туда, куда ему нужно, постоянно увлекая за собой читателей (или читательниц). После Балкан он может перенестись прямо в «шумный» рай Магомета (у ангелов, живущих там по 70 тысяч ртов), а затем вторгнуться во владения Порты, восклицая: *«Подобно набегу какой-нибудь орды, мы пронесемся... нет!., разольемся, как Нил, по владениям Махмуда!.. Ожидает ли он нас? успеет ли он издать хати-шериф, вызывающий к восстанию на брань против необузданной толпы читателей, напавших на топографическую карту его владений, штурмующих девственную Шумлу, прогуливающих по р. Тундже, отдыхающих в Эски-Сарае и в лавровых рощах Эдрине и, наконец, осматривающих без спросу все редкости Стамбула?»* [Вельтман, 1978, с. 103].

Сенковский, подобно Вельтману, также вольно обращается с географией: условно находясь в одесском карантине, повествователь заявляет, что Одесса – *«это одно из предместий Константинополя, сорванное бурей с берегов Босфора вместе с огромною полосой ума оттоманского и дрязгами господствующих в Пере мнений, и выброшенное волнами на “Блошиную степь” Российской империи»* [Сенковский, 1858, с. 40]. И у Сенковского, и у Вельтмана мысль о посещении Константинополя приходит после того, как они оказываются на южных рубежах России, в зоне активного противостояния европейских и русских интересов, связанных с

контролем над балканскими народами. Таким образом, можно заключить, что «восточный вопрос» лежит в основе путевого нарратива вымышленных ориентальных травелогов. В то же время, не следует забывать о том, что Сенковский был автором описаний вполне реальных путешествий на Восток, которые знаково открывают первый том «Собрания сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса)»: цикл 1820-1821 годов «Отрывки из Путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии» («Письмо из Каира, от 11/23 декабря 1820», «Посещение пирамид, в 1821 году», «Путешествие в Нубию и Верхнюю Эфиопию», «Возвратный путь из Египта, через Архипелаг») и цикл «Воспоминания о Путешествии в Нубию и Сирию» (1834). Египетские, сирийские, эфиопские и др. путешествия Сенковского имели определенное влияние на развитие жанра (и нарратива) ориентального травелога в России.

В первой половине XIX века большую значимость начинает приобретать кавказская тематика, которая получает свое развитие в рамках идеологемы «восточного вопроса». Объем литературных текстов о Кавказе настолько велик и тема его настолько важна для русской культуры (как проблема внутреннего Востока), что выделяется группа. Однако, на наш взгляд, торопиться не следует. Завоевание Кавказа, а также закавказских владений Ирана нашло отражение в многочисленных мемуарах, записках, статьях, очерках, большую часть из которых следует рассматривать все-таки в плане развития жанра ориентального травелога в силу того, что в их основу положено цивилизационное противопоставление христианства и ислама, имеющее прямое отношение к судьбе России в рамках восточного вопроса. «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина, травелоги и повести А.А. Бестужева-Марлинского, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова – наиболее ценные образцы художественных текстов, относящиеся к разным литературным жанрам, но включающиеся в дискурс ориентального травелога в силу функционирования в них нарратива ориентального путешествия.

К проблеме Кавказа приближаются путешествия в Иран, замыкая русский ориентальный пояс эпохи романтизма: имперская политика России на Востоке в начале XIX века связывала Турцию, Кавказ и Иран в гордиев узел геополитики, нашедший отражение в литературе путешествий. Исследуя русские путешествия в Иран в контексте «Большой игры», Е. Андреева указывает, что ее многография основывается более чем на 200 текстах, созданных в период с начала

XIX по начало XX века [Andreeva, 2007, с. 37], хотя реальных путешествий было много больше. Наличие столь многочисленного пласта путевой прозы исследовательница объясняет имперскими задачами России, для решения которых в этот регион и были отправлены сотни военных и гражданских лиц. Так, будущий покоритель Кавказа А.П. Ермолов в 1817 году совершает знаменитое посольство в Персию, литературным результатом которого стали «Записки» - отчет, выполненный генералом с большим художественным вкусом. Масштаб мысли Ермолова в этих воспоминаниях чрезвычайно широк: Кавказ, Турция и Иран постоянно связаны в его стратегических задачах «усмирения» Востока и приобретения Россией его территорий. Связь этих стран видна и в «Путешествии в Арзрум»: в 1829 году Пушкин в пересекает Кавказ, чтобы побывать в эпицентре боевых действий в Азиатский Турции, и встречает по дороге в Карс тело растерзанного в Тегеране А.С. Грибоедова.

Еще один важный аспект семиозиса ориентального травелога – это его субъектно-объектный план: кто и с какой целью отправлялся в путешествие на Восток. В отличие от путешествий в Европу, восточные странствия были крайне опасны и сопряжены с тяжелейшими бытовыми трудностями: непривычная европейцам еда, сложные маршруты и главное – незнание местных языков и культур, что приводило к забавным казусам или гибели. Трансформация в сознании русского путешественника понятия дома (России) – ключевой момент в исследовании всего дискурса русского путевого нарратива безотносительно к направлению движения, поскольку в этом изначально заложен эволюционный момент не только жанра травелога, но и всей культуры. Образ дома наполняется различным смыслом в зависимости от того, каковы причины, побудившие путешественника оставить его и отправиться в путь.

«Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, а также сентиментальные путешествия испытавших его влияние других русских «чувствительных европейцев» продемонстрировали, что к концу XVIII века русская культура, в дополнение к типам вынужденного самообразовываться путешественника или посланника (с государственными или торговыми целями), сформировала тип частного путешественника, который благодаря своему европейскому образованию и, соответственно, просвещенному складу ума, самостоятельно и с большим интересом отправлялся в Европу как в земли чужие, но не чуждые, каковыми являлись пространства Востока.

В первой трети XIX века русский путешественник на Востоке уже становится подлинным ориенталистом, носителем противоречивой цивилизационной идеи: он не только культурно осваивает Восток, как путешественник конца XVIII века, но и «присваивает» его себе, своей культуре, ощущает свою доминанту и, в то же время, диалогическую необходимость появления «русского Востока».

Это привело к тому, что в эпоху романтизма сформировался концепт добровольного изгнанника: чужое и чуждое пространство трансформировало концепт дома и формировало романтическую ситуацию «свой среди чужих, чужой среди своих». Если первое пребывание А.С. Пушкина в ориентальном пространстве и появление «Кавказского пленника» обусловлено ссылкой, то второе, в 1829 году, по сути, было бегством (вспомним: зная, что его не выпустят в Европу, Пушкин готов был бежать куда угодно, даже в Китай). В романе «Герой нашего времени» (1839) Печорин категорически заявляет: *«жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь – только не в Европу, избави боже! – поеду в Америку, в Аравию, в Индию, – авось где-нибудь умру на дороге!»* [Лермонтов, 2002, с. 244]. Романтические изгнанники, начиная с лорда Байрона, в большинстве своем, также предпочитают Восток, порой несущий путешественникам смерть, но почти всегда также иллюзию освобождения от самого себя.

Таким образом, русский ориентальный травелог имеет все основания быть рассмотренным как жанровое и идейно-тематическое единство, связанное фундаментальной концепцией «русский человек на Востоке». В конце XVIII – первой трети XIX века активное формирование литературного жанра ориентального травелога было обусловлено развитием и усложнением международного «восточного вопроса», чрезвычайно важного для русской национальной идентичности. Поэтому в этот период «русский человек на Востоке», будучи частным путешественником, был также носителем идей русского ориентализма, в рамках которого Россия преодолевала европейские представления о себе как варварской стране восточного деспотизма.

Литература

- Базили К. Очерки Константинополя. В 2-х ч. СПб., 1835.
Библиотека для чтения. 1837. Т. 20. Ч. 1. Отд. VI.
Вельтман А.Ф. Странник. М., 1978.

- Кучеров А.Я. Сентиментальная повесть и литература путешествий // История русской литературы : В 10-ти тт. М.; Л., 1941. Т. 5. Ч. 1.
- Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. М., 2002. Т. 6.
- Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI – XVII веков. Статейные списки. СПб, 2008.
- Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб, 1997.
- Михайлов В.А. Эволюция жанра литературного путешествия в произведениях писателей XVIII-XIX веков : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
- Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода в трех частях света : в Америке, Азии и Европе с 1780 по 1787 год. СПб, 1787.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 17-ти тт. М., 1995. Т. 8, Кн. 1, 2.
- Сенковский О.И. Собрание сочинений. В 9-ти тт. СПб., 1858. Т. 2.
- Сивков К.В. Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб, 1914.
- Шачкова В.А. Жанр путешествия в творчестве Марка Твена конца 60-70-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2008.
- Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790-1840. СПб., 2004.
- Andreeva E. Russia and Iran in the Great Game : Travelogues and Orientalism. London, New York. 2007.
- Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. Contributors. London, 1992.
- Šedivý M. Metternich, the great powers and the Eastern question. Pilsen, 2013.

ДВОЙНАЯ ФОКАЛИЗАЦИЯ СЮЖЕТА В РОМАНЕ Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Г.А. Жиличева

Ключевые слова: фокализация, деталь, интрига, кругозор, нарратив, нарратор.

Keywords: focalisation, detail, intrigue, point of view, narrative, narrator.

Термин фокализация, введенный Ж. Женеттом, и концептуализированный В. Шмидом в качестве одной из основных категорий нарративного анализа, означает «ограничение поля, выбор нарративной информации по отношению к тому, что обычно называется всеведением» [Шмид, 2003, с. 112]. То есть речь идет о подробностях повествуемого мира, обусловленных восприятием говорящего. В современной нарратологии фокализация может выступать как аналог понятий кругозора, точки зрения, перспективы, а может дифференцироваться от них во

избегание визуальных коннотаций, совмещаясь с понятием детализации сюжета. Так В.И. Тюпа понимает под фокализацией указания на детали картины мира, «фокусирующие ментальное зрение» [Тюпа, 2006, с. 97]. Нас будут интересовать особенности подобной «настройки» восприятия в романе «Доктор Живаго».

Фокализацию в нарративе Пастернака можно назвать двойной, поскольку детали функционируют не только как подробности происходящих событий, но и как знаки интроспекции. Более того, образы, значимые для кругозора нарратора, вступают в «резонанс» с аналогичными образами, постулированными как основа мировосприятия героя, вплоть до полного совпадения многих концептов в лирике Живаго и повествовательной части романа.

Взаимодействие внешней и внутренней точек зрения образует оригинальную нарративную организацию романа. События увидены или глазами персонажей (и близкого их кругозору повествователя-свидетеля), или с позиции вечности (и вездесущего «сверхнарратора»). Но чаще всего происходит интерференция объективированного и персонализированного повествования.

Панорамные фрагменты наррации, например, окрашены личным восприятием. Так, в первой части романа повествователь описывает пейзаж с помощью кругозора пассажиров пятичасового скорого. Но его личная пространственная точка зрения не нивелируется: пассажиры оказываются частью рассматриваемого «полотна», туда же «помещается» и солнце, которое из-за оригинального сравнения с коровой как бы приобретает возможность пребывания на земле. *«Все пассажиры поезда перебивали около тела и возвращались в вагон только из опасения, как бы у них чего не стащили.*

Когда они прыгивали на полотно, разминались, рвали цветы и делали легкую пробежку, у всех было такое чувство, будто местность возникла только что благодаря остановке, и болотистого луга с кочками, широкой реки и красивого дома с церковью на высоком противоположном берегу не было бы на свете, не случилось несчастья.

Даже солнце, тоже казавшееся местной принадлежностью, по-вечернему застенчиво освещало сцену у рельсов, как бы боязливо приблизившись к ней, как подошла бы к полотну и стала бы смотреть на людей корова из пасущегося по соседству стада» [Пастернак, 1989, с. 23]¹.

¹ Здесь и далее роман цитируется по этому изданию. Номера страниц указываются в круглых скобках.

Точка зрения нарратора не до конца сливается и с «остраненной» позицией фиксирующего «сцену у рельсов» авторского «ока», он сохраняет живое восприятие, возникшее «благодаря остановке», то есть «горизонтальный» взгляд «изнутри» изображаемого: он видит противоположный берег, пасущееся по соседству стадо. Такая гибридная конструкция, сочетающая объективное и субъективное повествование обусловлена взаимодействием сверхличной и личной нарративной сферы.

Субъективное повествование связано с «овнутрением» внешних событий, трансгрессией сознания в мир, одухотворением истории. Во фрагментах такого типа продуцируется эффект сопричастности – хотя нарратор не эксплицирован в качестве собеседника, он находится на одном коммуникативном уровне с читателем, на что указывают следующие маркеры: «здесь», «вдруг», «запахло», стало «слышно», «видно», «ощутимо» и т.п. Например, после разговора с Воскобойниковым Николай Николаевич замечает прекрасный «вид»: *«На реку было больно смотреть. Она отливала на солнце, вгибаясь и выгибаясь, как лист железа. Вдруг она пошла складками. С этого берега на тот поплыл тяжелый паром с лошадьми, телегами, бабами и мужиками»* (с. 20). Окружающий мир описан не как предшествующий наррации, а как открываемый здесь и сейчас. Но точно определить, нарратор или персонаж разглядывает пейзаж, кому именно больно смотреть, по отношению к кому этот берег является именно этим, ближайшим берегом, во фрагменте невозможно.

Повествователь часто выступает как «дополнение» к глазам (чувствам, мыслям) поэта Живаго, но он легко присоединяется и к другим героям (даже если это второстепенные, локализованные в определенном пространстве персонажи). Поэтому в нарративе возможна смысловая амбивалентность – словами Живаго говорят даже его антиподы. Так, Комаровский мыслит о Ларе как о «прелести одухотворения», предвосхищая восприятие Лары Юрием Андреевичем.

Более того, персональное восприятие сохраняется во фрагментах, где доминирует обобщенная нарраториальная точка зрения, устанавливается «эпическая» дистанция: «Вечер был сух, как рисунок углем. Вдруг садящееся где-то за домами солнце стало из-за угла словно пальцем тыкать во все красное на улице: в красноворхие шапки драгун, в полотнище упавшего красного флага, в следы крови, протянувшиеся по снегу красненькими ниточками и точками» (с. 39).

Повествование здесь ведется с позиции всеведения, нет героя, к кругозору которого нарратор бы мог присоединиться, отстраненность

маркирована пространственной дистанцией – точкой зрения солнца. Но присутствует яркая субъективная точка зрения – реальность превращается в рисунок углем и кровью, то есть событие описано образами, характерными для мышления отсутствующего протагониста. (Вспомним медитации Живаго о нитках следов на снегу, рябине в сахаре, черточках-волках и тему живописи-рисунка в его стихах).

В свою очередь, фрагменты, транслирующие восприятие персонажа, построены таким образом, что оказываются составной частью медитаций нарратора, приобретают обобщающий характер: *«Здесь была удивительная прелесть! Каждую минуту слышался чистый трехтонный высвист иволги, с промежутками выжидания, чтобы влажный, как из дудки извлеченный звук до конца пропитал окрестность. Стоячий, заблудившийся в воздухе запах цветов пригвожден был зноем неподвижно к клумбам. Как это напоминало Антибу и Бордигеру!»* (с. 21).

Фрагмент повествует об ощущениях Юры, спустившегося в овраг, персональность наррации индексирована словом «здесь», обилием звуков, запахов. Но интенсивность, риторичность и почти стихотворная структурированность фраз указывают на то, что это не поток сознания мальчика, но восприятие нарратора. Об этом же говорит и отсутствие маркеров принадлежности речи герою. (Первая развернутая медитация Юры, данная в несобственно-прямой речи, появится только через 22 главы, в 3 части романа).

Такая ситуация приводит к усложнению системы фокусирующих деталей, поскольку они функционируют не только как часть «внешнего» сюжета, но и как знаки интроспекции. По словам П. Рикера, искусство вымысла заключается в том, чтобы «соткать вместе мир действия и мир интроспекции, смешать восприятие повседневности и восприятие внутреннего мира» [Рикер, 2000, с. 111].

Помимо интерференции повествовательных инстанций, в романе обнаруживается и синкретизм функций протагониста. Живаго можно интерпретировать не только как актанта интриги, но и как лирического героя, то есть субъекта, мировосприятие которого близко автору не менее, чем точка зрения нарратора. «Поэтичность» прозы, обусловленная кругозором Живаго, приводит к тому, что, сюжетные детали, выраженные в повествовании устойчивым способом (определенным словом, словосочетанием, тропом и т.п.) помимо событийной интриги маркируют «интригу дискурсии» (термин В.И. Тюпы). Минимальные элементы события, повторяясь в нарративе, приводят к дополнительным смысловым скрепам, обладающим коммуникатив-

ным воздействием, аналогичным функционированию рифмы (и других элементов стихового ряда).

Проанализируем комплекс деталей, объединяющий кругозор нарратора и героя (огонь – костер – пожар).

В тексте часто повторяются заготовка дров, растапливание печей. Эта бытовая подробность наполняется экзистенциальным смыслом, если вспомнить последовательность сюжетных эпизодов, связанных с «горением»: соотнесение Юрия Андреевича и свечи в кругозоре Лары («Ты все горишь и теплишься»), сцена созерцания доктором костра на капище во время плена у партизан, «антиповедение» героя в финале романа (из-за его «фантазии» они с Мариной зарабатывают пилкой дров), а также упоминание повествователем факта кремации тела Живаго в 13 и 14 главах «Окончания».

В дневнике доктор подчеркивает свою роль истопника: *«Топится печка, я, как давний признанный истопник, слежу за ней, чтобы вовремя закрыть вьюшку и не упустить жару. Если недогоревшая головешка задерживает топку, выношу ее, бегом, всю в дыму, за порог и забрасываю подальше в снег. Рассыпая искры, она горящим факелом перелетает по воздуху, озаряя край черного спящего парка с белыми четырехугольниками лужаек, и шипит и гаснет, упав в сугроб»* (с. 214). Это описание многократно происходящей ситуации (о чем говорит несовершенный вид глаголов) привлекает внимание к возможности огня не только быть центром дома, но и на некоторое время разгонять тьму внешнего (зимнего) пространства. Превращение обыкновенной головешки в символический горящий факел трансформирует бытовую сущность происходящего.

Заметим, что тепло и свет необходимы и для обживания «станowiщ», «пристанищ», и для освоения «метафизического пространства». Домашний очаг и «свет повседневности» в буквальном и символическом плане противопоставлены пожарам революции и войн, а хронотоп «приюта» – тем пепелищам, по которым вынуждены перемещаться герои (Живаго с семьей проезжают сгоревшую станцию, доктор идет в Москву через сожженную деревню Васи Брыкина, Гордон и Дудоров встречают Таню на пепелище взорванного города Карачева).

По-настоящему согреть «холод бытия» удается, только если пережить творческий «экстазис». Так, эпизод написания стихотворения «Сказка» включает в себя глагол «загорелся», что соотносит Живаго не только с героем его текста – Георгием Победоносцем, но и с драконом, то есть не только с субъектом восприятия, но и с объектом, и,

следовательно, с общим «синкретическим» смыслом стихотворения. (Слияние субъекта и объекта в мире Пастернака часто отмечалось исследователями. Концепцию «неосинкретизма» лирики Пастернака разработал С.Н. Бройтман [Бройтман, 2007], об идее мимикрии в романе пишет С. Витт [Witt, 2000]).

«Он начал с широкого, предоставляющего большой простор, пятистопника <...> Он бросил напыщенный размер с цезурой, стеснив строки до четырех стоп, как борются в прозе с многословием <...> Он заставил себя укоротить строчки еще больше. Словам стало тесно в трехстопнике <...> он пробудился, загорелся, узость строчных промежутков сама подсказывала, чем их наполнить. Предметы, едва названные на словах, стали не шутя вырисовываться в раме упоминания. Он услышал ход лошади, ступающей по поверхности стихотворения, как слышно спотыкание конской иноходи в одной из баллад Шопена. Георгий Победоносец скакал на коне по необозримому пространству степи, Юрий Андреевич видел сзади, как он уменьшается, удаляясь. Юрий Андреевич писал с лихорадочной торопливостью, едва успевая записывать слова и строчки, являвшиеся сплошь к месту и впаад» (с. 331).

Ситуация текстопорождения парадоксальна – для вдохновения поэту необходима пространственная рама (размер), своей теснотой организующая широту творческого хронотопа. Вспомним, что и в дневнике Живаго искусство понимается как «нечто узкое и сосредоточенное», и в то же время как «утверждение о жизни, по всеохватывающей своей широте на отдельные слова не разложимое». В данном случае поверхность стихотворения и поверхность степи становятся двумя сторонами своеобразной мембраны – сужение графической, метрической ее составляющей вызывает «расширение» собственно поэтического пространства, обретающего объем и перспективу, что ведет, в свою очередь, к вдохновению – «возгоранию», а затем преобразению вдохновения в упорядоченный текст: слова и строчки – «к месту, и впаад».

В описании тифозного бреда Юрия Андреевича присутствует характерное для Пастернака сравнение «высокой болезни» творчества и жара.

«У него был бред две недели с перерывами. Ему грезилось, что на его письменный стол Тоня поставила две Садовые, слева Садовую Каретную, а справа Садовую Триумфальную и придвинула близко к ним его настольную лампу, жаркую, вникающую, оранжевую. На улицах стало светло. Можно работать. И вот он пишет.

Он пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, но никогда не мог, а вот теперь оно выходит» (с. 161).

Характерно, что огонь оказывается знаком не только поэтического дара, но и героического предназначения. С.Г. Буров [Буров, 2011, с. 14] соотносит эпизод разговора Живаго и Лары в Мелюзеево во время глажки белья со стихотворением Пушкина «Пророк», основываясь на некоторых аллюзиях (в том числе и образе горящего угля). Кроме того, лязгающий зубами утюг как бы напоминает о драконоборческом статусе героя¹. В рифмующимся с этой ситуацией эпизоде в Варыкино болезненный жар доктора, сочетаясь с угаром утюга, преобразуется в сон о голосе Лары (доктор неосознанно вспоминает разговор с ней во время глажки белья), и предсказывает ее появление – через пять глав Лару он встретит в библиотеке. *«Немного простужен, кашель и, наверное, небольшой жар <...> В комнате легкий угар. Пахнет глаженым. Гладят и, то и дело, из непротопившейся печки подкладывают жаром пламенеющий уголь в ляскающий крышкой, как зубами, духовой утюг. Что-то напоминает. Не могу вспомнить, что. Забывчив по нездоровью <...> Все усиливается головная боль. Я плохо спал. Я видел сумбурный сон, один из тех, которые забываются тут же на месте, по пробуждении. Сон вылетел из головы, в сознании осталась только причина пробуждения. Меня разбудил женский голос, который слышался во сне, которым во сне оглашался воздух»* (с. 216).

При этом, Лара с самого начала романа соотносится со светом и огнем: *«Они проезжали по Камергерскому. Юра обратил внимание на черную протаявшую скважину в ледяном наросте одного из окон. Сквозь эту скважину просвечивал огонь свечи, проникавший на улицу почти с сознательностью взгляда, точно пламя подсматривало за едущими и кого-то поджидало»* (с. 70). Соответственно, в «Зимней ночи» любовная тема обозначена как «жар соблазна». Далее в романе, Юрий Андреевич, говоря о своих чувствах, сравнивает и Лару, и любовь к ней со светом, искрой и электричеством. *«Когда ты тенью в ученическом платье выступила из тьмы номерного углубления, я, мальчик, ничего о тебе не знавший, всей мукой отозвавшейся тебе силы понял: эта щупленькая, худенькая девочка заряжена, как электричеством, до предела, всей мыслимою женственностью на свете.*

---

¹ О мифопоэтических коннотациях темы дракона пишет большинство исследователей Пастернака. См. работы: [Гаспаров, 1993], [Фатеева, 2003], [Тюпа, 2011].

Если подойти к ней близко или дотронуться до нее пальцем, искра озарит комнату и либо убьет на месте, либо на всю жизнь наэлектризует магнетически влекущейся, жалующейся тягой и печалью. Я весь наполнился блуждающими слезами, весь внутренне сверкал и плакал. Мне было до смерти жалко себя, мальчика, и еще более жалко тебя, девочку. Все мое существо удивлялось и спрашивало: если так больно любить и поглощать электричество, как, вероятно, еще большее быть женщиной, быть электричеством, внушать любовь» (с. 320).

Таким образом, любовь и предназначение ассоциируются через тематику огня. «Увиденное снаружи пламя» свечи в Ларином окне подобно зову «небывалых огней» пламенеющей рождественской звезды из стихотворения Живаго.

В ключевом для осознания предназначения моменте – контакте с «первообразом» в 7 главе 11 части романа – доктор и огонь уподобляются. Более того, в сцене преобразования в лесу оказывается, что герой, разглядывающий костер, не только получает «мистериальное» сверхзрение, но и оказывается способен пропускать свет, становится прозрачным, как и тот огонь, через который он смотрит. Солнце «просвечивало сквозь прозрачное пламя», герой «пропускал сквозь себя<...> столбы света» (с. 260).

Сюжетной рифмой к зрелищу костра в лесу является эпизод в доме с фигурами, куда герой возвращается после плена (лес и дом связаны образом кариатиды, ведь первоначально «кариатида» означает «каштановая», этот эпитет является наименованием богини леса Артемиды). Растапливая печь, он начинает молиться («Вскую отринул мя еси от лица Твоего, свете незаходимый?»), избавляется от ревности, узнает о судьбе близких (обнаружив при свете огня обратную сторону записки). Возле огня он по-новому постигает сущность Лары, открывшуюся ему еще у партизанского костра.

«А чем является она для него, как он только что выразился?

О, на этот вопрос ответ всегда готов у него.

<...> О как сладко существовать! Как сладко жить на свете и любить жизнь! О как всегда тянет сказать спасибо самой жизни, самому существованию, сказать это им самим в лицо!

Вот это-то и есть Лара. С ними нельзя разговаривать, а она их представительница, их выражение, дар слуха и слова, дарованный безгласным началом существования.

<...> Он открыл печную заслонку и помешал печь кочергой. Опламенившийся чистый жар он задвинул в самый зад топки, а не-

догоревшие головешки подгреб к переду, где была сильнее тяга. Некоторое время он не притворял дверцы. Ему доставляло наслаждение чувствовать игру тепла и света на лице и руках» (с. 294).

Огонь, таким образом, оказывается спутником откровения. При этом, как и в эпизоде с костром в лесу, повествователь, судя по описанию лица героя, «смотрит» на Живаго со стороны огня, приковывающего, в свою очередь, взгляд протагониста.

Даже в тех главах, где отсутствуют главные герои, повествователь подчеркивает возможность обнаружения скрытого смысла события. Рассмотрим, как описан приход весны в главе с сюжетной линией Галузиной: *«Тафтяную ночную тьму кончавшейся зимы в саду согревал пробившийся сквозь землю чернолиловый жар надвинувшейся весны. В комнате приблизительно в такое же сочетание вступали два сходных начала, и пыльную духоту плохо выбитых занавесей смягчал и скрашивал темнофиолетовый жар приближающегося праздника. Богородица на иконе выпрастывала из серебряной ризы оклада узкие,верху обращенные, смуглые ладони. Она держала в каждой как бы по две начальных и конечных греческих буквы своего византийского наименования: метер неу, Матерь Божия. Вложенная в золотой подлампадик темная, как чернильница, лампада гранатового стекла разбрасывала по ковру спальни звездообразное, зубчиками чашки расщепленное мерцание»* (с. 239).

Во фрагменте жар весны уподобляется жару праздника и коррелируется со светом лампы. Все детали связаны по признаку «выхода» наружу. В комнате сквозь занавеси «пробивается» ощущение приближающегося праздника Воскресения, Богородица открывает свою сущность, «выходя» из ризы оклада иконы-«окна», лампада «разбрасывает» свет через стекло. Интересно, что конечной точкой сложного взаимодействия скрытого и явленного оказывается уподобление лампы чернильнице, а чернил «чернолиловому жару» природы. Следовательно, весна и праздник подтверждаются письмом – творчеством природы, буквами на иконе и мерцанием «чернил», преодолевающим «нагромождения теней». «Магический кристалл», обернувшийся лампадой-чернильницей, указывает на сущность курса Пастернака – свидетельство о возможности чуда.

Интересно, что в стихотворениях Живаго и природа, как бы отвечая поэту, разгорается, согревает его, освещает его путь (в отличие от испепеляющего пламени дракона, ада, гнева божьего). Перечислим некоторые строки: «Солнце греет до седьмого пота», «И вешнего угара», «Огни заката догорали», «Пожар заката не остыл», «жаркая

ночь», «Словно жаром костра опален», «покрыло жаркой охрою», «лес <...> горевший как печатный пряник», «она пламенела, как стог <...> как отблеск поджога, как хутор в огне и пожар на гумне».

В то же время дважды в цикле огонь напрямую связан с темой конца времен: в стихотворении «Бабье лето» («... Что приходит всему свой конец, / Что глазами бессмысленно хлопать, / когда все пред тобой сожжено») и в «Гефсиманском саде» («<...> ход веков подобен притче / И может загореться на ходу»).

Исходя из этого, антиповедение «юродивого» в финале романа – хождение по дворам, распиливание дров – служит сюжетным знаком разрыва социальных связей в преддверии творчества (заметим, что в эпизоде с дровами на Живаго не обращает внимания хозяин дома, увлеченно читающий его книгу) и перехода в иную ипостась существования (где горят свеча, солнце, лес, весна). Повторы тропов, связанных с огнем, печью, жаром в риторической организации дискурса указывают на возможность исчерпания – завершения наррации, «сожжения» прозы (притчи) в лирическом огне.

Таким образом, двойная фокализация позволяет подчеркнуть «двойное бытие» героя, соприсутствие обыденности и вечности. «Резонанс» деталей из разных кругозоров приводит к актуализации идеи интересубъективности смысла.

Литература

- Бройтман С.Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М., 2007.
- Буров С.Г. Полигенетичность художественного мира романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»: автореф. дис. ... д-ра филологических наук Ставрополь, 2011.
- Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1993.
- Пастернак Б. Доктор Живаго. М., 1989.
- Рикер П. Конфигурация времени в вымышленном рассказе // Время и рассказ. М., СПб., 2000. Т. 2.
- Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М., 2006.
- Тюпа В.И. «Доктор Живаго»: композиция и архитектура // Вопросы литературы. 2011. № 1.
- Фатеева Н. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. М., 2003.
- Шмид В. Нарратология. М., 2003.
- Witt S. Creating creation. Readings of Pasternak's Doktor Živago (Acta Universitatis Stokholmiensis Studies in Russian Literature 33). Stockholm, 2000.

МЕТАТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В РАННИХ РАССКАЗАХ И.А. ЕФРЕМОВА

Е.А. Московкина

Ключевые слова: интертекст, метатекст, миф, мотив, символ, поэтика.

Keywords: intertext, metatext, myth, motive, symbol, poetics.

Середина XX века – интереснейший период русской литературы на излете соцреализма в преддверии постмодернизма. Литература этих лет оказывается стесненной рамками соцреалистической этики и эстетики, ищет выхода в новые жанрово-стилистические перспективы, нащупывает стратегии развития за пределами советской догматики. Преодоление застоя русской литературы стало возможным посредством частичной переориентации ее магистрального вектора в область научной фантастики. Литература советского мейнстрима 1940-50-х годов, обращенная к фантастике отчасти по причине «кризиса характера», содержит имплицитные допущения, предвосхищающие эстетическую программу постмодернизма: моделирование реальности посредством текста; поливалентность (многозначность, многоуровневость), метадискурсивность, интертекстуальность.

Яркой фигурой в литературе этого переломного этапа стал И.А. Ефремов, который объединяет в себе черты беспристрастного ученого, выдающегося эрудита и небезыскусного литератора. Возможно, именно статус палеонтолога позволил Ефремову беспрепятственно проникнуть в область литературы, поскольку «десубъективированный» соцреализм в поисках пути художественного развития планомерно отказывался от гуманистического в пользу объективного, природного, материального в качестве предмета изображения и осмысления¹.

Однако художественное наследие Ефремова каким-то «фантастическим» образом «выплеснулось» за пределы намеченного русла и, преодолев рамки соцреализма, миновало рубеж полувековой популярности.

Особый интерес представляет раннее творчество Ефремова, не достаточно глубоко изученное в современном литературоведении. Уже в своем литературном дебюте Ефремов обрабатывает метатекстуаль-

---

¹ «Приостанавливая мышление о человеке, - полагает И.П. Смирнов, - соцреалистическая литература компенсаторно очеловечивала (вне и помимо мифологического анимизма) неживую природу» [Смирнов, 1999, с. 46].

ные и интертекстуальные маневры, которые найдут отклик в романной поэтике состоявшегося писателя-фантаста¹.

Почти во всех ранних рассказах Ефремова есть встроенное повествование (углубление текста по принципу «матрешки»): легенда, предание, давняя история, неизменно влияющие на события настоящего². Они, как правило, выдержаны в иной стилистической тональности, более поэтичны, метафоричны, художественны.

Так, например, встроенная сюжетная линия в рассказе «Путями старых горняков», вероятно, эксплуатирует «сказовую» манеру и фабулу «рабочего фольклора» П.П. Бажова: первый сборник сказов «Малахитовая шкатулка» вышел всего за несколько лет до публикации сборника рассказов Ефремова и сразу принес автору известность. События рассказа Ефремова происходят на заброшенных медных рудниках Южного Приуралья, что является дополнительным семиотическим обоснованием такой узнаваемой стилизации.

В некоторых рассказах вставная легенда резонирует с базовым сюжетом как претекст: прочитывается не автономно от основной фабулы, но растворяется в ней, прорастает в нее. Так, в рассказе «Обсерватория Нур-и-Дешт» легенда о «волшебном» месте (энергетическом резервуаре), срастаясь с основной фабулой, представляет собой вариацию на тему средневекового любовного напитка. Эквивалентом «колдовского зелья» в рассказе является «эманация» радия, научно «объясняющая» романтические чувства героев. «Обсерватория Нур-и-Дешт» - в некотором смысле, проекция легенды о «Тристане и Изольде». Даже фонетический ряд в именах героев оказывается перекрестно созвучным: ТрисТАН/ТАНя; ИзольДА/ЛЕбеДев. Обсерватория, затерянная в пустыне, напоминает эпизод морского путешествия на корабле и «непроизвольное» уединение Тристана и Изольды. Лебедев, как и Тристан, - «самозванец» (приезжает вместо ушедшего в армию аспиранта Семенова). В рассказе «Атолл Факаофо» история необычного и опасного пристанища моряков-полинезийцев как символ противостояния «грозной мощи стихии» «слабых» сил «простых человеческих рук», «могущества человека и его власти над морем» [Ефремов, 1985, с. 102] отсылает к «Таинственному острову» Жюль Верна.

¹ Е.А. Мызникова представляет ранние рассказы И. Ефремова как «лабораторию художественного замысла», задающую «вектор художественной эволюции» писателя [Мызникова, 2012, с. 39–40].

² Исследование «вставных новелл» предпринято в работе О.А. Ереминой [Еремина, URL].

С одной стороны, раннее творчество Ефремова, как, собственно, художественный опыт многих других начинающих литераторов, логично рассматривать как палимпсест – текст, «пишущийся «поверх» иных текстов, неизбежно проступающих сквозь его семантику» [Грицанов, 2007, с. 183]. В этом случае подключение «мифов» будет лишь следствием неопытности Ефремова-литератора, несколько искусственно совмещающего плоскости научного и художественного: встроенный сюжет отвечает за мифопоэтическое наполнение произведения, основное же повествование выдержано в полупублицистической – научно-документальной манере.

С другой стороны, приобщение к фабуле иных текстов может выполнять структурную, организующую функцию. Таким образом, внедренные в основное повествование «мифы» будут представлять собой метатекст – вторичные, служебные текстовые элементы. Однако, «вставные новеллы» настолько колоритны и содержательно равноправны с «обволакивающим» их текстом, что интерпретация их исключительно как метатекста¹ не представляется исчерпывающей.

Эти «встроенные» эпизоды заслуживают более пристального внимания: вероятно, истории, обогащающие, «подсвечивающие» основное повествование, содержат целую систему смыслов, важных для литературоведческого анализа. Несомненно также, что собственно ефремовские тексты постоянно коррелируют между собой, составляют континуальное единство, обусловленное не только стилистической манерой, но и структурно-семиотическими алгоритмами.

Первый цикл рассказов И.А. Ефремова «Пять румбов: рассказы о необыкновенном» [Ефремов, 1944а] открывает одно из самых непрограммных в идеологическом смысле произведений – «Встреча над Тускаророй» - это едва ли не единственный рассказ, в котором интереснейшая научная гипотеза остается без внимания ученых, не находит развития. Кроме того, предметом постоянной критики литературоведов [Успенский, 1957, с. 50-51; Брандис, Дмитриевский, URL; Иванов, 1950, с. 164] становится эффект «невыстрелившего ружья» - эпизод в портовой таверне Кэптауна (здесь и далее сохраняется орфография Ефремова) представляется им отвлеченным от основной фабулы, надуманным и искусственным.

В финале рассказа, а также по ходу всего повествования, герой неоднократно испытывает близкое к экзистенциальному чувство опу-

---

¹ Е.А. Мызникова, например, интерпретирует «вставные легенды» как инструмент интеграции прошлого и настоящего [Мызникова, 2012, с. 87].

стошения и разочарования. Тускарора стала «кладбищем» открытия капитана Джессельтона. Странная, нерезультативная встреча, очищенная от социальной прагматики, открывающая творческий путь «эволюциониста-Ефремова», не только придает особый шарм, обаяние недоказанности, минорной романтики индивидуальной манере начинающего писателя [Евгеньев, 1946, с. 197-202], но и содержит зерна постмодернистской рефлексии.

Важно подчеркнуть, что эпизод, вызвавший нападки критиков, названный лишним и бессодержательным, «чужеродным телом», в художественном отношении оказывается более выпуклым, впечатляющим по сравнению с центральным сюжетным «рычагом» - собственно встречей над Тускаророй и историей капитана Джессельтона. Бессобытийность как будто облегчает финальную часть рассказа: эфемерность, неуловимость чувств и настроений героев¹, тонкий психологический рисунок, нюансировка и детализация изобразительной палитры², с одной стороны, и намеренное избегание завершенности, определенности³, с другой, - все это выгодно оттеняет финальную «встречу» на

¹ В описании «встречи» над Тускаророй автор концентрируется главным образом на физическом состоянии героя: «не особенно ловко передвигая пудовые ноги», «напрягая все силы», «было очень трудно нести эту дополнительную ношу», «Это был тяжелый труд», «я почувствовал, что измотался окончательно», «телом и мозгом завладела неодолимая усталость» [Ефремов, 1944а, с. 12-18]; в описании «встречи» в Кэптауне, напротив, педалирует душевное состояние: «...тихая и неосознанно приятная печаль», «в <...> ясном и грустном настроении», «погрузился в неторопливые размышления о чужой жизни и о том восхитительном праве неучастия в ней, которое всегда ставит зоркого странника на какую-то высшую, в сравнении с окружающими людьми ступень», «всей душой отдался звукам, говорящим о стремлении вдаль, печали расставания и неясной тоске о непонятном...», «подобие легкой обиды», «со смутным ощущением какой-то утраты», «мелкими показались мне все мои огорчения перед лицом океана» [Ефремов, 1944а, с. 29-30, 33].

² Герой как будто изучает Энн с наблюдательностью психолога: «голос был слаб, но приятен», «тонкая, особенная обработка мотива», «старинный и трогательный облик», «забавная манера презрительно вздергивать вверх свой красивый носик скрашивалась милой и как бы смущенной улыбкой», «выразительное личико Энн стало вдруг замкнутым и высокомерным», «девушка резко выпрямилась», «...с расстановкой произнесла она», «Энн запнулась», «выражение ее глаз совсем не соответствовало насмешливому тону голоса» [Ефремов, 1944а, с. 29-32].

³ Неясным, размытым, приглушенным (или, напротив, высветленным) представляется читателю облик Энн: «Мне трудно описать ее, да и не к чему, пожалуй» [Ефремов, 1944а, с. 29] - это, конечно же, не небрежность рассказчика, а скорее сакрализация образа героини. Елисеев как будто оберегает свое впечатление об Энн от слишком плоской, примитивной трактовки, выводя его за рамки портрета.

фоне стержневой интертекстуальной истории капитана Джессельтона¹. Напомним, что такое соотношение текста и интертекста – не совсем типично для раннего Ефремова: как правило, поэтика «метатекстуальных» историй делает последние более притягательными.

Финал истории капитана Елисеева точен и содержателен до кинематографичности: *«Я поднял руку вверх и разжал пальцы. Свежий морской ветер мгновенно подхватил телеграмму и, крутя, опустил ее в пенный след винта...»* [Ефремов, 1944а, с. 34]. Рука с разжатыми пальцами – символ несостоятельности человеческой власти на фоне безграничного океана – космической идеи бесконечности, непрерывности мироздания, которая поддерживается мотивом вращения – повторения, возобновления и безысходности, необратимости. Следующий «кадр» – крупный план: бледное лицо капитана, как будто утомленного воспоминаниями – обнаруживает неизгладимый след от необычайной встречи. Однако помимо заявленной в заголовке встречи над Тускаророй, в финале рассказа проступает значимость других встреч – встреча с Западом², к которой всю жизнь стремился Ефремов, встреча с необъяснимым и мимолетным чувством к «случайной» знакомой, встреча с самим собой в рефлексивном осмыслении прошлого.

Близкая по эмоциональной тональности «тупиковая» встреча состоится в рассказе «Олгой-Хорхой» («Аллергорхой-хорхой» в издании 1944 года): научное открытие – «встреча» с таинственным «пустынным жителем» - легендарным животным - обернулось гибелью участников экспедиции, сверхъестественные обстоятельства которой доставили *«немало крупных неприятностей»* [Ефремов, 1944а, с. 103] герою-рассказчику по возвращении из экспедиции. Само событие встречи с мифическим червяком не в силах преодолеть толщу легендарного хронотопа. За пределами мистически *«страшных фиолетовых песков»* [Ефремов, 1944а, с. 101] монгольской Гоби легенда остается легендой. Символом архетипического перехода, инициации, пограничного состояния («на лезвии бритвы»), сна и яви, откровения и тайны, опасности и смерти становится эсхатологичный, болезненно-депрессивный фиолетовый цвет³ барханов и чудовищных существ в момент смертельной

---

¹ Истории капитана Джессельтона и Анн противопоставлены и в этическом плане: альтруистический подвиг капитана дедраматизируется в «песенке» кабацкой левочки.

² Несмотря на то, что новая встреча с историей капитана Джессельтона происходит в Африке, прибрежный кабачок являет собой иллюстрацию колониального господства западной культуры: здесь слушают музыку Брамса и Сарасате, пьют ром, «думают» по-французски [Ефремов, 1944а, с. 29].

³ «Свет этого рода, падающий на ландшафт, - говорил Гете, - наводит на мысль о всех ужасах гибели мира» (цит. по: [Иттен, URL]).

атаки. Амбивалентный заряд несет и сам образ фантастических существ – нечто безобразное – не имеющее внятного облика (невозможно отличить голову от хвоста), как будто неодушевленное и неполноценное («штука», «колбаса», «обрубок»), почти не проявляющее признаков жизни, воплощенная беспомощность в то же время является источником колоссальной, неотвратимой угрозы. Символический фон рассказа, а также его гипнотически-сомнамбулическую фабулу чрезвычайно сложно соотнести с поставленной самим Ефремовым «педагогической задачей» советской фантастики: «показать неисчерпаемость научного поиска, научить людей его великой радости» [Брандис, 1978, с. 178-208], тем более что о блестящих научных результатах экспедиции, которые имели место в реальной гобийской одиссее ученого, рассказ умалчивает.

Сам феномен «встреча» в понимании Ефремова – явление едва ли не сакрального характера (таковы, например, судьбоносные встречи в его биографии – с академиком П.П. Сушкиным, с писателем А.Н. Толстым), не случайно слово «встреча» и его производные многократно, как эхо, повторяется в предисловии к сборнику [Ефремов, 1944а, с. 29]. Поэтому «законсервированные», «заблокированные» в рамках художественного повествования встречи, не имеющие очевидной диалектической детерминации, представляются наиболее релевантными в художественно-эстетическом отношении.

Рассказ, ставший, хрестоматийным примером научной прозорливости Ефремова (хотя, на деле, здесь скорее сыграли роль авторитет и влияние личности состоявшегося уже писателя для зарубежной читательской публики в 1950-е годы) – «Катти Сарк», является мощным интертекстуальным отголоском «Встречи над Тускаророй». Этот рассказ тоже заметно отличается от других: в нем нет пафоса научных свершений, альтруистического титанизма («Катти Сарк» – продукт личных амбиций судостроителя Джона Уиллиса), тем более побед во благо «великой Родины». Он, так же как и «Встреча над Тускаророй», «откалывается» от советского хронотопа (все основные события происходят на Западе), не содержит обязательной для литературы тех лет идеологической тенденциозности, как, например: «*Волшебное озеро дало и дает Советскому Союзу количество ртути, сразу решившее вопрос о нашей полнейшей независимости от других стран, что теперь, в дни Отечественной войны, имеет совершенно особенное значение*» [Ефремов, 1944а, с. 55] или «*Поэтому я считаю, что ваша благодарность должна быть направлена не мне лично, а моей стране, моему народу. Поддержка, помощь правительства, огромного коллектива*

флота, разных людей, от ученого до слесаря, - всего, одним словом, что является для меня моей Родиной, - привели к тем достижениям, которые показались вам почти сверхъестественным могуществом. И это только начало, мы будем продолжать...» [Ефремов, 1985, с. 126].

Взаимодействие текстов на разных уровнях распространяется на обе редакции «Катти Сарк». Закономерность связи историй двух кораблей подчеркивается осведомленностью капитана Елисеева - единственного человека в компании гостей Игнатия Петровича, знающего историю «Катти Сарк» («Пять румбов», 1944): «- Это «Катти Сарк», - коротко объяснил Игнатий Петрович. Мы молчали. Это имя ничего не сказало нам. Только капитан Елисеев воскликнул с живым интересом: - Вот она какая!» [Ефремов, 1944, с. 128]. Таким образом, главный герой рассказа «Встреча над Тускаророй» заявляет о своей причастности к «Катти Сарк».

Интертекстуальные перевертыши ключевых образов и символов объединяют эти два рассказа в единое семиотическое полотно: «Непопоямая» «Катти Сарк» / перевернутая «Святая Анна»; Ann / Nap; святая / ведьма¹. Однако и в этих очевидных оппозициях прослеживается многослойность, неоднозначность, дрейф смыслов наряду с многократными отражениями, удвоениями и перевертыжаниями.

Прежде всего, обращает на себя внимание христианский код, который представлен у Ефремова не столько в религиозно-идеологическом, сколько в культурно-семиотическом аспекте. Значимость христианского кода в рассказе «Встреча над Тускаророй» подчеркивается, «религиозностью» капитана Джессельтона, в письме которого находим молитвенные обращения к Всевышнему². Образ капитана Джессельтона - реконструкция бесстрашных и преданных своему делу, неизменно уповающих на Провидение героев Жюль Верна.

Энн – имя «певички» из прибрежного кабачка связано не только с названием легендарного корабля, но и семантически отражает имя самого капитана Джессельтона. Анна – с др. евр. ‘милость, благодать’, сходное значение имеет корень Джес-, восходящий, вероятно, к имени Иисус – с др. евр. ‘милость Божия’, ‘Божья помощь’. Таким образом, мифологический подтекст оказывается перевернутым в фабуле рассказа: Анна – мать Марии – прародительница Иисуса Христа || Энн – праправнучка капитана Джессельтона. Причастным к этим сложным семиотическим комбинациям оказывается и автор рассказа: имя капитана

---

¹ Эти соответствия определены в работе Е.А. Мызниковой [Мызникова, 2012, с. 141].

² «“Святость” парусника подкрепляется религиозностью капитана Джессельтона», - пишет Е.А. Мызникова [Мызникова, 2012, с. 94].

Джессельтона – Эфраим – ср. Ефрем (Ефремов) [Мызникова, 2012, с. 99].

Интересно, что имя прототипа «Катти Сарк» (Нэн), Джэн (ср. Энн), а также последнее «вульгарное» переименование «Катти Сарк»-баркентины («*имячко у нее «Жоанита»*» [Ефремов, 1944, с. 130]), по-видимому, восходят к тому же др. евр.: ‘милость, благодать’, а также ‘храбрость, сила’ (Жаннет – Джэн – Нэн-Энн – Анна).

Кроме того, характер и род деятельности Энн находятся в явной оппозиции характеристике «святая» (Анна). Однако, с другой стороны, Энн здесь как будто не на своем месте: *«такой неожиданной и неподходящей к этому кабачку показалась мне ее мягкая и светлая красота»* [Ефремов, 1944а, с. 29]. Странно сочетаются в лице и характере героини «*признаки нездоровой жизни»* со «*смущенной улыбкой»*, беспечность и уязвимость, веселость и серьезность, открытость и сдержанность. Девушка появляется на эстраде в разных амплуа – в открытом костюме в задорной пляске (ср. неутомимая Нэн – Короткая Рубашка), но в строгом бархатном платье во время исполнения песни о капитане Джессельтоне.

Созвучными фонетически и семантически оказываются имена двух капитанов (герой-рассказчик с легкой руки Энн действительно станет капитаном): Джессельтон и Елисеев (Елисей – др.евр. ‘Бог спасение’, по второй версии, имя Елисей – это один из вариантов произношения имени Одиссей).

Во второй редакции «Катти Сарк» (1958) появляется новое действующее лицо – судостроитель Джон Виллис, давший имя легендарной «Катти Сарк» - имя-легенду, имя-мечту – проекцию его неосуществленной любви к служанке Джэн. Как будто не случайным совпадением, поддержкой лейтмотива текста рассказа является и то, что соответствующее историческому прототипу имя героя Джон представляет собой эквивалент имени самого писателя, которое восходит к тому же корню, что и Энн – Джэн. Очевидно, фамилия этого героя также включается в парадигму фоно-семантических созвучий: Джессельтон – Елисеев – Виллис (некая комбинация Вильгельм (др.-герм.) – ‘волевой’, ‘рыцарь’ и Улисс (лат.) – от Одиссей).

Вполне возможно, что имя самого автора послужило отправной точкой в системе фоносемантических переключек и анаграмм текстов рассказов. Ефремов прибегает к подобному приему неоднократно: например, в романе «Час Быка» идеологом теории «инферно» (здесь вновь актуализируется христианский код) является Эрф Ром (в имени героя легко угадывается анаграмма ЕФРЕМОВ), в «Лезвии бритвы»

alter ago автора становится Иван Гирин, а в «Туманности Андромеды» имя автора зашифровано в имени главного героя Дар Ветра (ср. Иван – евр. ‘дар Бога’) [Мызникова, 2012, с. 99].

О подчеркнутом внимании фантаста к антропонимике свидетельствует крайне редкое имя, значение которого является спорным и многозначным, единственного сына писателя – Аллан: версии происхождения этого имени отсылают и к славянской, и западной и восточной традиции¹.

С «удвоением-отзеркаливанием» имен встречаемся и в других рассказах. В рассказе «Олгой-Хорхой» Миша – имя погибшего радиста / Михаил Ильич – имя главного героя (Михаил – евр. ‘подобный Богу’; Илья – евр. ‘Бог мой’ – здесь тоже удвоение); Гриша (греч. ‘бодрствующий, не спящий’) – второй погибший (шофер-проводник) является двойником «проспавшего» опасность Дархина. В рассказе «Тень минувшего» писатель с какой-то, вероятно, целью использует созвучные имена двух девушек, научных сотрудников экспедиции: Мириам и Маруся – производные одной семантической основы, причем значение этого имени на редкость полисемично, даже амбивалентно². В системе удвоеный явно подчеркивается «встреча» разных культурных традиций: Востока и Запада, Христианства и Ислама.

На ином уровне прием удвоения можно увидеть в рассказе «Обсерватория Нур-и-Дешт»: фамилия героя – Лебедев / финальный образ рассказа – распростертый в полете к грядущему звездный Лебедь³. Созвездие Лебедя по очертаниям напоминает крест, апеллирующий не только к христианской символике, но относящийся к так называемым «простым» символам, составляющим «ядро культуры» по причине своей колоссальной семиотической насыщенности и смысловых резервов [Лотман, 2002, с. 214-215].

«Партнерами» «Катти Сарк» и «Святой Анны» в рассказах «Катти Сарк» и «Встреча над Тускаророй» являются два других корабля –

---

¹ Версии происхождения этого имени весьма разнообразны: кельт. ‘скала’, ‘красивый’, франц. ‘согласие’; от назв. племени аланов; иран. ‘божественный’, ‘благородный’, каз. ‘простор’, евр. ‘дуб’, греч. ‘странствовать, бродить’, др.-иран. ‘олень’.

² Имя Мария имеет древнееврейское происхождение, варианты значения – ‘горькая’, ‘желанная’, ‘безмятежная’. В исламе Дева Мария известна под именем Мариам (Марьям, Мариам). Существует версия, что имя Мария – это один из вариантов имени Мариам, означающее либо ‘отвергнутая’, либо ‘печальная’. Среди православных имени Мария дают значение ‘госпожа’.

³ Образ лебедя, возможно, связан у Ефремова с идеей совершенства: лебедем неоднократно называет Ефремов «Катти Сарк», с лебедем же сравнивает «Аметист» в рассказе «Атолл Факаоф», возвращается к этому образу в романе «Туманность Андромеды».

«Фермопилы» и «Коминтерн», которые, по-видимому, тоже втягиваются в интертекстуальные отношения. Название корабля - «Фермопилы» - может соотноситься с идеей Ефремова «пути к совершенству» (в переводе с греческого 'теплые ворота', так назван узкий проход между обрывистым горным склоном и южным берегом Малийского залива (Эгейское *море*), ведущий из Северной в Среднюю Грецию) [Мызникова, 2012, с. 136-137].

«Коминтерн», несущий идею эволюционного объединения усилий мирового пролетариата, прогресса, действует напролом, взрывает, взламывает логику совершенства (святости)¹. Таким образом, пути совершенства и будущего парадоксальным образом расходятся, как расходятся пути эволюции и революции в теории «инферно»: *«Пока природа держит нас в безвыходности инферно, в то же время поднимая из него эволюцией, она идет сатанинским путем безжалостной жестокости»* [Ефремов, 1970, с. 361-362]. В финале рассказа «Встреча над Тускаророй» Ефремов-эволюционист как будто уступает место Ефремову-экзистенциалисту: *«То, что казалось мне безусловно ярким и важным, как-то сразу потускнело...»* [Ефремов, 1944а, с. 35].

Приметой «перекрестного партнерства» кораблей в рассказах «Встреча над Тускаророй» и «Катти Сарк» является и то, что «Святая Анна» и «Фермопилы» - взорваны, о чем автор выказывает явное сожаление: *«Потом я заглянул через борт назад, где в отдалении колыхались на волнах обломки, вырванные взрывом из парусного судна, и с неприятным чувством какого-то совершенного мной убийства представил себе, что судно, так долго странствовавшее после своей гибели, сопротивляясь времени и океану, сейчас медленно погружается в глубочайшую пучину...»* [Ефремов, 1944а, с. 18]; *«Под звуки Шопеновского марша, украшенный флагами гордый красавец был торпедирован <...> многих из пожилых и суровых мореходов, издали смотревших на гибель «Фермопил», прошибла слеза...»* [Ефремов, 1944, с. 129].

Характерно, что метафоры Ефремова не отделяются от автора в «свободном плавании» его произведений: они очень психологичны и даже физиологичны, являются выразительным средством не только мироощущения, но и самочувствия писателя: будучи тяжело больным в конце жизни Ефремов сравнивает себя с торпедированным броненосцем, проблемы со здоровьем называет «пробоиной» [Чудинов, URL]. И, напротив, гибнущий корабль уподобляет угасающему телу живого

¹ Метафорой совершенства в творчестве Ефремова нередко становятся парусники.

существа, как, например, в рассказе «Последний марсель»: *«Но страшно самому видеть тонущее судно, особенно, когда оно тонет кормой. Корабль словно падает навзничь, в судорогах поднимая высоко нос, затем медленно переворачивается, показывая ослизлое, обросшее днище, безобразное, подобно разложившемуся трупу, и медленно исчезает в волнах»* [Ефремов, 1985, с. 155].

Не менее важным метатекстуальным инструментом поэтики Ефремова является акватическая эпистема. Вода как источник жизни связана у Ефремова с идеей эволюции: в прошлом на фоне колоссальной глубины Тускароры найдены сведения о живительных свойствах глубинных вод, олицетворяющих «ключ будущего»: координаты Джессельтона могли указать место, откуда бьет родник жизни, где формируется будущее [Мызникова, 2012, с. 34].

Мифологический мотив «живой воды» появляется и в других произведениях Ефремова, например, в «Бухте Радужных Струй». Здесь тоже присутствует семантика чуда и спасения и также очевидно наличие библейской символики – чудесным образом «обретенное» райское место, где произрастает Древо жизни (эйзенгартия), дающее «спасительную воду» – в христианской проекции – воду крещения¹; в более широкой мифологической трактовке – воскресения, посвящения, инициации.

Старпом Елисеев покидает Кэптаун на корабле «Енисей» (смена кораблей «Коминтерн» / «Енисей» и, соответственно, их названий не может быть случайной). «Водное» название нового корабля «Енисей» фонетически соотносится с фамилией героя Елисеев. Таким образом, «Енисей» становится другим антиподом «Катти Сарк». Здесь уместно обратиться к поэме Р. Бернса «Тэм О’Шантер» – источнику образа «Катти Сарк»: *«Боятся ведьмы, бесы, черти / Воды текучей, точно смерти!»* [Бернс, 1982, с. 427]. Название корабля, безусловно, соотносится и с идеей таинственной находки капитана Джессельтона, и с мифопоэтическим кодом «святой/живой воды».

Вода в семиотическом арсенале Ефремова связана с идеями жизни, смерти, бессмертия. Водолазам не удалось найти останков капитана Джессельтона, так как кости со временем растворяются в морской воде, а затонувший корабль странствовал в море более ста лет. Посмертная участь капитана поэтизируется Елисеевым настолько, что становится завидной: тело отважного путешественника море *«приняло в себя*

---

¹ Таинство Крещения понимается христианами как привитие веточки к Древу Жизни, ко Христу. Христианский крест является проекцией древа, сокрушившего Адама, но вознесшего и воскресившего Нового Адама – Иисуса Христа.

еще лучше, чем земля. Разве это плохо – раствориться в необъятном океане от Австралии до Сахалина? – Вы только послушайте его, – попробовал пошутить капитан, – пойдешь и сам утопишься! Но никто не улыбнулся его шутке [Ефремов, 1944а, с. 24]. Гибель капитана Джессельтона, «растворившегося» в живом океане, как будто опровергает идею смерти. Здесь возникает интертекстуальная ассоциация с образом капитана Немо Жюль Верна, также доверившего свою смерть океанской пучине¹.

Таким образом, раннее творчество Ефремова представляет собой важнейшую составляющую наследия писателя-фантаста, поскольку оригинально воплощает личностные и мировоззренческие ориентиры художника на фоне предсказуемых программных идеологических декораций, содержит в зачаточном или сублимированном виде философские идеи зрелого Ефремова, а также имеет очевидный выход в мировую литературу посредством обширных интертекстуальных связей и структурно-семиотических валентностей.

Литература

- Бернс Р. Стихотворения. М., 1982.
- Брандис Е. Жизнь ученого и писателя. Интервью с И. Ефремовым // Вопросы литературы. 1978. № 2.
- Брандис Е.П., Дмитриевский В.И. Через горы времени: Очерк творчества И. Ефремова. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.noogen.su/iefremov/cherez-gory.htm>.
- Грицанов А.А. Интертекстуальность // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Мн., 2007.
- Евгеньев Б. Рассказы о необыкновенном: рецензия на рассказы И. Ефремова // Новый мир. 1946. № 1-2.
- Еремина О.А. Вставные новеллы в рассказах И.А. Ефремова. [Электронный ресурс]. URL: <http://efremov-fiction.ru/publicity/134/page/1>.
- Ефремов И.А. «Катти Сарк» // Новый мир. 1944. № 11-12.
- Ефремов И.А. Пять румбов: рассказы о необыкновенном. М., 1944а.
- Ефремов И.А. Алмазная труба: Рассказы. Сборник. М., 1985.
- Захарченко В. Чудеса и приключения. 1991. № 1-2.
- Иттен И. Основы цвета. [Электронный ресурс]. URL: http://kikg.ifmo.ru/learning/formoobraz/iten/Itten_cvet.htm.
- Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002.
- Мызникова Е.А. Научно-художественный синтез в рассказах И.А. Ефремова 1940-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012.
- Смирнов И.П. От тоталитарного человека к постмодернистскому // Смирнов И.П. Человек человеку философ. СПб., 1999.

¹ В социально-политической проекции этого эпизода возможно усмотреть метафорический антипод выставленному напоказ телу Ленина [Смирнов, 1999, с. 53].

Успенский Л. Лучшее – друг хорошего : выступление на сессии литературно-критических чтений // О литературе для детей. Л., 1957. Вып. 2.

Чудинов П.К. Три времени Ивана Ефремова. [Электронный ресурс]. URL: <http://efremov-fiction.ru/publicity/101/page/3>

**«ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ЯЗЫКОМ»
ПРОЗЫ «SOFT WAVE» : СПЕЦИФИКА АВТОРСКОЙ
ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ В СБОРНИКЕ
Д. ОСОКИНА «БАРЫШНИ ТОПОЛЯ»**

О.Ю. Осьмухина

Ключевые слова: авторская маска, сказ, нарратор, повествование, фиктивный автор.

Keywords: author's mask, skaz (tale), narrator, narration, fictional author.

Феномен прозы «Soft Wave» был презентован издательством «Новое литературное обозрение» в 2003 году в качестве принципиально новой книжной серии новейшей русской прозы. Как обозначено на четвертой странице обложки каждой из книг серии, прозаики, являющие «Soft Wave» (М. Меклина, С. Львовский, О. Зондберг, Д. Осокин и др.), кардинально отличаются от интеллектуального мэйнстрима с его «стилистическими и сюжетными шаблонами», «отказом от провокативных стратегий и упрощения языка» и выстраиванием новых – «личных и живых» – отношений авторов «с миром и языком». По сути, каждый из прозаиков разрабатывает собственную авторскую повествовательную стратегию как сознательно избранную повествовательную модель с особым, индивидуально-авторским набором приемов и вовлечением в повествовательный дискурс автора – текста – читателя.

Наиболее показательным в этом контексте представляется творчество казанского прозаика Дениса Осокина, в настоящее время активно публикующегося в «толстых» журналах, чьи тексты стали хорошо известны после присуждения ему в 2001 году премии «Дебют» за цикл рассказов «Ангелы и революция. Вятка, 1923», составивший наряду с другими циклами миниатюр, якобы изданных в разных городах России (Сыктывкар, Йошкар-Ола, Вятка, Казань и др.) в период с 1918 до 2002 годы, центральную часть сборника «Барышни тополя».

«Особые отношения» с миром и языком у Осокина воплощаются в весьма специфической сказовой форме. Примечательно, что сказовая повествовательная форма, избранная прозаиком, в принципе предполагающая «установку на воспроизведение разговорного монолога героя-рассказчика» [Каргашин, 1996, с. 12], «имитацию «живого» разговора, рождающегося как бы сию минуту, здесь и сейчас, в момент его восприятия» [Чудаков, 1971, с. 876], «резко характерную манеру» рассказа, воспроизведение лексики и синтаксиса носителя речи, ориентацию на слушателя [Жорман, 1972, с. 34], нарраториальность как упор на «полюсе нарратора», ограниченность умственного кругозора нарратора, двуголосость [Мушченко, 1978, с. 31], устность, спонтанность, разговорность, диалогичность [Шмид, 2008, с. 178–187], претерпевает в «Барышнях тополя» значительную трансформацию. Прежде всего, осокинский сказ имеет визуальное решение – «слово» фиктивного автора, рассказывающего ту или иную историю, не столько имитирует спонтанность и устность (хотя сигналы устного говорения используются), сколько стилизует письмо непрофессиональное, наивное, благодаря отсутствию прописных букв и знаков препинания, включению в текст пустых мест и рисунков. Сам прозаик неоднократно подчеркивал значимость подобной визуализации: «Я занимаюсь глубоко личным художественным исследованием мира и никого не пытаюсь ни в чем убедить. <...> ставить человеку минус я позволяю себе лишь в одном случае: когда первой реакцией на прочтение моей литературы является вопрос: почему вы пишете без заглавных букв? Для меня это оскорбление чудовищным непониманием. Ведь графика – последнее в печатном необходимом...» [Интервью..., URL].

Открывается сборник весьма специфическим предисловием, вполне вписывающимся в существующую традицию сказового повествования, в рамках которого предлагаемое читателю произведение выдается за «чужой» текст и происходит подмена авторского голоса голосом рассказчика (достаточно вспомнить Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, А. Ремизова, И. Бабеля и др.). Однако в «Барышнях тополя» предисловие не просто нейтрально, голос автора фиктивного или реального подменяется высшей (в прямом смысле слова) инстанцией и номинируется как «пара слов от господ бога»: *«на момент издания автору текстов исполнилось 22 года. он считает себя неплохим писателем-примитивистом и в настоящее время работает в вят-*

ской чк» [Осокин, 2003, с. 11]¹. Показательно, что в рамках подобного «безличного» высказывания контаминируются как вымышленные («работа в вятской чк»), так и подлинные факты биографии «автора реального» (известно, что сам Д. Осокин, дебютировавший достаточно рано и сразу же получивший престижную литературную премию, неоднократно подчеркивал, что считает себя писателем-примитивистом). Прием самоустранения автора из собственного текста, как известно, в литературе, тем более современной, где игровые стратегии с авторским словом обрели обозримые очертания еще в XX веке [Осьмухина, 2009], далеко не нов (достаточно вспомнить метатекстуальные стратегии В. Набокова, И. Эренбурга, В. Шкловского и др.). Поэтому примечателен не столько сам факт его использования в «Барышнях тополя», сколько осмысление, во-первых, авторской задачи его применения, а во-вторых, специфика его функционирования от цикла к циклу.

Если предисловие, репрезентующее фиктивного автора-повествователя, предполагало ведение дальнейшего повествования от лица «работника вятской чк», то следующие за ним циклы сборника опровергают читательские ожидания, либо практически полностью устраняя фигуру «пишущего», либо вводя иных «авторов», не имеющих отношения к сочинению в целом. Так, «автором» «Сцен ангелов» назван некий Валентин Кислицын, опубликовавший рассказы в Верхнем Устюге в 1927 году, аутентичность чего усиливается заключительной ремаркой цикла «р.с.ф.с.р. издательство “уключина”» [Осокин, 2003, с. 137]. Он же является автором и «Подзорной трубы», написанной уже в Казани в 1917 году. Однако, в этом же цикле «голос» истинного автора выдает ремарка, аллюзивно отсылающая вовсе не к Кислицыну, но к Денису Осокину, «реальному» автору сборника «Барышни тополя», объединившему все циклы рассказов: *«и обратный порядок действия <...> или полевая работа ученого-фольклориста. в области мистического познания соответствием будет общение с мертвыми в тополиных снах»* [Осокин, 2003, с. 154] (выделено нами. – О.О.). Очевидно, что автоотсылка, маркирующая авторское присутствие, содержит намек не только на научные «пристрастия» «автора реального» (Осокин, как известно, пристально изучал традиционную культуру народов Поволжья, фольклор, руководя в Казани Центром русского фольклора), но и становится аллюзией на один из циклов сборника «Барышни тополя», где главы, именуемые «мертвая рита», «мертвая

---

¹ Здесь и далее текст цитируется по этому изданию с указанием страниц в тексте и с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

полина» [Осокин, 2003, с. 77–79] и т.д., представляют не просто описания умерших женщин, но являют собой некий опыт действительно трансцендентного, мистического восприятия смерти как таковой. Автоаллюзивны также подробный перечень названий трав при повествовании о манипуляциях с ними, высокая частотность употребления в текстах сборника латинских названий, в первую очередь, растений: *«яснотка (latium album) – иначе глухая крапива <...>»* [Осокин, 2003, с. 358]. Все это вновь отсылает к биографическим подробностям автора «реального»: Д. Осокин защитил дипломную работу «Семантическое поле народных названий ядовитых растений и грибов».

Мало того, автоаллюзией можно с уверенностью считать и введение в повествование фольклорной, в том числе, зеркальной тематики. Оговоримся, что Осокин как ученый-фольклорист активно обыгрывает фольклорно-мифологические мотивы Поволжья на протяжении всего повествования. Обращение прозаика к фольклору становится сознательным авторским приемом примитивистской эстетики с целью демонстрации «чистоты» взгляда на мир, присущей фольклорному, неиспорченному цивилизацией сознанию.

Во-первых, в «Наркоматах» появляется образ рыбы: один из наркомов женат на рыбе и мечтает превратиться в рыбу, во главе наркомпрода стоит мордовская богиня паксь-ава. Образ рыбы, действительно, один из ключевых в мордовском фольклоре. Так, в мордовском народном эпосе «Масторава» детально описывается, что именно на трех рыбах держится земля (Масторава): *«Создал Нишкепаз большую воду, / Создал самую большую воду, / И в великую ту воду Нишке, / Мудрый добрый Шкай пустил три рыбы, / Ой, три рыбы меж собой родные: / Все три рыбы – кровные сестрицы. // <...> Старшая сестра, большая рыба, / Рыбам-сестрам остальным сказала: / <...> Для того на свет мы появились, / Для того, родимые, родились, / Чтоб держать три тяжести великих, / Чтоб нести их на своих на спинах. // Три начала есть у Масторавы, / Есть три пропасти у Масторавы //»* [Масторава, 2012, с. 37]. Мало того, в мифе, повествующем о рыбаке, Андямо, представления о «больших водах» связаны прежде всего с владениями Ведявы и Ведятя, наполненными «привольной рыбой»: *«Много-много есть тут рыбы / С лучезарными глазами: / Много доброй рыбы божьей, / Вместе с ней – шайтанской рыбы. Кто над рыбами хозяин? / Кто держатель рыб привольных? / Белый Сэрге их хозяин, / Муразей – держатель строгий //»* [Масторава, 2012, с. 100].

Во-вторых, в цикле «Ребенок и зеркало» Д. Осокин обыгрывает практически все известные мифопоэтические и мистические функции зеркала. Это касается, прежде всего отождествления зеркала и обмана, его «брачных уз» с рыбами [Осокин, 2003, с. 168] и мистической связи с мотивом смерти: *«ребенок с матерью были одни. мать готовила в кухне, а ребенок играл на полу <...>. в коридоре стояло зеркало, в которое комната с ребенком просматривалась с кухни целиком. <...> мама верила зеркалу – а зеркало ее обманывало, уже четверть часа ребенок был мертв <...>. не имеет смысла даже гадать, для чего зеркалу это было нужно»* [Осокин, 2003, с. 159].

Кроме того, зеркало рассматривается как граница междумирья (мира земного и потустороннего): *«бывает хозяева выбросят старый шкаф, а дверцу-зеркало оторвут и оставят дома. в одной комнате с такой дверцей на полу исчез ребенок. <...> мать искала, кричала, потом посмотрела в зеркало и увидела на отраженных в нем деревянных досках пола лужу и мокрый след как если бы ребенок обмочился. в комнате на этом же полу никакого следа не было»* [Осокин, 2003, с. 154]. Зеркало у Осокина (и здесь очевидная связь его с эстетикой символизма) – своего рода механизм для воплощения онтологических и гносеологических представлений: зеркало разделяет отраженный и отражаемый миры, внешнее сходство которых мнимо, зеркальный мир оказывается отнюдь не идеальным, но реальностью «со знаком минус».

И наконец, разрабатывается образ «злого» зеркала, которое может и благоволить к детям, наказывая взрослых (*«дети разбили зеркало. мать наказала их так, что дети весь вечер плакали. утром в постели мать оказалась мертвой, ночью с ней что-то произошло. <...> в ее смерти было повинно разбитое зеркало, оно отомстило за слезы своих маленьких братьев»*) [Осокин, 2003, с. 159-160]; раскладное «зеркало-убийца» воздействует на воспитательницу и нянечку, которые калечат детей [Осокин, 2003, с. 165]), и напротив – ненавидеть детей, забирая их жизни: так, зеркала «делят» еще не зачатого сына героини [Осокин, 2003, с. 166], ребенок режется лезвием, когда в детскую игру «найди мишку» вступает зеркало.

Кроме того, введены в повествовательную ткань и приметы, непосредственно связанные с зеркалом: *«нельзя чистить рыбу и отражаться в зеркале. так может делать мать, если хочет смерти своему ребенку, или девушка – чтоб никогда не рожать»* [Осокин, 2003, с. 160]. Помимо этого, неоднократно подчеркивается «суверенность» зеркала, его самостоятельность и способность «впитывать» энергетику хозяев: *«женщина была развратна. она умерла. вещи вы-*

несли из дома, <...> в доме осталось зеркало на карамельных обоях. <...> чего только не показывало зеркало своим дорогим гостям: мастурбирующих учительниц, раздвинутые ноги старших сестер <...> – зеркало было неуправляемым» [Осокин, 2003, с. 161]. Нарратор обыгрывает также связанные с зеркалом «страшилки», почерпнутые из городского фольклора, примером чего служат истории о вызове девушки из зеркала или о клюквенном киселе, раздавленном между двумя зеркалами, вызвавшем носовое кровотечение у ребенка. Опираясь на бытующее мифологическое представление о так называемом «правдивом зеркале» [Золян, 1988, с. 34–39], чей образ возникает в связи с рассмотрением актуального мира как мнимого, кажущегося отражения истинного мира, и которое способно показать правду как о внешности, так и о внутреннем мире человека, отразить истинную суть и состояние смотрящего на него, нарратор повествует о способности зеркал к «общению» и предвидению: «на новогоднем утреннике в детском саду дедом морозом было большое овальное зеркало. <...> одна девочка в зале как раз заболела опасной болезнью и это видело только зеркало. оно не выдержало и сказала, вручая ей свой подарок: сыпь багульником в зеркала, если не хочешь умереть в новом году» [Осокин, 2003, с. 164–165]. И наконец, в повествовательную ткань активно введены приметы, направленные против мистики зеркал, соблюдение которых способно охранить, уберечь: «утопите зеркало в воде, заверните зеркало в коричневую бумагу или ткань <...>» [Осокин, 2003, с. 172].

Очевидно, что фольклорная образность в рамках сказового повествования (воспринятая, по всей видимости, из прозы А. Ремизова и Е. Замятина) становится не только маркером авторского присутствия, но и стилизует воспроизводимую в большинстве циклов рассказов («Ангелы и революция», «Фигуры народа коми», «Анна и революция», «Наркоматы») атмосферу 1910–1920-х годов, пронизанную эротикой, насилием, мистицизмом. Можно предположить, что обыгрывание фольклорно-мифологических мотивов и образов, описание метаморфоз вполне обычных вещей в сочетании с архетипическими мотивами разрушения и созидания призваны в рассказах-миниатюрах Д. Осокина стереть грань между профессиональным письмом и «наивным» (графически это выражается отсутствием прописных букв). При этом синтез сказовых и примитивистских приемов, осуществленный прозаиком, оказывается сродни художественным экспериментам в живописи А. Руссо, воплотившим одиноко личностную сублимацию ограниченного высказывания нарратора перед самим собой посредством обраще-

ния к традиционной культуре и фольклору. В связи с обращением Д. Осокина к фольклору отметим характерное ослабление сюжета: общее фабульное развитие в каждом цикле «Барышень тополя» отсутствует. Кроме того, очевидно «опрощается» и предмет изображения: мир в «Барышнях тополя» предельно прост, понятен и провинциален. При этом все, что находится вне этого периферийного мира, – это мир «потусторонний», чаще всего зазеркальный, наделенный фантастическими, далекими от реальности чертами, картины которой изображают мир ужасный, подчеркнуто противопоставленный устойчивому и спокойному провинциальному миру. Подчеркнем, что в прозе Д. Осокина примитивистские приемы отталкиваются непосредственно от своей фольклорной первоосновы и становятся частью принципиально новой оригинальной авторской стратегии.

Возвращаясь к исследованию специфики сказа «Барышень тополя», отметим, что повествование большинства рассказов сборника стилизуется под устно произносимый монолог нарратора, доверительно беседующего с читателем. Однако, в отличие от «двуголосого» повествования «классического» сказа, соотносящего автора и рассказчика и сочетающего речь нарратора с собственно авторскими высказываниями, у Осокина авторская речь максимально вуалируется и маскируется. Так, цикл «Ангелы и революция, вятка. 1923» имеет подзаголовок «рассказы для города вологды» [Осокин, 2003, с. 9], равно как и остальные разделы сборника, которые предваряются указанием места и времени создания («наркоматы. вятка. 1918», «история риты детям. казань. 2000», «анна и революция. вятка. 1918», «ребенок и зеркало. сыктывкар. 1956»). В «Истории зеркал города усть-сысольска» уточняется место публикации («сыктывкар коми книжное издательство 1956»), причем с целью усиления впечатления аутентичности название приводится в двуязычном варианте: «*кага да рѳ-мпоштан усть-сысольск карса рѳмпоштаньяслѳн историям*» [Осокин, 2003, с. 156–157]. Это же касается и цикла «Огородные пугала», чье название предлагается в двух вариантах, в том числе и на языке-оригинале («*putnu biedēkl*») с уточнением, что текст представляет собой «перевод с латышского», осуществленный в Казани в 1926 году. В «Суккубах» роль автора вообще низводится до уровня публикатора, что вновь подчеркивается в предваряющей цикл ремарке: «<...> казань. 1922. <...> посвящается петру флоренскому отбывшему в местность хоф (где ангелов пруд пруди). коменский валентин» [Осокин, 2003, с. 339–340]. Однако сказ постепенно трансформируется до нейтральной речи, принадлежность которой автору реальному или фиктивному практически невозможно

идентифицировать, поскольку сигналы устного говорения, являющиеся непосредственным маркером сказа, ориентация на собеседника, отсутствуют, заменяясь рисунками, «дополняющими» сказанное (например, в цикле «анна и революция»). Подобная «визуализация» не что иное как прием примитивистской эстетики, когда и без того лаконичное повествование, «слово» подменяются визуальными средствами, демонстрирующими якобы неспособность автора вербализовать художественную идею, словесно ее оформить (происходит сужение возможностей языка, акцентируется минимализация его роли).

Весьма примечателен последний раздел книги Д. Осокина – «бдя» («сцены к фильму»), отсылающий к циклу «Фигуры народа коми» – рассказы его обрамлены параллельными текстами на коми и русском языках: *«бдя олъ мян вашке валын. кор сылывёлі дас кык арбс – сійбс гусялісны вёрсаяс – но кыдзи вёрсе чортъяс»*; *«одя живет у нас на вашке. когда ей было 12 лет – ее украли ворсы – лесные ну как черти»* [Осокин, 2003, с. 420]. Очевидно, что автор к финалу всей книги вообще устраняется из текста, низводя свою функцию лишь до собирателя и публикатора фольклорного материала, причем литературной обработки текстам последнего цикла не придает, опять-таки с целью создания у читателей впечатления аутентичности. Показательно, что сказ сохраняется именно в «переводных» рассказах как демонстрация «живого», устного, «подлинного» слова, в противовес слову письменному, литературному, художественно оформленному.

Таким образом, в прозе Д. Осокина («Барышни тополя»), синтезирующей в рамках сказового повествования примитивистские приемы (в частности, подмена слова визуальными средствами), фольклорно-мифологические мотивы и образы (образы мордовского и коми фольклора, зеркальная тематика, архетипические мотивы разрушения / созидания) и сугубо литературную традицию (создание иллюзии аутентичности посредством использования авторской маски), формируется принципиально новая авторская стратегия, нацеленная на разрушение границы между профессиональным письмом и «наивным».

Литература

Золян С.Т. «Свет мой, зеркальце, скажи ...» (к семиотике волшебного зеркала) // Зеркало. Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. XXII. Тарту, 1988.

Интервью с Денисом Осокиным (15.10.2007): Свой на Празднике Земли, или «Аномальные зоны» малой прозы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/dossier_2088/ (дата обращения 10.01.2013)

- Каргашин И.А. Сказ в русской литературе. Вопросы теории и истории. Калуга, 1996.
- Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М., 1972.
- Масторава : мордовский народный эпос. Саранск, 2012.
- Мущенко Е.Г., Скобелев В.П., Кройчик Л.Е. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.
- Осокин Д. Барышни тополя. М., 2003.
- Осьмухина О.Ю. Русская литература сквозь призму идентичности: маска как форма авторской репрезентации в прозе XX столетия. Саранск, 2009.
- Чудаков А.П., Чудакова М.О. Сказ // Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6.
- Шмид В. Нарратология. М., 2008.

ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ГОРОЖАН

Е.Ю. Позднякова

Ключевые слова: городское пространство, языковое сознание, восприятие, номинация.

Keywords: city space, language consciousness, perception, nomination.

Проблема восприятия географического пространства и его отражения в языке является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что категория пространства является универсальной категорией внеязыковой действительности, базовым компонентом жизни и сознания человека. По словам Ю.М. Лотмана, «неизбежным фундаментом освоения жизни культурой является создание образа мира, пространственной модели универсума. В этом случае пространственное моделирование реконструирует пространственный же облик реального мира» [Лотман, 2001, с. 275]. Е.Л. Березович подчеркивает, что «человек и место его обитания – магистральные темы и образы, которые не просто воплощаются в картине мира, но служат ее организующим центром, определяют познание многих других сфер действительности, отражаемых в призме антропологических или пространственных метафор» [Березович, 2007, с. 81].

Наиболее заметные исследования категории пространства в языке принадлежат Ю.Д. Апресяну, Н.Д. Арутюновой, Н.Н. Болдыреву, В.Г. Гаку, А.Е. Кибрику, А.Д. Кошелеву, Е.С. Кубряковой, Г.И. Кустовой, Л.Б. Лебедевой, Ли Тоан Тхангу, Ю.М. Лотману, Е.В. Падучевой,

В.И. Подлеской, Е.В. Рахилиной, Т.В. Цивьян, Е.С. Яковлевой и др. Вопросы концептуализации пространства посвящены сборники «Логический анализ языка. Языки пространств» (2000) и «Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка» (2003). В работах А.А. Зализняка, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева поднимаются вопросы о национальной специфике пространственной лексики русского языка. Реконструкция народных представлений о пространстве на материале русской топонимии проводится в монографии Е.Л. Березович «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек» [Березович, 2009]. В последней работе затрагивается проблема, находящаяся и в фокусе нашего внимания, а именно: проблема восприятия географического пространства и ориентации в нем человека.

Однако, несмотря на наличие исследований отражения категории пространства в языке, знание о ней до сих пор носит фрагментарный характер, а многие проблемы остаются нерешенными. Например, до конца не ясно, как человек осваивает пространство, в частности, пространство города. Происходит ли освоение городского пространства и ориентация в нем по правой или по левой стороне, либо действует линейный принцип, либо освоение городского пространства находится в зависимости от особенностей планировки города (концентрическая или квадратно-гнездовая застройка), либо на восприятие городского пространства влияют особенности рельефа местности.

Существующие теории ориентации в городском пространстве можно свести к двум основным вариантам: 1) человек в своем сознании создает координатную сетку города по заметным ориентирам (небоскреbam, домам, зданиям), при этом точкой отсчета при навигации служит дом человека; 2) человек запоминает, параллельно какой улице необходимо двигаться и дальнейшая ориентация происходит в соответствии с основным направлением.

Мы полагаем, что человек, осваивая городское пространство, создает некое «субъективное представление о пространстве, эксплицируемое по языковым данным» [Березович, 2009, с. 83]. Это субъективное представление выступает своего рода «картой» города. На этой «карте» есть как освоенные места, так и «белые пятна» – неосвоенные территории. Человек выстраивает городское пространство вокруг себя, поэтому основным свойством языкового пространства города, существующего в языковом сознании горожан, является антропоцентричность.

На антропоцентричность пространства указывают многие ученые-лингвисты, так, например, В.Г. Гак пишет: «Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется челове-

ком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак, 1998, с. 670]. Ю.Д. Апресян указывает на то, что дейктическая лексика эгоцентрична, при этом «фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства» [Апресян, 1995, с. 631]. Т.В. Цивьян также отмечает антропоцентричность «по относительным критериям, когда за точку отсчета берется не имманентное пространство и время, а положение человека в пространстве» [Цивьян, 2005, с. 75]. При этом антропоцентричность понимается как «присвоение субъектом пространства» [Цивьян, 1990, с. 14], а «язык описывает уже это “обжитое” человеком пространство» [Яковлева, 1993, с. 49]. Языковое пространство – пространство обжитое, релятивизированное позицией говорящего субъекта. Говорящий же в такой парадигме понимается как тот, кто осуществляет языковой выбор, использует анализируемое слово, то есть является носителем языкового сознания. По мнению Л.Б. Лебедевой, «пространство является данностью, вне которой человек себя не мыслит, и в своих отношениях с пространством человеку требуются как минимум две опоры. Это, во-первых, субъект сознания – “я”, всегда помещающий себя в центре идеального пространства, и противостоящая субъекту граница, или границы, которые замыкают пространство вокруг него» [Лебедева, 2000, с. 93].

Сформулируем некоторые вопросы для дальнейшего обсуждения в связи с проблемой восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан:

Строит ли человек некое подобие карты города в своем сознании?

Какое значение при ориентировке в городском пространстве имеют номинации городских объектов?

Какие городские объекты фиксируются человеком в качестве ориентиров?

Для поиска ответа на эти и другие проблемные вопросы нами был предпринят психолингвистический эксперимент. В ходе эксперимента респондентам было предложено нарисовать карту города Барнаула, обозначив на ней себя, свой дом, места отдыха, любимые места. При этом запрещалось пользоваться картографическими источниками, справочником ДубльГИС и пр. В исследовании приняло участие 92 респондента (студенты АлтГТУ). Главным критерием отбора респондентов было постоянное проживание в городе Барнауле, при этом не учитывалось место рождения респондента и давность его переезда в город, хотя можно предположить, что освоенность городского пространства напрямую связана с длительностью проживания в данном городе. Основной целью эксперимента было получить ответы на следующие вопросы: как человек осваивает

городское пространство, какую роль в этом процессе играют городские объекты и их номинации, как выстраивается образ городского пространства в языковом сознании горожан.

Полученные в результате эксперимента изображения можно условно разделить на три группы:

- 1) изображения картографического характера, изображения-«карты»;
- 2) изображения-«картины», на которых представлены отдельные фрагменты городского пространства;
- 3) смешанные изображения, объединяющие элементы картографии и рисунка.

Отметим, что в полученном материале преобладают изображения 1 группы. 90 из 92 изображений (98%) содержат номинации различных городских объектов, такие изображения назовем информативными. Изображения отличаются разной степенью информативности: минимальной (на изображении нет номинаций городских объектов, либо номинации единичны), средней (освоен и описан один район города) и максимальной степени (на карте зафиксировано более одного района города).

Все многообразие городских объектов, зафиксированных на полученных в результате эксперимента «картах», можно разделить на следующие группы:

I. Объекты городского пространства:

- 1) линейные;
- 2) планарные;
- 3) точечные (см. [Кривозубова, 1993]).

II. Рельеф местности и окружающие город территории:

- 1) наименования географических объектов;
- 2) окружающие населенные пункты и страны;
- 3) город и его границы.

Рассмотрим более подробно номинации объектов, отмеченных на «картах» города:

I. Объекты городского пространства:

1. Линейные объекты.

1) Наименования проспектов: *пр. Калинина (8), пр. Комсомольский (40), пр. Космонавтов (4), пр. Красноармейский (40), Ленинский (проспект) (15), пр. Ленина (43), Соц (4), пр. Социалистический (27), Соц. проспект, пр. Строителей (27), Lenin st.*

2) Наименования улиц, трактов, переулков, проездов: *ул. Антона Петрова (5), ул. Балтийская (2), ул. Весенняя, ул. Водопроводная, ул. Воронского, ул. Воронежская, ул. 8 марта, ул. 80 Гвардейской дивизии (2), ул.*

Георгиева (9), ул. Гоголя, ул. Горького, ул. Гущина (4), ул. Дёповская (2), ул. Димитрова (21), Змеиногорский тракт (3), ул. Интернациональная (3), ул. Г. Исакова (5), ул. Кавалерийская (2), ул. Кащеевой, ул. Кирова (18), ул. Красносельская, ул. Крупской, ул. Кулагина, ул. Кутузова, ул. Лесокирзаводская, ул. Малахова (11), ул. Матросова (5), ул. Молодежная (22), неинтересные улицы, ул. Некрасова, ул. Никитина, Павловский тракт (19), ул. Папанинцев (3), ул. Партизанская (3), переулок, ул. Пионеров, ул. Попова (14), ул. Просторная, ул. Профинтерна, ул. 50 лет СССР (2), проезд Санаторный, ул. Северо-Западная (6), ул. Сизова, ул. Советская (4), ул. Советской армии, ул. Союза Республик (2), ул. Суворова, ул. Телефонная, ул. Титова, ул. Л. Толстого, ул. Тракторная, ул. Цаплина, ул. Чкалова (6), ул. Шевченко (2), ул. Школьная, ул. Шукишина, ул. Шумакова (4), ул. Эмилии Алексеевой, ул. Энтузиастов (6), ул. Юрина (5), ул. Ядринцева.

3) Наименования мостов: мост (12), мостик, Новый мост (4), Понтонный мост, Старый мост, New bridge.

4) Наименования аллей, бульваров, дорог, переходов: аллея, аллеюшка, аллеечка, аллея Победы, бульвар, дорога, дорога жизни, кольцо (2), переход подземный.

5) Наименования железнодорожных и трамвайных путей: железная дорога, переезд, трамвайные пути.

2. Планарные объекты.

1) Наименования площадей: пл. Баварина (2), пл. 9 мая, пл. Октября (29), пл. Победы (14), площадь, пл. Сахарова (15), пл. Свободы (2), Скородка, пл. Советов (12), пл. Спартака (3), Спартак-2, пл. Текстильщиков.

2) Наименования поселков: пос. Восточный (2), пос. ВРЗ, пос. Затон, пос. Мирный, пос. Южный.

3) Наименования районов и микрорайонов города: Докучаево (3), ЖД (2), Ж.д. район, Железнодорожный район, Индустриальный (3), Ленинский (3), Октябрьский (3), Осипенский район, Первомайка, Поток (2), Солнечная поляна (4), Центральный (4).

4) Наименования рынков: базар, Новый рынок (8), оптовый рынок, рынок, Старый рынок (2), Старый базар (10).

5) Наименования парков, мест отдыха: ВДНХ (2), дендрарий, Ипподром (2), Лисовенко, Нагорный парк, парк, парк Изумрудный (4), парк Лесная сказка (2), пляж (2).

6) Наименования частей городского пространства: деревня, кладбище, Левый берег, Правый берег, Старый город, студгородок (3), частный сектор (2).

3. Точечные объекты.

1) Наименования ресторанов, кафе, клубов: *Блинная (2), Блинный бар, Большая перемена (3), Вилка Ложка, Волна, Гранат (ресторан), Гранмулино (2), Дубай (2), Зебра, Зеркало, Иероглиф, Икра (4), кафе, Колизей (3), Манхеттен, Мир Суши, Планета Суши (4), Пожарка, Пора покушать (3), столовая, Суши, Тасс (грильбар) (3), Точка (4), Чаплин, Coffee boot, Che Guevara (2), House, Mexico.*

2) Наименования магазинов, торговых центров, аптек: *Алтай гипер, аптека, Балтик стрит, Весна, Геомаркет, гипермаркет (3), гипермаркет «Алтай» (2), 28 апельсинов, Джинсы, Заря, КДМ (7), киоск, Книжный мир (2), комки, Комсомольский (4), Лакомка, ларьки, Ленга (4), магазины (7), магазин сладостей, Мария Ра (11), Мерседес Центр, Москва (2), Новэкс, Норд-Вест (2), Пассаж (3), Паттерсон (2), Первомайский, Посуда Центр, 5 элемент, Разноторг, 7 континент (2), Сити, Сити Центр (6), Созвездие, Твое, Тереза, Триал спорт, ТРЦ Малина (2), ТЦ Европа (20), ТЦ Красный (3), ТЦ Проспект, ТЦ Россия (9), ТЦ Северо-Западный, Флажман, Хозтовары (3), Холидей (4), Цезарь (4), ЦУМ (32), швейный магазин, Эдельвейс, Эльдорадо (2), Энтузиаст, Юный техник, City (5), City-Центр (4), Francesco Donny, Hyundai, Incity, Nissan, Nissan центр, S'Oliver, Sela, Respect, Ultra (4).*

3) Наименования учреждений культуры, образования, органов власти (школы, ВУЗы, театры, кинотеатры, музеи и пр.):

а) наименования высших учебных заведений, колледжей: *ААЭП, аграрный (2), АГАУ (5), АГАЭП, АГМУ, АГУ (14), Академия культуры, Алт-ГАУ (2), АлтГПА (2), АлтГТУ (32), АГТУ (3), АлтГУ, БГПУ, БМК, БЮИ (5), ВЗФЭИ (6), Главный корпус, Главный, корпус В (2), Мед (5), Медицинский, Медицинский институт (2), Мед. универ (3), Мед. университет (2), Пищевой (2), Политех (16), Политехнический универ, Строительный колледж, С/х институт, универ.*

б) наименования школ, лицеев, гимназий, студий: *Гимназия № 27, Гимназия № 42, ИСДЮСШОР, Лицей № 42, Лицей № 112, Лицей № 124, музыкалка, музыкальная школа, Продвижение (танцевальная студия), РАЭПШ (3), Сигма, школа № 27 (2), школа № 85, школа № 89, школа № 106, школа № 107, школа № 124, школа 129.*

в) наименования музеев, библиотек: *Афганский музей, библиотека, библиотека им. В.Я. Шишкова (3), Краеведческий музей, музей, Шишкова (3).*

г) наименования театров, кинотеатров, домов культуры: *ДК, Дом культуры, Дом пионеров, Драма (8), Драмтеатр (3), кинотеатр Мир (5), кинотеатр Родина (5), кинотеатр Россия (2), кинотеатр Чайка, КРК*

Мир(8), театр, театр Музкомедии (5), театр Драмы (7), ТЮЗ, Филармония.

д) наименования административных учреждений, банков, заводов, фабрик: *администрация (8), БАМ, банк (2), Дом быта (3), заводы, кондитерская фабрика, милиция, налоговая, почта (4), Сбербанк (4), Трансмаши, УФМС.*

е) наименование церквей, часовен: *часовня, церковь (3).*

4) Наименования спортивных учреждений: *база «Динамо», Дворец спорта (5), Динамо (стадион), лыжная база АлтГТУ, Магис спорт, Манеж (6), Обь (бассейн) (8), сауна, Смертина стадион, спорткомплекс Политеха, стадион.*

5) Наименования учреждений здравоохранения: *больница, Гор.больница № 4, Диагностический, Диагностический центр (3), Кардиоцентр (2), Новая краевая клиническая больница, Офтальмологическая больница, Центр репродукции и генетики человека, Юма Мед.*

б) Наименования домов, общежитий, зданий: *дома, дом моей лучшей подруги, дом моего парня, мой дом, монолит, общага (2), общежитие № 2 (8), общежитие № 3, общежитие № 4 (2), общежитие № 5 (4), общежитие № 7, общежития (2), под шилем (2), шиль (2), home sweet home.*

7) Наименования памятников, объектов-ориентиров: *буквы Барнаул (3), Дельфины, Ленин (4), мемориал, ноль российских дорог, нулевой километр, памятник, памятник Ленину, памятник Шукшину, Ползунов (3), Чаплин, часы (на Г. Исакова), фонтан (2).*

8) Наименования вокзалов, портов, аэропортов: *авто, автовокзал (7), аэропорт, вокзал (22), ж/д, ЖД (Ж/д) вокзал (10), Речной (2), Речной вокзал (20).*

9) Наименования гостиниц: *гостиница, гостиница Барнаул (6), гостиница «Парус», Hotel Barnaul.*

10) Наименования автостоянок, остановок, конечных маршрутов городского транспорта: *автостоянка (2), конечная 53, конечная троллейбуса № 6, остановка (4), остановка поселок Урожайный, остановка Урожайный, троллейбус.*

Деление на линейные, планарные и точечные объекты отражает картографическую специфику изображений, поскольку: а) на полученных картах улицы, переулки, тракты, проспекты, мосты изображены с помощью линий; б) районы, микрорайоны города, поселки, площади обозначены кругами или квадратами; в) предприятия торговли, сферы обслуживания, дома, места работы и учебы могут как сохранять специфическую форму объекта, так и быть нанесенными с помощью точек, квадратов и кругов.

II. Рельеф местности и окружающие город территории:

1. Наименования географических объектов и рельефа местности: *Барнаулка, Гора (5), лес, лесополоса, Обь (19), яры.*

2. Наименования окружающих населенных пунктов и стран: *Аддис-Абеба, Алтайка, Витебск, Китай, Лаос, Новоалтайск (2), Новосиб, Рубцовск.*

3. Наименование города и его границ: *Барнаул (5), Барнэо Сити, конец города, начало города.*

Полученные результаты свидетельствуют о том, что наиболее освоенной горожанами является центральная часть города. Наш вывод подтверждают количественные данные: на 80 из полученных изображений обозначена центральная часть города (87%), на 8 изображениях представлены только те районы города, в которых расположены дома респондентов (9%), на 4 рисунках изображены отдельные части городского пространства (4%).

Частотность наименований площадей и улиц центральной части также доказывает приоритетность центра города при освоении городского пространства, ср., например, наименования центральных проспектов и площадей, зафиксированные максимальное количество раз: *пр. им. В.И. Ленина* (в разных вариациях зафиксировано 59 раз), *пр. Комсомольский* (40), *пр. Красноармейский* (40), *пр. Социалистический* (32), *пр. Строителей* (27); наименования площадей, расположенных в центре города: *пл. Октября* (29), *пл. Сахарова* (15), *пл. Победы* (14), *пл. Советов* (12). Отметим, что на некоторых картах площадь Октября изображена в центре городского пространства, что соответствует изображению центральной части г. Барнаула на официальных картах.

Городские объекты и их номинации выступают своеобразными маркерами при освоении пространства. В соответствии с результатами эксперимента, такими маркерами являются названия магазинов, торговых центров, учебных заведений и др. (всего на картах зафиксировано 236 номинаций точечных объектов); названия улиц, проспектов, мостов и др. (всего 90 номинаций линейных объектов); наименования площадей, районов, микрорайонов города и других частей городского пространства (всего 51 номинация планарных объектов). Таким образом, субъективный образ городского пространства представляет собой некую карту, на которой в качестве ориентиров задействованы городские объекты и их номинации, причем численным преимуществом обладают точечные объекты.

Карты, которые обладают минимальной информативностью, свидетельствуют о минимальной же освоенности городского пространства. В этом случае на изображениях представлена лишь центральная часть горо-

да, либо какой-то фрагмент его центра (к примеру, главный корпус АлтГТУ и окружающее его пространство). Указанная особенность объясняется тем, что респонденты – студенты АлтГТУ, однако можно предположить, что освоение территории города всегда начинается с его центральной части и исторического центра. Именно поэтому наиболее освоенной частью города, максимально известной жителям, является его центр. Центр города «раздваивается», при этом наиболее освоенными оказываются те места, где расположены дом человека, место его учебы или работы, а также исторический (и административный) центр города.

Похожий эксперимент был проведен в немецком городе Тюбинген коллективом исследователей под руководством Джулии Франкенштейн (Институт биологической кибернетики Макса Планка). В ходе исследования 26 жителей города Тюбинген были помещены в виртуальную трехмерную фотореалистичную модель города с помощью специальных очков. Целью эксперимента было узнать, как знакомое пространство, в данном случае – пространство родного города – отражается в памяти человека. Участники, находящиеся в виртуальной модели города, но окруженные туманом, должны были указать на невидимое место, например, на главные ворота университета или пожарную станцию. После 60 попыток участникам было предложено нарисовать карту города, включая все места, которые им приходилось показывать. Участники нарисовали по-разному ориентированные карты с одной общей закономерностью: чем точнее карта была ориентирована на север, тем более точно было определено местоположение объектов. В результате исследователи пришли к выводу, что в мозгу человека выстраивается карта города, причем данная карта основывается на официальных топографических источниках с ориентацией на север. Ученые объяснили данную закономерность тем, что участники ранее видели топографические карты Тюбингена, и их мозг решил усвоить этот наиболее простой способ ориентирования в пространстве (см.: [Frankenstein, Mohler, Bülthoff, Meilinger, 2012]).

В полученном нами материале ориентация карт также различна, однако закономерности, отмеченной немецкими исследователями, не наблюдается. Более существенной при восприятии пространства и ориентации в нем является позиция наблюдателя, которая явственно прослеживается как в пространственном расположении текстов, так и в прямом указании себя и своего дома на карте.

Таким образом, эксперимент, проведенный среди жителей г. Барнаула, подтверждает наше предположение об антропоцентризме (и даже эгоцентризме) городского пространства, отраженного в сознании горожанина: для человека центром городского пространства будет то ме-

сто, где он живет и где сосредоточены его бытийные интересы. Город в языковом сознании горожан обладает двумя центрами: одним центром городского пространства является его исторический центр, другой центр – то место, где живет сам горожанин, где расположено его жилище. Полученные изображения свидетельствуют о том, что при освоении городского пространства существенными являются объекты городского пространства и их номинации, при этом количественным преимуществом обладают наименования точечных объектов.

Проведенный нами эксперимент доказал, что в сознании человека выстраивается некое подобие карты города. На этой «карте» есть как освоенные места, так и «белые пятна» – неосвоенные территории. Человек выстраивает городское пространство вокруг себя, наиболее освоенные его части образуют концентрические круги, соответствующие сферам «Я» – «Квартира-Дом» – «Улица» – «Район». Параллельно происходит освоение центра города (и, возможно, места, где расположено место работы или учебы респондента).

Можно сделать предварительный вывод о том, что освоение городского пространства и построение его образа в сознании человека происходит постепенно и имеет комплексный характер. На первоначальном этапе у человека формируется общее представление о городском пространстве, связанное с особенностями планировки города и его ландшафта, затем на этот обобщенный образ накладывается координатная сетка, которая сначала фиксирует лишь наиболее значимые для человека объекты-ориентиры, расположенные на маршруте его регулярного движения, последним этапом является создание трехмерной карты города в сознании человека. В дальнейшем эта карта дополняется новыми объектами, а зоны освоенного человеком пространства расширяются.

Литература

- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. М., 1995. Т. II.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : пространство и человек. М., 2009.
- Березович Е.Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998.
- Кривозубова Г.А. Урбонимы г. Омска (состав и функционирование) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1993.
- Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Лотман Ю.М. Семносфера. СПб., 2001.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005.

Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Frankenstein J., Mohler B.J., Bülthoff H.H., Meilinger T. Is the Map in Our Head Oriented North? // Psychological science. 2012. № 2.

**«И СЛОВО ПРОРАСТАЛО...»¹:
ЛЕКСИКА ПЕЧАТНЫХ СМИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
В ВОСПРИЯТИИ Д.Н. УШАКОВА²**

Е.Н. Басовская

Ключевые слова: лексикография, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, лексика СМИ.

Keywords: lexicography, the dictionary of the Russian language ed. by D.N. Ushakov, the vocabulary of the media.

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова давно стал классическим справочником по русскому языку. Сегодня трудно представить себе, насколько сложной была судьба этого издания, долг его путь к читателю и неоднозначна реакция специалистов и общественности на появление первого советского словаря³.

Вышедший в 1935 году первый том словаря был встречен суровой критикой на страницах «Литературной газеты» и строгими замечаниями, прозвучавшими со страниц других изданий. Среди претензий, высказывавшихся оппонентами составителей, звучала и такая: они якобы подошли к работе над словарем излишне субъективно, отразили в нем не объективное состояние русского языка, а собственные знания, интересы и вкусы. В разгар обсуждения первого тома словаря в Ленинграде один из членов редакционной коллегии С.И. Ожегов писал в Москву Д.Н. Ушакову: *«Когда мы сами попутно делаем выписки, вспоминаем примеры – получается кустарно очень: Фалев⁴ подсчитал,*

---

¹ Цитата из стихотворения В. Солоухина Звезда упала – загадай желание!».

² Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития РГГУ.

³ Подробнее о русской лексикографии 1920-30-х годов и о создании «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова см.: [Никитин, 2003; Никитин, 2004; Басовская, 2013].

⁴ Фалев И.А. – советский лингвист, специалист в области истории русского языка, русской грамматики и лексикографии, научный сотрудник (в годы войны и.о. зав. словар-

кажется, в нескольких слогах Б: из 250 примеров - 100 Пушкина, 7 из Горького, 2 из Блока и т.п.» [Архив РАН, Ф. 1516. Оп. 1. Д. 136. Л. 12]. Несмотря на сугубо конъюнктурный, идеологический характер критики словаря как «недостаточно советского» издания, данное замечание заслуживает определенного внимания, будучи отражением одной из ключевых проблем лексикографии. Действительно, составитель словаря ни при определении границ словника, ни при формулировке толкований и подборе иллюстративного материала не может выйти за пределы собственного языкового сознания. Словарные материалы, безусловно, несут на себе отпечаток личности (или личностей) автора. Избежать этого невозможно, но есть пути, позволяющие скорректировать ситуацию, повысить уровень лексикографической объективности.

Гипотеза данной статьи заключается в том, что одной из причин непревзойденного научно-справочного уровня «Толкового словаря русского языка» является языковая личность его ответственного редактора – Дмитрия Николаевича Ушакова, лингвиста не только по специальности, но и по натуре, человека, всю сознательную жизнь ежедневно, ежечасно изучавшего русский язык и превратившего языковую рефлексию в мировоззренческий принцип и образ жизни. Основанием для подобных предположений служат документы, хранящиеся в фонде Д.Н. Ушакова в Архиве РАН. Среди них – алфавитные книги и блокноты [Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Д. 137, 145-146], в которые ученый на протяжении нескольких десятилетий заносил свои языковедческие наблюдения.

К 1920-м годам, когда были сделаны первые шаги в направлении создания будущего толкового словаря, Д.Н. Ушаков пришел с колоссальным запасом лексикологических записей, значительную часть которых составили наблюдения над языком средств массовой информации. Ученый вырезал и наклеивал в алфавитные книги или записывал карандашом с карманные блокноты заинтересовавшие его с той или иной точки зрения примеры словоупотребления.

Издания, которые читал или просматривал Д.Н. Ушаков, весьма разнообразны идейно и тематически. Вот каков неполный перечень газет и журналов¹, привлекавших внимание филолога:

«**Московские Ведомости**» – газета, издававшаяся в 1756-1917 и до 1909 года принадлежавшая Московскому университету. В

ным сектором) Института языка и мышления АН СССР в Ленинграде; скончался в период блокады.

¹ Значительная часть сведений о периодических изданиях почерпнута из: Русская периодическая печать, 1957.

1855-1862 ее редактировал известный литератор В.Ф. Корш, на внучатой племяннице которого Д.Н. Ушаков был женат. С течением времени газета приобретала все более отчетливый право-монархический характер.

«**Копейка**» (1909-1910 годы – «**Газета-копейка**», 1910–1912 годы – «**Московская газета-копейка**», 1912–1917 годы – «**Московская копейка**») – дешевое массовое издание патриотического направления.

«**Утро России**» и «**Раннее утро**» – ежедневные московские газеты, издававшиеся с 1907 по 1918 год на средства крупных предпринимателей Рябушинских и отражавшие право-либеральные взгляды.

«**Русские Ведомости**» – московская газета, выходявшая с 1863 по 1918 год, с 1905 года – фактический орган правого крыла кадетов.

«**Голос Москвы**» – ежедневная газета партии октябристов, издававшаяся в Москве в 1906–1915 годах.

«**Патруль**» («**Вечерний курьер**») – газета демократического и социалистического направления, выходявшая в 1914–1918 годах.

«**Новости дня**» – ежедневная московская деловая газета, издававшаяся с 1885 по 1906 год.

«**Русское Слово**» – ежедневная московская дешевая газета 1895-1918 годов. С 1897 года издавалась И.Д. Сытиным, далее – Товариществом И.Д. Сытина. Имела статус «фабрики новостей».

«**Жизнь**» («**Свобода и Жизнь**», «**Жизнь и Свобода**») – ежедневная политическая и литературная газета, орган левых кадетов; выходила в Москве в 1905-1906 годах.

«**Вечерние Известия**» – ежедневная петербургская газета 1911-1917 годов.

«**Известия**» («**Известия Всероссийского Центрального. Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов и Московского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов**») – официальное издание советской власти. Газета, основанная в 1917 году в Петрограде, выходила в Москве с 1918 года.

«**Гражданин**» – политическая и литературная газета-журнал, издание выходило в Петербурге в 1872-1879 годах и в 1882-1914 годах.

«**Журнал для всех**» – петербургский ежемесячный иллюстрированный литературный и научно-популярный журнал, выходявший с 1896 по 1906 год.

«**Русский Вестник**» – влиятельный литературный и общественно-политический журнал, издававшийся в Москве в 1856-1887 годах и

в Санкт-Петербурге в 1887-1906 годах. До 1887 года редактировался М.Н. Катковым.

«**Утро Москвы**» – орган Московского профсоюза рабочих печатного дела, выходивший в 1918 году и отражавший взгляды меньшевиков.

Сам перечень изданий свидетельствует о широте интересов Д.Н. Ушакова и его стремлении проанализировать процесс функционирования русского языка в газетах и журналах разной направленности. Очевидно, что ученого интересовал не стиль какого-либо автора (среди записанных – имена А.В. Амфитеатрова, Д.С. Мережковского, Н.В. Струве и многих других) и не речевые приемы той или иной общественной группы или партии. Он решал иную, более сложную задачу – выявить общие тенденции развития языка в новейший период истории.

Вырезки и записи, которые делал Д.Н. Ушаков, лишь в редких случаях сопровождался авторскими комментариями. Чаще всего материал, собиравшийся «для себя», содержал простую фиксацию речевых фактов в алфавитном или хронологическом порядке. Д.Н. Ушаков регулярно отмечал необычные слова (устаревшие, новые, необщепотребительные); а также слова, использованные в нетрадиционном значении (записи такого рода нередко сопровождалась пометой мас.»¹), и распространенные лексические ошибки.

В данной статье анализируются некоторые из зафиксированных ученым необычных слов. При этом используется лишь небольшая часть материалов, собранных Д.Н. Ушаковым (общий объем накопленных им примеров составляет несколько тысяч единиц и требует дальнейшей обработки и изучения). Употребление слов в микроконтекстах, зафиксированных будущим лексикографом, сопоставлено со словарными данными XIX, XX и XXI веков.

В качестве справочника, в определенной мере отразившего состояние русской лексики дореволюционного периода, выбран «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук» (издание 1867-1868 годов). Предпочтение отдано именно этому, а не «Словарю русского языка», создававшемуся на его основе Я.К. Гротом, в дальнейшем – А.А. Шахматовым и его последователями, поскольку более позднее издание несколько раз меняло свою концепцию и не было доведено до конца.

---

¹ В конце XIX – начале XX века семантику – раздел языкознания, изучающий значение языковых единиц, – было принято называть семасиологией.

Вторым по хронологии является «Краткий толковый словарь русского языка» П.Е. Стояна, вышедший первым изданием в 1913 году. Эта книга была в числе справочников, активно использовавшихся в 1920-х годах редакционным комитетом, который начинал работу над первым советским толковым словарем. Об этом свидетельствуют журналы заседаний редакционного комитета и дневниковые записи Д.Н. Ушакова 1921-1923 годов [Архив РАН. Ф. 502. ОП. 3. Д. 96, 97].

Материалы словарей конца XIX – начала XX в. дополняются данными собственно «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где, согласно высказанной гипотезе, во многом отразились результаты многолетней лексикографической работы ответственного редактора.

Наконец, дальнейшая судьба слов, обративших на себя внимание Д.Н. Ушакова, прослеживается с опорой на «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, представленный на важнейшем лингвистическом справочном Интернет-ресурсе gramota.ru в авторской редакции 2009 года.

В качестве дополнительного справочника привлекается размещенный на том же портале «Русский орфографический словарь» под ред. В.В. Лопатина в электронной версии 2001–2007 годов.

Слова, употребление которых в газетных и журнальных публикациях заинтересовало Д.Н. Ушакова (это отразилось в фиксации прописными буквами и подчеркивании), встречаются в следующих микроконтекстах, приведенных здесь в хронологическом порядке:

БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ И МАЛОЗЕМЕЛЬЕ [заголовок] («Московские ведомости», 1899).

*Мы до сих пор считаем себя перед Европой **малолетками** и, как **малолетки**, всегда стараемся подражать старшим* («Московские ведомости», 1899).

*Ледяные поля... происхождения морского... и потому лед их с примесью разных солей, однако и они с течением времени теряют свою **СОЛЕННОСТЬ**...* («Московские ведомости», 1900).

*...Этим характерным воплощением нравственного **распада**, мы видим притягательный образ Ольги Николаевны Гараниной, женщины бескорыстной и самоотверженной* («Московские ведомости», 1900).

*Припомним, что... корненожки – животные простейшие, то есть такие, которые сами **равноценны** даже не какому-нибудь органу высшего создания, а только его единичной, отдельной клетке* («Московские ведомости», 1901).

Так, например, среди насекомых есть и такие, которые не бросают ту шкурку, которую сбросили во время линьки, а покрываются ею, как защитой... («Московские ведомости», 1901).

Красота эта оказывается хотя нарушенной, но **восстановимой** в будущем («Журнал для всех», 1910).

Беспросветное спанье **ОБЛЕНИЛО** Степана до потери сознания («Новый журнал для всех», 1910).

В этот день Михаил Евграфович был в особенно **острословном** настроении («Новый журнал для всех», 1910).

Кроволюция = революция («Русский вестник», 1911).

«Вонзить свинец» – в **обидчицкую** грудь. Как обязан делать это – «для поддержания чести мундира» – всякий строевой офицер («Копейка», 1912).

Пример этот... показывает, что пренебрежение мерами борьбы с **беспризорностью** будет обходиться государству в 15 раз дороже, чем хорошая постановка обязательного призрения («Русское Слово», 1914).

В особенности характерна защита проф. Линдеманом южно-русских немецких колонистов, пускающих сейчас в ход все средства, чтобы удержать в своих руках сотни тысяч десятин плодороднейшей земли, в которой столь нуждается русский **землероб** («Вечерние Известия», 1914).

Темные человечки, пристроившиеся к этому «хлебному» делу, все больше **нагтели** («Русское Слово», 1914).

Закрыта меблированная комната... владелец которой... оказался укрывателем **РАЗБОЙНОЙ** шайки («Русское Слово», 1914).

ОХВАТ поэтической компетенции бесспорно широкий («Русское Слово», 1914).

Нет ничего легче, как получить от него ту славу, кот. правильнее назвать **ПРЕСЛОВУТОСТЬ** («Русское Слово», 1914).

Для **пристрела** достаточно трех пуль, а в обойме их пять («Русское Слово», 1914).

Я очутился среди них в холодном, довольно грязноватом номере гостиницы небольшого **ПРИФРОНТОВОГО** городка Н., где они находились на положении арестованных («Утро России», 1914).

Зная, что душа недоступна для веских мер полицейского воздействия, опытные **РАСТЛИТЕЛИ** направили всю свою энергию на то, чтобы породить в друзьях России чувство внутренней безнадежности («Русское Слово», 1914).

...Пролиты нам страшно нужны вовсе даже не политически, а экономически, как единственный **продух** для задыхающегося, как чаша свежей воды для умирающего от жажды. Но мы и от этого продуха, и от этой последней чаши воды отказались... («Русское Слово», 1914).

Вся эта компания, на его оценку, – «**рисовальщики**» и «**рисовальщицы**» (студенты) («Русское Слово», 1914).

«Русское Слово» любезно прислало мне две книжки ... Игоря Северянина, с предложением высказаться об этом новом и, кажется, весьма **МНОГОШУМНОМ** явлении российского Парнаса («Русское Слово», 1914).

Мичурин зажил с «**новокупкою**», а старик Домнин сделался соломённым вдовцом. Рыбинск. От нашего корреспондента. Продажа жены («Утро России», 1914).

Задержание **вымогателя** (требовал, чтобы для него положили в одно место 500 рублей, под угрозой смерти) («Русское Слово», 1915).

Сегодня в Таврическом дворце состоялось первое заседание бюджетной комиссии. **Бюджетников** собралось очень много («Русские Ведомости», 1915).

Лечение это вызывает жестокое **выпотевание** («Русское Слово», 1915).

Галдеж ужаснейший кругом («Патруль», 1915).

Исправление и **ОТТОЧКА** (хирургических) инструментов производится обычно в течение 2-3-х дней («Русское Слово», 1915).

Вражеские орудия, слабо побухивая, давали другие эффекты («Русское Слово», 1915).

Аглая Михайловна стала смущать молодых иноков оголением плеч и рук своих, крутыми бедрами своими и **ПОЛНОГРУДИЕМ** («Русское Слово», 1915).

– **Черт!** – в ужасе завыл один немец, увидя наших **ПОЛЗУНОВ** в грязи от лба до носка сапог («Русское Слово», 1915).

Оценивая **МАНЕВРЕННОЕ** значение байбуртского района, командующий здесь Февзи-паша использовал буквально каждую складку местности для обороны («Русское Слово», 1916).

Марья Як. говорила, что ею руководило желание **ОЗДОРОВИТЬ** род графа Орлова-Давыдова («Русское Слово», 1916).

Русская интеллигенция слишком бы мало себя оценила, если бы в текущий момент пошла в **РАВНЕНИЕ** одной классовой борьбы и если бы кроме классовых интересов она, как нечто самостоятельное и самоценное, не стала на защиту государственности («Свобода и Жизнь», 1917).

Центральная Музейная Коллегия держится другого взгляда и высказывается за **акрополизацию** Кремля – сосредоточия в одном месте художественных ценностей («Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов», 1918).

ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА

МЕЖКЛУБНАЯ КОМИССИЯ ПРИ ПОДСЕКЦИИ КЛУБОВ ВЗРОСЛЫХ ОТДЕЛА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ М.С.Р.Д.

По инициативе руководительницы культурно-просветительской работой в рабочих и красноармейских клубах, заведующей подсекцией клубов взрослых Отдела Народного Просвещения М.С.Р.Д. при названной подсекции организована **Межклубная комиссия** («Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов», 1918).

*Во всех краях хаос и одурь.
Как при развале жить таком,
Когда и бывший ОКОЛОДЫРЬ
Себя считает леваком
(«Утро Москвы», 1918).*

Дело с запашкой земли беднякам-безлошадникам обстоит также отвратительно... **Безлошаднику** ничего не остается делать, как взвалить свои 2-3 пуда семян на плечи, снести их на мельницу и сесть. («Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов», 1919).

Кулацкими советами отчаянно саботируется не только этот декрет, но и декрет о выдаче пайков. («Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Крестьянских, Рабочих, Солдатских и Казачьих Депутатов», 1919).

...Первые перевыборы дали **орбочение** правлений жилищных товариществ почти на 55 проц («Известия», 1924).

Словарные материалы, соответствующие рассматриваемым словам, представлены в таблице:

<p><i>Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук</i></p>	<p><i>П.Е. Стоян Краткий толковый словарь русского языка</i></p>	<p><i>Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова</i></p>	<p><i>Большой толковый словарь русского языка</i></p>
--	--	---	---

Малоземелье	Недостаток в количестве земли	НЕТ	<i>Экон.</i> Недостаточная обеспеченность земель, земельными угодьями. <i>В СССР нет малоземелья.</i>	Недостаточная обеспеченность земель для ведения сельского хозяйства. <i>М. крестьян // Недостаточное количество земли, пригодной для хозяйственного пользования. М. пустыни.</i>
Малолетка	«Малолеток» - не достигший 14 лет.	НЕТ	<i>Разг.</i> Ребенок, дитя.	МАЛОЛЕТОК, МАЛОЛЕТКА. <i>Разг.</i> Ребенок, маленький мальчик или девочка. <i>Физкультурные занятия с малолетками. Обучение малолеток чтению. Он еще м.</i>
Соленость	Насыщенность солью.	НЕТ	Насыщенность солью.	НЕТ Есть в орф.
Распад	НЕТ	НЕТ	<i>Книжн.</i> Состояние по глаг. <i>распасться.</i>	К распасться - распадаться. <i>Белковый р. Р. колониальной системы. Р. Римской империи. Радиоактивный р. (спец.); самопроизвольное превращение неустойчивых атомных ядер в ядра других элементов, сопровождающееся испусканием ядерных излучений).</i>
Равноценный	Состоящий в равной цене с другими.	НЕТ	<i>Книжн.</i> Одинаковый по цене.	Одинаковый по цене, качеству, значению и т.п. <i>Р-ые вещи. Р-ые товары. Р-ые работники.</i>
Линька	Выращивание птицами перьев.	НЕТ	<i>Спец.</i> То же, что линяние.	см. Линять.

Восстановимый	НЕТ	НЕТ	<i>Книжн.</i> Такой, к-рый можно восстановить.	НЕТ Есть в орф.
Обленишь	НЕТ	НЕТ	<i>Разг.</i> Сделать ленивым, приучить к лени.	НЕТ Есть в орф.
Остроловый	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ Слово есть в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 тт. [Словарь современного русского литературного языка, 1959, с. 1302].
Кроволюция	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Обидчикий	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Беспризорность	НЕТ	НЕТ	1. <i>Книжн.</i> Отвлеч. сущ. к <i>беспризорный</i> (Бездомный, никем не воспитываемый, живущий на улице (о детях)).	НЕТ Есть в орф.
Землероб	НЕТ	НЕТ	<i>Обл.</i> Земледелец	НЕТ Есть в орф.

Наглеть	НЕТ	НЕТ Только <i>наглый</i>	Становится все более наглым. <i>Имperialизм наглет с каждым днем.</i>	Становится наглым, более наглым. <i>Враг все наглет. Н. в своих притязаниях на что-л. Администрация явно наглет. На глазах наглешь!</i>
Разбойный	Разбойный приказ.	НЕТ Только <i>разбой</i>	<i>Устар.</i> 1. Прил. к разбой. 2. Занимающийся разбоем.	Относящийся к разбою. <i>Р-ное нападение.</i> // Занимающийся разбоем. <i>Р-ная банда.</i> // Свойственный тому, кто занимается разбоем, такой, как у разбойника. <i>Р. свист. Р-ное лицо.</i> ♦ Разбойный приказ. В России 16-17 вв.: Правительственное учреждение, ведавшее сыском и судом по уголовным преступлениям.
Охват	То же, что «обхват».	НЕТ	2. <i>Нов.</i> Включение, вовлечение в круг действия, влияния чего-н.	НЕТ
Пресловутость	<i>Церк.</i> известность.	НЕТ Только <i>пресловутый</i>	НЕТ Только <i>пресловутый</i>	НЕТ
Пристрел	НЕТ Только <i>пристреливание.</i>	НЕТ	<i>Спец.</i> Действие по глаг. пристрелять.	НЕТ
Прифронтовой	НЕТ	НЕТ	НЕТ	Находящийся вблизи фронта, прилегающий к линии фронта.
Растлитель	Тот, кто растлеивает.	НЕТ	НЕТ Только <i>растлитель</i>	<i>Книжн.</i> Тот, кто растлеивает, растлил кого-, что-л.

Продух	Отверстие, щель или пазуха для пропущения воздуха.	НЕТ	НЕТ	1. Отверстие, канал в частях зданий и построек, служащий для естественного проветривания (вентиляции). 2. Отверстие в виде арки на колокольне для лучшего распространения звука во время звона колоколов.
Рисовальщик, рисовальщица	Упражняющийся в рисовании. Упражняющаяся в рисовании.	НЕТ	Художник-график.	1. Тот, кто занимается рисованием, делает рисунки. <i>Страстный р.</i> 2. Художник, владеющий искусством рисунка, создания линейных элементов в картине. <i>Хороший р., но плохой живописец.</i> < Рисовальщица.
Многошумный	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ Есть в орф.
Новокупка	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ Слово есть в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 тт. [Словарь современного русского литературного языка, 1958, с. 1357].
Вымогатель	НЕТ	Есть в статье «лихоимец»	<i>Книжн.</i> Тот, кто занимается вымогательствами	Тот, кто занимается вымогательством.
Бюджетник	НЕТ	НЕТ	НЕТ	1. Работник организации, являющейся государственной собственностью. <i>Оплата труда бюджетников.</i>
Выпотевание	НЕТ Только выпотевать.	НЕТ	НЕТ Только <i>выпотеть</i> .	НЕТ Слово включено в статью «выпотеть» «Словаря современного русского литературного языка» в 17 тт. [Словарь современного русского литературного языка, 1951, с. 1157].

Гаджек	НЕТ	Есть в статье «гам»	<i>Разг., фам.</i> Громкий шум от многих голосов, беспорядочный крик.	Многоголосый крик, шум, громкий беспорядочный разговор.
Отточка	НЕТ	НЕТ	<i>Спец.</i> Действие по глаг. <i>отточить.</i>	НЕТ
Побухивать	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Полногрудие	НЕТ Только <i>полногрудый</i>	НЕТ	НЕТ Только <i>полногрудый</i>	НЕТ
Ползун	Охотник позать.	НЕТ	<i>Разг.</i> Тот, кто ползает.	1. Разг. Тот, кто ползет или ползает. <i>Мальши-ползун</i> (ползунок). 2. Техн. Деталь механизма, скользящая взад и вперед по чему-л. в прямом направлении.
Маневренный	НЕТ	НЕТ	<i>Воен.</i> Ведущийся без долговременных укреплений.	1. Воен. Ведущийся с широким применением маневра, без долговременных укреплений... <i>М-ая война.</i> 2. Обладающий способностью быстро менять направление движения, подвижный. <i>М-ая ремонтная бригада. М. самолет. М. батальон.</i>
Оздоровить	Оздравляти. <i>Церк.</i> Возвращать здоровье.	НЕТ	<i>Книжн.</i> Сделать здоровым, <u>улучшить.</u>	Сделать здоровым, более здоровым. <i>Спорт оздоровил детей... О. обстановку в коллективе.</i>

Равнение	Действие равняющего.	НЕТ	Действие по глаг. <i>равнять</i> .	см. Равняться.
Акрополизац ия	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Межклубны й	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ Есть в орф.
Околодьярь	НЕТ	НЕТ	НЕТ	НЕТ
Безлошадни к	Только «безлошадный».	Только «безлошадный».	<i>Нов.</i> Безлошадный крестьянин.	НЕТ Есть в орф.
Кулацкий	Только «кулак» - «перекупщик».	Только <i>кулак</i> – богатый и скупой мужик, лихоимец	Прил. к <i>кулак</i> 3 – зажиточный крестьянин, эксплуатирующий односельчан.	НЕТ Есть в орф.
Орабочение	НЕТ	НЕТ	<i>Нов.</i> Действие по глаг. <i>орабочить</i> (<i>нов.</i>) – обеспечить участие где-н. рабочих как преобладающего элемента. <i>Орабочить аппарат учреждения.</i>	НЕТ

Анализ полученных данных позволяет выделить несколько типов слов:

1. *Линька, малоземелье, малолетка, оздоровить, наглеть, ползун, равнение, равноценный, разбойный, рисовальщик (рисовальщица), солёность*. Слова существовали в русском языке до революции, но не относились к числу общеупотребительных и частотных. В связи с этим они не нашли отражения в «Кратком словаре русского языка» П.Е. Стояна. Д.Н. Ушаков и его коллеги сочли правильным включить эти лексемы в словарь первого советского толкового словаря, сопроводив в ряде случаев стилистическими пометами. Верность такого решения подтверждается тем, что слова продолжили функционировать в русском литературном языке, о чем свидетельствует современный толковый словарь (в отдельных случаях – орфографический словарь). Следует обратить внимание на то, что слова *равноценный* и *ползун* отмечены Д.Н. Ушаковым в значениях, отличающихся от старых словарных. Так, *равноценный* в приведенном фрагменте из публикации «Московских Ведомостей» не означает «равный по цене» и приближается по контекстуальному смыслу к современному пониманию прилагательного – «одинаковый по качеству». Существительное *ползун*, встреченное ученым в тексте времен Первой мировой войны, обозначает не любителя ползать, а ползущих солдат.

2. *Безлошадник, беспризорность, восстановимый, вымогатель, галдеж, землероб, кулацкий, маневренный, обленить, распад*. Слова не фиксировались дореволюционными словарями или фиксировались с определенными ограничениями, но были включены в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (иногда с пометой «нов.»). Это соответствовало речевой практике, и впоследствии данные лексемы пополнили собою состав толковых (иногда только орфографических) словарей.

3. *Орабочение, отточка, охват, пресловутость, пристрел*. Слова отсутствовали в дореволюционных словарях (или были представлены в них в иных значениях), позже были включены в «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова – некоторые с ограничительными пометами, но в позднейшие толковые и орфографические словари не попали. В этой группе преобладают отглагольные существительные, что свидетельствует об активности данных словообразовательных моделей в первой-второй четвертях XX века, в период формирования советского варианта русского языка.

4. *Бюджетник, выпотевание, межклубный, многошумный, остро-словный, прифронтовой, продух, раститель*. Слова, как отраженные, так и не отраженные с дореволюционных справочников, отмечены Д.Н. Ушаковым в текстах печатных СМИ, но не зафиксированы «Толко-

вым словарем русского языка». Некоторые из них тем не менее включены в словники позднейших словарей. Это свидетельствует о точном лингвистическом чутье Д.Н. Ушакова и о том, что его личные наблюдения оказались в ряде случаев точнее, чем коллективная позиция редколлегии первого советского толкового словаря. Интересно также, что существительные *бюджетник* и *продох* употреблены в примерах, заинтересовавших филолога, не в тех значениях, которые указаны в позднейших словарях. Так, в «Русских ведомостях» 1915 года *бюджетники* – члены бюджетной комиссии; *продох* в публикации 1914 года не техническое приспособление, а шанс перевести дыхание (ср. современное *продых*). То, что Д.Н. Ушаков зафиксировал именно эти микроконтексты, в очередной раз свидетельствует о его предельном внимании к тонкостям лексической семантики.

5. *Акрополизация, кроволюция, обидчицкий, околодырь, побухивать, полногрудие*. Зафиксированные Д.Н. Ушаковым словоупотребления представляют собой потенциальные слова и окказионализмы: соответствующие словоформы отсутствуют как в дореволюционных справочниках, так и в «Толковом словаре русского» языка и более поздних изданиях. Проведенный при написании данной статьи интернет-поиск дал следующие результаты:

	Национальный корпус русского языка	Поисковая система Яндекс
<i>акрополизация</i>	Нет	10 ответов, из них 5 относятся к тому периоду, когда Ушаков зафиксировал употребление слова (под «акрополизацией Кремля» подразумевалось его превращение в музейный комплекс).
<i>кроволюция</i>	Нет	51 ответ, многочисленные ссылки на фольклор первого послереволюционного периода [Синдаловский, 2012, с. 79].
<i>обидчицкий</i>	Нет	Нет
<i>околодырь</i>	Нет	16 ответов, слово функционирует как историзм – просторечное шутивное название околоточного в дореволюционной России [Пискарев, 2007, с. 227].
<i>побухивать</i>	Нет	749 ответов; слово употребляется не в значении «издавать звуки типа "бух-бух"», а в жаргонном – «выпивать».

<i>полногрудие</i>	Нет	206 ответов
--------------------	-----	-------------

Записывая слова *акрополизация, кроволюция, околодырь*, Д.Н. Ушаков фиксировал колоритные речевые факты своей эпохи. В дальнейшем они не стали единицами русского литературного языка. Что же касается слов *выпотевание, новопкупка, острословный, побухивать, полногрудие*, то они с течением времени закрепились на лексической периферии, порой реализуя, как глагол *побухивать*, дополнительные возможности собственной внутренней формы. Из сорока слов, которые были перед началом данного исследования взяты из материалов Д.Н. Ушакова путем случайной выборки, только прилагательное *обидчицкий* вообще не продемонстрировало ни семантических, ни стилистических потенций.

Таким образом, проведенный анализ слов подтверждает высказанную гипотезу. Задолго до начала составления первого советского толкового словаря его будущий ответственный редактор Д.Н. Ушаков приступил к масштабной лексикологической работе, сопоставимой разве что с многолетним трудом В.И. Даля. Изучая огромные объемы текстов, важным компонентом которых были газетные и журнальные публикации, Д.Н. Ушаков осмысливал процессы, протекавшие в русской лексике конца XIX – начала XX века и составлял своего рода прогноз ее эволюции, в дальнейшем в большей части подтвердившийся.

«Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, несомненно, отразил, как и утверждали критики, субъективный взгляд на язык, присущий его составителям. Но этот взгляд формировался десятилетиями кропотливого лингвистического труда. Авторская субъективность, неизбежная при подготовке любого словаря, компенсировалась в данной ситуации исключительной широтой и глубиной знаний, беспрецедентным объемом и качеством накопленного материала. Все это позволило «Толковому словарю русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова стать, несмотря на многочисленные организационные трудности, цензурные ограничения и постоянное жестокое идеологическое давление, одним из несомненных шедевров отечественной лексикографии.

Литература

- Архив РАН. Ф. 502.
 Архив РАН. Ф. 1516.
 Басовская Е.Н. Чистота языка? Чистота словаря? (Из истории «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова) // Филологический класс. 2013. № 3.
 Большой толковый словарь русского языка. СПб, 1998.

- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. Дата обращения: 23.01.2014.
- Никитин О.В. Словарь // Московский журнал. История государства Российского. 2003. № 2.
- Никитин О.В. Забытые страницы русской лексикографии 1920-х годов (предыстория «Ушаковского словаря») // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7).
- Пискарев П.А., Урлаб Л.Л. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века. СПб., 2007.
- Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). Справочник. М., 1957.
- Русский орфографический словарь. М., 1999.
- Синдаловский Н.А. Очерки петербургской мифологии, или Мы и городской фольклор. М., 2012.
- Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. Т. 2. М., 1951.; Т. 7. М., 1958.; Т. 8. М., 1959.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук. СПб., 1867-1868. Т. 1-4.
- Стоян П.Е. Краткий толковый словарь русского языка. СПб., 1913.
- Толковый словарь русского языка. М., 1935-1940. Т. 1-4.

ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ¹

А.П. Чудинов

Ключевые слова: политическая лингвистика, политическая метафорология, когнитивизм, дискурсивность, антропологизм, языковые и речевые метафоры, креолизация, экспланаторность, экспансионизм, мультидисциплинарность, интуитивизм, интерпретационная модель познания.

Keywords: political linguistics, political metaphorology, cognitivism, discoursiveness, anthropologism, linguistic and speech metaphors, creolisation, explanatoriness, expansionism, multidisciplinary, intuitivism, interpretation model of knowledge.

Исследование теории концептуальной метафоры и описание ее конкретных моделей в различных видах дискурса – одно из интенсивно развивающихся направлений современной когнитивной лингвистики. Рассматривая специфику современной когнитивной метафорологии, следует учитывать, что новая теория не отказалась от всего лучшего, что было в

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

традиционных (идуших еще от Аристотеля) учениях о метафоре в том виде, как они представлены во множестве обзоров, среди которых следует выделить монографии «Метафорология: теоретические аспекты» [Лагута, 2003], «Метафора в системе языка» [Скляревская, 1993] и вводную статью Н.Д. Арутюновой в широко известном сборнике переводов [Теория метафоры, 1990].

Теория концептуальной метафоры, в ее классическом понимании, была сформулирована в публикациях Дж. Лакоффа, М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004] и их последователей (Р. Гиббс, Э. Готтли, Дж. Грэди, М. Джонсон, З. Ковечеш, С. Коулсон, А. Мусолфф, Т. Рорер, М. Тернер, Ж. Фоконье и др.). Названные ученые применили к исследованию метафор принципы когнитивной лингвистики, и это позволило увидеть новые грани в, казалось бы, хорошо известном феномене. Современная когнитивистика рассматривает метафору как основную (или одну из основных) ментальную операцию, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, познает при помощи метафор тот мир, в котором он живет, а также стремится в процессе коммуникативной деятельности преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира.

Для современной теории метафоры методологически очень важна идея Е.С. Кубряковой о необходимости изучения законов композиционной семантики, в рамках которой нужно исследовать «тайны интеграции знаков в новые гештальты... отказаться от разного рода аддитивных, или же суммативных, концепций композиционной семантики и заменить их концепциями более творческого характера – динамическими концепциями, отдающими дань самым сложным когнитивным способностям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и, прежде всего, инференции, а значит, возможностям вывода нового знания в ходе решения текущей проблемы и способности к умозаключениям на основе имеющихся данных» [Кубрякова, 2002, с. 6]. Смешивание, слияние концептов – это не суммативный процесс, а создание новой ментальной единицы, которая не равна сумме двух ее составляющих.

В соответствии с представлениями когнитивной лингвистики метафоричность – это естественный путь творческого мышления, а вовсе не уклонение от главной дороги к познанию мира и не прием украшения речи.

Важным этапом в становлении современной политической метафорологии стало знаменитая публикация Дж. Лакоффа, в которой он,

используя методологию когнитивной лингвистики разоблачал методику метафорического оправдания войны в Персидском Заливе, которую использовали политические лидеры США и их сторонники. Не менее детально Дж. Лакофф рассмотрел и метафоры, которые использовали сторонники Саддама Хуссейна [Lakoff,1991].

В России методика когнитивной политической метафорологии впервые была использована в исследованиях А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, которые детально описали метафоры эпохи перестройки и последующего демонтажа тоталитарной государственности [Баранов, Караулов, 1991; Баранов, Караулов, 1994; Баранов, 2001].

В наших монографиях были представлены ведущие направления исследования политической метафорологии, в том числе история ее возникновения и развития, специфика российской политической метафоры конца прошлого века, особенности развития политической метафорологии в Северной Америке, Западной Европе (Великобритания, Германия, Франция) и России.

Некоторым итогом монографии «Россия в метафорическом зеркале» [Чудинов, 2001] стало представление современной политической метафоры как своего рода «зеркала», в котором, во-первых, отражается ментальный мир человека и общества в целом (метафора дает нам обширный материал для изучения когнитивных механизмов в сознании человека и социального мировосприятия), во-вторых, в этом зеркале мы видим отражение обыденных («наивных») представлений людей о понятийных сферах-источниках пополнения системы политических образов, а, в-третьих, указанное зеркало отражает человеческие представления о сфере-мишени метафорической экспансии (в данном случае это была российская политическая реальность конца прошлого века).

В название нашей следующей монографии [Чудинов, 2003] был вынесен концептуальный образ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОЗАИКА. Как известно, каждая отдельная частица мозаики – это всего лишь «кусочек камня или стекла», по которому практически невозможно судить о картине в целом. Точно так же каждая конкретная метафора отражает мировосприятие одного человека, нередко метафорическая конструкция передает только сиюминутное настроение этого человека. Если же рассматриваемую метафору сопоставить с множеством других, если выделить доминантные для современного политического дискурса метафорические модели, если сравнить системы политических метафор в различных языках, то, возможно, удастся обнаружить какие-то общие закономерности в метафорической картине политического мира, суще-

ствующей на данном этапе развития в национальном сознании. Так маленькая частица становится органичной частью большой картины. В связи с этим очень значимо социальное признание авторской метафоры, что может проявиться, в частности, в цитировании соответствующего высказывания и в дальнейшем развертывании образа.

В центре следующей монографии «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов, 2006] оказалась попытка обобщения и классификации современных исследований в области политической метафоры. Как известно, в теории науковедения (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, М. Полани и др.) представлены две основные методики подобных исследований. В первом случае автор стремится выделить наиболее важные, этапные для развития науки публикации и на их основе выявить ведущие черты изучаемого периода. При таком подходе предполагается, что в современной науке новых идей значительно меньше, чем новых публикаций, а поэтому для обобщающих обзоров качество рассмотренных публикаций важнее, чем их количество. Во втором случае проводится своего рода контент-анализ максимально широкого круга научных публикаций, то есть с использованием количественных подсчетов определяются типичные для данного этапа развития науки методы и приемы исследования, наиболее распространенные подходы к анализу материала и способы его отбора, задачи, которые ставят перед собой авторы подобных исследований. В основе этой методики лежит предположение о том, что подлинным показателем авторитетности той или иной научной теории служит количество ее последователей. При оценке новой научной идеи очень значима ее «технологичность», возможность разработать на ее основе эффективные приемы исследования конкретных фактов. Именно к этому варианту относится и наше исследование, в рамках которого было рассмотрено более 600 публикаций по политической метафорологии и предложена их классификация, основанная на анализе методологии исследования, дискурсивных факторах и когнитивной направленности анализа.

В монографии, изданной в 2008 году [Будаев, Чудинов, 2008], была представлена попытка комплексного детального описания зарубежной политической метафорологии. Максимальное внимание было сконцентрировано на используемой методологии, мегарегиональной специфике, принадлежности к ведущим научным школам. В эту же книгу была включены новые переводы ведущих исследований по проблемам политической метафорологии.

Специфика недавней монографии «Очерки по политической метафорологии» [Чудинов, 2013] представлена в ее названии, в котором отражен материал исследования (современность), преимущественное внимание к теории (метафорология) и жанр (очерки), который предполагает возможность углубленного рассмотрения отдельных проблем и не требует строгого систематического описания всех аспектов когнитивной теории метафоры. В этой книге, помимо прочего, представлено обоснование методики исследования метафорических моделей.

Опыт изучения политической метафоры, накопленный уральской школой политической лингвистики, позволил сформулировать следующие принципы исследования.

1. Примат когнитивного подхода, преодоление ограничений, связанных со структурным, исключительно лингвистическим подходом к исследуемому материалу:

– в едином континууме анализируются не только собственно лексические единицы, но и фразеологизмы (и их компоненты), а также другие воспроизводимые единицы;

– в едином континууме анализируются не только собственно метафоры, но и другие тропы (метафорический эпитет, метонимия, метаморфоза, сравнение, ирония, гипербола, литота и т.п.), а также случаи образного использования имени собственного (см.: [Нахимова, 2010, 2012]);

– в едином континууме анализируются элементы, относящиеся к различным частям речи, к различным уровням языка.

Когнитивная метафорология исходит из признания неразрывной связи языковой деятельности и когниции, человека и его языкового сознания. В советской лингвистике это называли «единство языка и мышления». Идея по существу не новая, об отношениях между языком и мышлением спорят уже сотни лет. Но очень важны следствия из этого постулата. Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются сквозь призму общих знаний человека о мире и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов.

2. Примат дискурсивного подхода. В отличие от исследователей, обращающихся преимущественно к материалам лексикографии, в когнитивных публикациях преобладает изучение политических метафор в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом

фоне. Такой подход предполагает рассмотрение речевой деятельности на фоне социальных процессов, то есть метафора рассматривается не только как результат когнитивной деятельности человека, но и как социальный феномен, возникновение которого обусловлено политической ситуацией. С этой точки зрения, весьма показательно исследование метафорических систем, создание которых обусловлено той или иной политической ситуацией (выборы, кризис, война и др.).

3. Обращение к единому пространству языковых и речевых метафор. В отличие от специалистов, которые обращаются преимущественно к ярким, образным метафорам [Кобозева, 2001], для уральской школы характерен анализ единого континуума «живых» и «мертвых» метафор (в других терминах – метафор языковых и речевых, узуальных и окказиональных, стертых и художественных, генетических и образных). Вместе с тем в ряде случаев возможно ранжирование метафор, их индексация по степени образности (например, по методике Ш. де Ландсхеер [Landtsheer, 1991]).

4. Обращение преимущественно не к художественным текстам, где очень значима эстетическая функция метафоры в сочетании с иными образными средствами, а к материалам бытовой массмедийной, и институциональной политической коммуникации. В таких условиях метафора используется преимущественно в номинативной, коммуникативной, метаязыковой и когнитивной (категоризация, концептуализация и оценка действительности) функции, что, разумеется, не исключает также использования прагматического и эстетического потенциала метафоры.

5. Примат антропологического подхода:

– анализ в качестве сфер-источников и сфер-мишеней метафоризации не строгих логических категорий, а когнитивных пространств с учетом принципа семейного сходства и выделением категорий базового уровня, лучшего (типичного) образца, центра, ядра, ближней и дальней и периферии.

– анализ в качестве сфер-источников и сфер-мишеней метафоризации не научных классов и разрядов, а национальной когнитивной картины мира (например, в китайской картине мира помидор, ананасы и черешня – это фрукты, тогда как в представлении многих других народов фрукты – это только плоды фруктовых деревьев);

6. Повышенное внимание к креолизованным текстам, в которых взаимодействуют вербальные и невербальные компоненты коммуникации, изображение и вербальный текст. Как справедливо отмечает

Е.В. Шустрова, политическая карикатура «во многом строится на мифах, стереотипных представлениях, сплаве образов, персонажей, сюжетных линий, понятий, присущих той или иной культуре», причем вербальные и невербальные компоненты креолизованного текста постоянно взаимодействуют [Шустрова, 2003, с. 40]. Поэтому при анализе текстов, совмещающих словесные знаки и изображения, вполне возможно использование тех методик, которые хорошо зарекомендовали себя при работе с собственно вербальными текстами [Шустрова, 2012, с. 52]. Изобразительная и словесная метафоры постоянно взаимодействуют, и это взаимодействие обеспечивает повышенный прагматический эффект [Ворошилова, 2012].

7. Предпочтение сопоставительным исследованиям, результатом чего стало многообразное сопоставление метафорических картин мира в различных государствах, которые обобщены в специальных обзорах [Будаев, Чудинов, 2006; Будаев, Чудинов, 2008; Будаев, 2011; Чудинов, 2003; Чудинов, 2013]. Вместе с тем подобное сопоставление в рамках нашей научной школы не рассматривается как единственно возможное или даже основное. Как справедливо отмечает Э.В. Будаев, «основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы:

– этнокультурное сопоставление, направленное на поиск универсального и культурно-специфического в политических метафориках разных этнокультурных сообществ;

– социально-дискурсивное сопоставление, включающее в себя идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление;

– диахроническое сопоставление, охватывающее вопросы исторического развития системы политических метафор;

– мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов» [Будаев, 2011, с. 11–12]. Не менее важно и то, объектами сопоставительного когнитивного анализа в политической метафорологии являются три группы когнитивных структур:

1) сферы-источники метафорической экспансии;

2) сферы-мишени метафорической экспансии;

3) базисные когнитивные структуры [Будаев, 2011, с. 11].

8. Экспланаторность. Для современной политической лингвистики характерно стремление не просто зафиксировать факты, но дать им лингвистическое, лингвополитическое и дискурсивное

толкование. Как подчеркивала Е.С. Кубрякова, новая теория, новые подходы не менее важны, чем новые факты. В этой связи следует вспомнить принцип дополнительности, который сформулировал датский физик Нильс Бор. Суть этого принципа состоит в следующем: если две теории противоречат друг другу, то это еще не означает, что одна из этих теорий является ложной. Каждая из этих теорий хороша на своем месте, для объяснения своей группы фактов.

9. Экспансионизм. Тенденция к расширению сферы лингвистических изысканий. Со времен Соссюра было принято отчетливо дифференцировать лингвистические и экстралингвистические факторы, разграничивать внутренний и внешний аспекты языка. При когнитивном подходе это противопоставление неактуально, что предопределяет повышенный интерес к этническим, социальным, возрастным и гендерным особенностям метафор. Показательны в этом отношении выполненные в Екатеринбурге диссертации, посвященные специфике метафорической картины мира в дискурсах сторонников феминизма, экологических движений, контркультурных движений и др.

10. Мультидисциплинарность. Постулат о когнитивном обязательстве (по Лакоффу: [Лакофф, 2004]). Этот постулат предполагает возможность (и требование) верификации (проверки) данных одной когнитивной науки при помощи методов и результатов другой когнитивной науки или хотя бы других направлений науки. Например, степень восприятия метафоры можно проверить с использованием данных нейролингвистики (нейрофизиологии). Человеческий мозг и – шире – человеческое тело определенным образом реагирует на метафору. Особенно на яркую, необычную, доставляющую эстетическое удовольствие. И эту особую реакцию можно зафиксировать при помощи специальных приборов. Очень перспективно и использование методов психолингвистики при изучении метафорических моделей и конкретных метафор. Значительный интерес представляет сопоставление материалов и выводов, полученных, с одной стороны, при традиционном лингвостилистическом анализе метафорической системы того или иного текста, а с другой – при использовании когнитивных приемов и эвристик. Использование различных методов для изучения одного и того же объекта способно принести различные, но взаимно дополняющие друг друга результаты. Все это предполагает множественность методик когнитивного исследования, отказ от

попытки выделить одну ПРАВИЛЬНУЮ или хотя бы ОПТИМАЛЬНУЮ методику исследования и описания.

11. Интуитивизм. Методологической основой традиционной западной лингвистики был рационализм, идущий от Гоббса, Вольтера, Декарта и Локка. Методологической основой советской лингвистики был марксистский рационализм, восходящий к Канту и Фейербаху. В эпоху постмодернизма методологией гуманитарных наук все больше становится интуитивизм.

Интуиция – это один из важных путей познания мира. Современная когнитивная лингвистика возникла как некий бунт интуитивистов против рационалистов. Традиционная наука считала единственно научным рациональное мышление. Все остальные виды мышления объявлялись ненаучными или по меньшей мере вспомогательными по отношению к рациональному мышлению. Мы считаем, что интуиция, образное мышление – это отнюдь не суррогатные формы мышления, а важнейшие пути познания истины. Особенно это относится к мышлению в ситуациях недостаточной информации. Интуицию особенно часто используют там, где разум бессилён. Мы не можем точно знать, какие именно процессы проходят в коре головного мозга. Мы можем только догадываться о них, создавать их модели.

Современная лингвистика провозглашает принципиальные различия между мышлением в гуманитарных и естественных науках. Пусть физики мыслят рационально и не верят интуиции. Возможно, это правильно для физики. Но не надо распространять их способы мышления на гуманитарные науки. Нельзя одни формы мышления признавать главными, а другие – второстепенными. Красивая теория не нуждается в иных доказательствах.

Об этом хорошо сказала Е.С. Кубрякова: пришло время отказаться от суммативных концепций и заменить их концепциями более творческого характера. Пришло время «обратиться к динамическим концепциям, отдающим дань самым сложным концепциям человеческого разума – воображению, интуиции, абстрактному мышлению и инференции» [Кубрякова, 2001, с. 6].

12. Интерпретационная модель познания как основа лингвокогнитивных исследований. Мир таков, каким мы его ощущаем, и эти представления отражены в метафорах. Человек не только познаёт объективно существующий мир, но и сам его конструирует, в том числе с использованием самых разнообразных

метафор. Назначение языка – это сортировка и обобщение информации, подведение ее под ту или иную категорию.

С точки зрения интерпретационной модели познания очень значимы исследования, в которых рассматриваются особенности метафорической интерпретации мира в языковой картине мира того или иного человека, в том числе политического лидера, человека, который при помощи ярких метафор способен преобразовать общественное сознание, изменить национальные представления о действительности, как это сумел сделать У. Черчилль в начале Второй мировой войны [Зубакина, 2013].

Наша научная школа продолжает развиваться, и мы надеемся на появление новых исследований, новых идей, новых методов и приемов изучения политического дискурса, важное место в котором занимает политическая метафора.

Литература

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Баранов А.Н. Политическая метафорика публицистического текста : возможности лингвистического мониторинга // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.
- Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. Нижний Тагил, 2011.
- Ворошилова М.Б. Креолизованная метафора: первые зарисовки // Политическая лингвистика. 2012. № 4.
- Зубакина Т.Н. Метафоры в индивидуальной концептосфере У. Черчилля // Политическая лингвистика. 2013. № 2.
- Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Кубрякова Е.С. Композиционная семантика: цели и задачи // Композиционная семантика. Тамбов, 2002. Ч. 1.
- Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. М., 2001.
- Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
- Нахимова Е.А. Аспекты когнитивного исследования имени собственного // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2.
- Нахимова Е.А. Историческая динамика прецедентных онимов: окказионализмы, неологизмы, архаизмы и историзмы // Политическая лингвистика. 2012. № 1.
- Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.
- Теория метафоры. М., 1990.

- Чудинов А.П. Очерки по политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.
- Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2012.
- Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
- Шустрова Е.В. Проявление основных архетипических образов в американской политической карикатуре // Политическая лингвистика. 2013. № 1.
- Шустрова Е.В. Языковая игра в американской политической карикатуре на Барака Обаму // Политическая лингвистика. 2012. № 4.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. [Электронный ресурс]. URL: metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980.
- Landsheer de Ch. Function and the language of politics. A linguistic uses and gratification approach // Communication and cognition. 1991. Vol. 24. № 3/4.

О ФЛУКТУАЦИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *GUY*

Л.В. Кульгавова

Ключевые слова: флуктуация языкового знака, расширение (генерализация) значения, нейтрализация пейоративных коннотаций, прототипическое значение, когнитивные модели семантического развития.

Keywords: fluctuation of the linguistic sign, broadening (generalization) of meaning, neutralization of pejorative connotations, prototypical meaning, cognitive models of semantic development.

Язык подвержен постоянным изменениям и колебаниям. Особенной подвижностью отличаются значения слов. Размышления об этом содержатся в трудах мыслителей разных эпох и направлений. Т. Гоббс, например, полагал, что значения слов неустойчивы, непостоянны [Гоббс, 1964, с. 67, 74]. П.А. Флоренский отмечал, что «семема слова непрестанно колеблется», она чрезвычайно пластична, неопределенно безгранична, зыблема [Флоренский, 1973, с. 352, 353, 368, 369]. «Семема способна беспредельно расширяться, изменяя строение соотношенных с ней духовных элементов, менять свои очертания, вбирать в себя новое, хотя и связанное с прежним содержание, приглушать старое...» [Флоренский, 1973, с. 356]. По убеждению А.Ф. Лосева, каждое

слово, как и каждый языковой элемент, заряжено бесконечными семантическими возможностями, бесконечным количеством разного рода смысловых оттенков, оно всегда подвижно и не является абсолютно устойчивым [Лосев, 1977; 1981].

Подобную неустойчивость, пользуясь современными терминами, можно было бы обозначить словом *флуктуация*. Флуктуация – это не простые колебания в означающем и означаемом, а целый комплекс различных явлений: смежность, диффузность и речевой синкретизм, размытость значений слова и их оттенков как в системе языка (что отражено в словарях), так и в речи/текстах, развитие широкозначности, склонность к прототипической многофокусности. Все это может сопровождаться колебаниями в правописании и произношении на синхронном срезе. При этом неопределенность и диффузность семантики слова могут быть настолько очевидны пользователям языка, что они легко наполняют слово новым, своим содержанием, экспериментируют с его значениями и употреблениями и даже манипулируют его семантикой. Это может придавать использованию слова оттенок симулятивности, а содержательная сторона знака при этом обесценивается, происходит содержательное опустошение знака. Таким образом, флуктуация имеет отношение и к синхронному срезу в динамике знака, и, естественно, к историческому развитию. Подобное понимание флуктуации вполне согласуется с расширенной трактовкой асимметрии языкового знака. К словам, иллюстрирующим данное свойство, относятся, например, существительное *love*, прилагательное *cool* (см. конкретный анализ фактического материала в: [Кульгавова, 2012a; 2012б; 1995]).

Прилагательное *cool* – пример чрезвычайной гибкости языкового знака, ни содержание, ни форма (как графическая, так и фонетическая) которого не сдерживают говорящих в его преобразовании и выражении разнообразных личностных смыслов. С существительным *gyu* дело обстоит несколько иначе. Для *gyu* характерна более ограниченная колебательность, если можно так выразиться, в основном «антропоцентрическая гибкость»: развившееся из имени собственного *Gyu*, это слово прошло долгий путь от обозначения артефактов к названию человека (сначала только мужчины, а впоследствии мужчины и женщины) и обратно к названию плодов человеческого труда (иных, чем на более ранних этапах существования слова) и предметов, так или иначе связанных с человеком. «Биография» слова *gyu* со всеми ее перипетиями служит иллюстрацией к наблюдениям М.М. Маковского над судьбами слов, которые, «пожалуй, намного сложнее, удивительнее и разнообразнее человеческих судеб. Они немые свидетели человеческой исто-

рии и культуры. Развитие значений слов лучше любых хроник и свидетельств современников отражает человеческие судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способы мышления» [Маковский, 2005, с. 5].

Исследование проводилось на следующем фактическом материале: данных британских и американских толковых, переводных и этимологических словарей английского языка в печатном и электронном вариантах, различных Интернет-ресурсов, в том числе словарных и энциклопедических; данных справочных, научных и научно-популярных зарубежных и отечественных публикаций. Некоторые результаты исследования отражены в трех публикациях [Кульгавова, 2010; 2011; 2012a]. Автором был представлен доклад на IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Научное творчество XXI века» (апрель 2011 года, г. Красноярск), проведенной Научно-инновационным центром.

В английском языке как имя собственное *Guu*, так и имя нарицательное *guu* – это слова с гипотетической этимологией, то есть существует несколько версий их происхождения, ни одна из которых не подкреплена бесспорными доказательствами.

По одной из версий, имя собственное *Guu* восходит к славянскому богу *Svanto-Vid*, ритуал поклонения которому сопровождался безумными плясками. С приходом христианства он превратился в *Sanctus Vitus*, а *Vitus* позднее преобразовался в итальянском языке в *Guido*, а во французском и английском языках – в *Guu* [Carver, 1991, с. 169].

Если появление имени собственного связано с языческими обрядами, то имя нарицательное *guu* родилось из предательства и пыток. Оно происходит от имени Гая Фокса (*Guu Fawkes*) – заговорщика-участника Порохового заговора. Пороховой заговор (the Gunpowder Plot) – неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание Парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам и предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков короля Якова I. Взрыв планировалось совершить 5 ноября 1605 года, когда в Парламенте присутствовали бы король и члены обеих палат Парламента. Группа заговорщиков включала тринадцать человек, среди которых был Гай Фокс (1570-1606). Разоблаченных заговорщиков подвергли жестокой казни, практиковавшейся в то время: осужденного сначала вешали, но не давали ему умереть в петле, а снимали с виселицы, затем вспарывали живот и выпускали внутренности, а после этого четвертовали. После раскрытия Порохового заговора Парламент принял закон, предписывавший отмечать 5 ноября как «радостный день благодарения

за спасение», традиция празднования которого сохранилась до сих пор. Теперь этот праздник известен как *Ночь Гая Фокса (Guy Fawkes Night)* или *Ночь фейерверков (Bonfire Night)*. Вечером 5 ноября слышна пальба фейерверков, и воздух наполняется пороховым дымом. Иногда люди изготавливают и сжигают соломенное чучело в старых одеждах, символизирующее Гая Фокса. В дни, предшествующие празднованию, на улицах можно увидеть детей с чучелами, просящих прохожих пожертвовать им монетку (*a penny for the guy*) на покупку фейерверков.

Как же отразились эти события на языке? Во-первых, в него вошли новые выражения-реалии *Guy Fawkes Night, Bonfire Night, a penny for the guy*.

Во-вторых, появилось имя нарицательное *guy*. В 1806 году чучела, символизовавшие Гая Фокса, стали называть словом *guy*. Здесь произошел метонимический перенос имени с одного предмета (конкретного человека) на другой (чучело, символизирующее этого человека): *Guy [Fawkes] → guy «an effigy of Guy Fawkes»*.

Позднее слово стало обозначать также другие чучела и рельефные изображения. Иными словами, результатом семантического развития стало расширение значения слова. Схематически это можно представить так: *определенный вид чучела (чучело, символизирующее Гая Фокса «an effigy of Guy Fawkes») → разного рода чучела и рельефные изображения («other type of an effigy»)*.

Впоследствии, к середине 30-х годов XIX века, в Англии слово подверглось сложному, комплексному изменению и стало обозначать «a person of grotesque, ludicrous appearance or dress». Основой для развития такого метафорического расширения послужил внешний вид чучел, одетых нелепо, в лохмотья и несочетающиеся предметы одежды. Метафорический перенос имени *guy* с одного предмета (чучело) на другой (человека) базируется на сходстве во внешности. Наряду с метафорическим расширением здесь имели место пейоративные процессы, то есть произошло сложное семантическое преобразование, результатом которого стали симультанные генерализация и ухудшение значения. Ухудшение манифестируется в дефиниции признаками «grotesque», «ludicrous». Важно отметить, что на концептуальном уровне флуктуация пейоративных смыслов присутствует еще на более ранних этапах существования слова (когда у него развились вышеупомянутые значения «an effigy of Guy Fawkes», «any kind of an effigy»), что было связано с отрицательным отношением к фигуре заговорщика и Пороховому заговору в английском этнокультурном пространстве. Однако полноправной частью языковой системы пейоративные конно-

тации стали с приобретением словом *guy* значения «a person of grotesque, ludicrous appearance or dress». Данное наблюдение иллюстрирует диахроническую динамику пейоративных смыслов флуктуирующего значения слова *guy*.

От существительного с помощью конверсии был образован глагол *to guy* «to make or carry the effigy of Guy Fawkes». Однако позже в американском английском глагол утратил денотативную конкретику и приобрел другой, более обобщенный смысл «to mock or to make fun of». По мнению ряда ученых (например, Р. Бойкот), это значение основано на аналогии между реакцией людей, глумившихся над Гаем Фоксом, когда его вели на эшафот, и реакцией людей, празднующих 5 ноября в наши дни [Boycott, 1983, с. 56]. По некоторым данным, в печати этот глагол появился впервые лишь в 1872 году в одном из произведений Марка Твена. Мы нашли этот пример в «The Oxford English Dictionary»: *The Roman street-boy who <...> guded the gladiators from the dizzy gallery* [The Oxford English Dictionary, 1933, с. 525].

В середине XIX века для слова *guy* начинается новая жизнь, потому что оно «эмигрирует» в американский английский и становится лексико-семантическим дивергентом. Лексико-семантические дивергенты – это такие слова, которые, попав в другой вариант английского языка, сохраняют общеанглийские значения, но при этом развивают свои собственные, характерные для данного варианта языка значения. Скажем, у прилагательного *dumb* общеанглийское значение «немой» соседствует с частотным американским значением «глупый», то есть для американцев данное прилагательное ассоциируется в разговорной речи в первую очередь с понятием глупости. Или другой пример – глагол *to ship*. У этого глагола наряду с общеанглийскими значениями «принимать на борт корабля; нанимать матросов; класть в лодку (весла) и др.» существует американский смысл «перевозить (груз) любым видом транспорта (морским, железнодорожным, автомобильным)».

Что же произошло со словом *guy* в новой этнокультурной среде? Не отягощенное концептуальным наследием кровавой роялистской истории, оно начинает жить и развиваться по-новому – с трансформированным концептуальным содержанием, иными семантико-прагматическими характеристиками и синтагматическим потенциалом. В Соединенных Штатах в конце 40-х годов XIX века слово подверглось дальнейшей генерализации и превратилось в слово с широким, общим значением «a man, fellow», утратив таким образом свои пейоративные коннотации.

Слово *guy* во множественном числе стало употребляться также для обозначения группы людей, в которую входят как мужчины/мужчины, так и женщина/женщины. Иными словами, расширилась гендерная составляющая его смысла. Множественное число *guys* – удобная замена слова *people* в разговорной речи, когда упоминаются люди женского и мужского пола. *Are you guys ready?* Как указывает Б. Брохау, такое употребление зафиксировано в 1940 году [Brohaugh, 2006, с. 62]. А начиная с 70-х годов оно уже прочно вошло в разговорную речь. В единственном числе *guy* тоже функционирует в качестве обращения. Ср.: *Guy* разг.: человек, парень (тж. обращ.): парень, чувак. *A guy I know has a car like that* (У одного парня, которого я знаю, похожая машина). *Say, guy, where'd you get that application form?* (Скажи-ка, парень, где ты взял эту анкету?) [Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка, 1999, с. 160].

Таким образом, у *guy* при переходе в американский английский произошла смена прототипического (стереотипного и наиболее частотного) значения с «чучело» на «мужчина; малый, парень» (а во множественном числе вообще нет разграничения по признаку пола). Изменение прототипического значения связано с модификацией уже существующего концепта, репрезентируемого лексемой *guy*. Когнитивные модификационные процессы обусловлены сменой этнокультурного пространства с порождаемыми им причинами/факторами изменений, колебаний.

В результате изучения различных источников и собственных наблюдений над функционированием этого слова мы пришли к выводу, что здесь можно вести речь о двух типах причин изменений – лингвистических и экстралингвистических (включая культурологические).

Утрата пейоративных смыслов обусловлена тем, что слово вошло в широкое употребление (лингвистическая причина). Кроме того, пользователям языка иной культурной среды нюансы развития слова и его значений были незнакомы или малознакомы (общая экстралингвистическая причина). Как отмечает Д.Н. Новиков, абсолютному большинству носителей английского (как и любого другого) языка история развития слов попросту неизвестна [Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания, 2007, с. 67].

К культурологическим факторам нейтрализации отрицательных смыслов можно отнести, например, отсутствие связи между словом *guy* и фигурой английского заговорщика Гая Фокса в сознании обычных американцев [Carver, 1991, с. 169]. Р. Хендриксон объясняет нейтрализацию пространственно-временной удаленностью от исходных собы-

тий [Hendrickson, 1988, с. 138]. Американский автор В. Гаррисон полагает, что причины кроются в незнании американцами нюансов истории Англии [Garrison, 2000, с. 235]. Интересно отметить, что как бы в подтверждение этого он и сам приводит неверную информацию относительно Порохового заговора. Так, он утверждает, что из всех заговорщиков только Гай Фокс был пойман и казнен [Garrison, 2000, с. 235]. А в работе другого исследователя Э. Шолла содержится иная, чем общепринятая, информация о числе заговорщиков – 7 человек, помимо Гая Фокса [Sholl, 2004, с. 78]. Согласно более распространенным данным, их было 13. В американских публикациях есть и другие расхождения и неточности. Например, в популярном в США словаре «The Merriam-Webster New Book of Word Histories» утверждается, что в арендованном заговорщиками помещении, находившемся под залом заседаний Палаты лордов, было спрятано не 36 бочонков пороха, а около 20. А праздник 5 ноября называется не *Ночь Гая Фокса (Guy Fawkes Night)*, а *День Гая Фокса (Guy Fawkes Day)* [The Merriam-Webster New Book of Word Histories, 1991, с. 208]. Примечательно, что во всех просмотренных нами британских этимологических словарях для обозначения праздника используется выражение *Guy Fawkes Night*, в то время как в американских справочниках – *Guy Fawkes Day*.

Итак, у англичан слово *gu* тесно связано с историей Великобритании, для них концептуальная аура слова окрашена в оттенки конкретных негативных исторических событий с положительным исходом, закрепленные в национальном празднике. Для американцев же это слово – иммигрант, равнодушный к нюансам прошлой жизни, которая для него уже чужая история. Отсюда и разный набор существенных признаков, и разные прототипические значения. Они интенциональны в том отношении, что образующие их смыслы имеют для членов разных этносообществ разную культурную значимость.

Языку присущ постоянный динамизм, и «живое» слово *gu* продолжает развиваться в обоих вариантах английского языка, создавая почву для модификаций прототипического значения. В британском английском *gu* все больше ассоциируется со значением «а man». В американском английском в последние годы существительное *gu* настолько увеличило круг своей референционной отнесенности и, как следствие, расширило свое значение, что стало обозначать следующее: 1) разного рода создания, в том числе животных (значение «an individual, a creature»), например: *the other cats in companion to this little gu*; 2) любые неодушевленные предметы (особенно во фразе *this gu*).

В последнем случае слово *guy* по сути дела превратилось в синоним слова *thing*. На русский язык *guy* в этом значении можно перевести следующими вариантами: *вещь, штука, предмет, приспособление, фиговина*. Покупая в магазине, к примеру, набор стикеров со смайликами или выбирая «навороченную» флэшку, можно сказать: *I'd like to buy one of those guys*. Другие примеры: *With this guy you can use your drill as a screwdriver* [Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка, 1999, с. 160]; *Do you see these big green guys?* [Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal» АБВУ Lingvo, URL]. В последнем примере *guys* может относиться к самым разнообразным предметам, а именно: к огурцам, грушам, мячикам, игрушечным крокодилам, ластикам, пластмассовым кружкам, зеленым салатникам, тазам, контейнерам с моющим средством с ароматом зеленого яблока и т.п.

Подведем итоги этой части исследования.

Семантико-этимологический анализ приводит к выводу о циклическом характере развития значения слова: «человек» → «артефакт» → «человек» → «артефакт».

С точки зрения номинативного выражения этих смыслов схема может быть представлена следующим образом: имя собственное *Guy* → обозначение артефактов (чучело, символизирующее Гая Фокса; любое чучело, пугало или рельефное изображение) → название человека в британском английском (смешно одетый человек) и, позже, в американском английском обозначение сначала только мужчины, а впоследствии лиц женского и мужского пола при употреблении слова во множественном числе → (в американском английском) название плодов человеческого труда, но иных, чем на более ранних этапах бытования слова, любых неодушевленных предметов.

Таким образом, процесс семантического развития данного слова спиралевиден, но на каждом новом витке идет приращение или утрата смыслов. В целом динамика семантических процессов в слове такова, что оно демонстрирует устойчивую тенденцию к поэтапной генерализации значения (с учетом расширения гендерной составляющей его смысла, охватывающей представителей как мужского, так и женского пола, а также его использования для обозначения разного рода созданий, в том числе животных, и любых неодушевленных предметов).

Утрата пейоративных смыслов и дальнейшая генерализация (начавшаяся еще в британском английском), приведшие к превращению *guy* в широкозначное существительное в американской лингво-

культурной среде, стали для слова *guy* одними из значительных изменений. «Приобретением» стала стилистическая маркированность (принадлежность к разговорному стилю, а согласно некоторым источникам – к сленгу).

Семантическое развитие *guy* актуализирует две основные когнитивные модели динамики значения по направлению вектора семантико-деривационного проецирования.

Первая модель представляет вертикальную (диахроническую) ось проецирования, под которой подразумевается последовательное действие механизмов семантических переносов и сдвигов в процессе развития единицы значения.

Вторая модель характеризуется горизонтальной (синхронической) осью проецирования, которая предполагает синхронное действие механизмов семантических переносов и сдвигов в процессе развития единицы значения.

При рассмотрении семантико-деривационных механизмов на уровне всего слова основной моделью будет, естественно, диахроническая – поэтапное развитие и изменение значений в истории языка. Однако после того как в американском английском слово *guy* стало употребляться во множественном числе для обозначения группы людей, в которую входят лица мужского и женского пола, у слова синхронно появляются значения «a creature» и «an inanimate object», то есть актуализируется вторая модель.

Что же касается синхронного действия механизмов семантических переносов и сдвигов в процессе развития единицей определенного значения, то их можно продемонстрировать значением «a person of grotesque, ludicrous appearance or dress». Здесь произошло метафорическое расширение, основой для которого послужил внешний вид чучел, одетых нелепо, в лохмотья и несочетающиеся предметы одежды. Наряду с метафорическим расширением имели место пейоративные процессы, то есть слово подверглось сложному семантическому преобразованию (сдвигу).

Весьма интересно также рассмотреть содержательную флуктуацию слова в зависимости от его сочетаемости. Само по себе слово *guy* в американском английском нейтрально, но оно может служить для выражения мелиоративных или пейоративных смыслов в зависимости от своей левосторонней сочетаемости.

Атрибутивная сочетаемость с прилагательными типа *nice*, *regular* служит для выражения положительных смыслов: *a good guy*, *a great guy*, *a nice guy*, *a regular guy*.

Однако если *nice guy* становится компонентом разговорной фразы *no more Mr Nice Guy*, то значение всей фразы служит противоположной цели – выражению негативного отношения говорящего. Вот какое определение приводится в словаре «Cambridge Advanced Learner's Dictionary»: «something that is said when someone has decided to stop thinking about the wishes and feelings of other people», e.g. *I've had enough of people taking advantage of me. From now on it's no more Mr Nice Guy* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, URL].

Для англичан *a regular guy* скорее ассоциируется со значением «a thoroughly grotesque person», американские же словари фиксируют значение «a normal man who is liked and trusted» [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, URL], хотя разница в передаваемых смыслах становится все менее ощутимой.

Атрибутивная сочетаемость с прилагательными типа *wise, tough* служит для передачи отрицательных смыслов: *a bad guy, a tough guy, a fall guy, a wise guy*.

Выражение *a fall guy* сначала относилось к спортивной сфере, к борьбе: проигравший борец – тот, кого сбивают с ног. Когда борьба стала популярной, результаты нередко подтасовывались, и якобы проигравший соперник соглашался падать. Другая версия упоминается Р. Хендриксоном: первые употребления *a fall guy* (1904 года) связывают выражение с преступным миром, а еще более ранние цитаты (1893 года) передают у *fall* смыслы «a criminal arrest, conviction» [Hendrickson, 2004, с. 252].

Что касается выражения *a wise guy*, то на первый взгляд может показаться, что оно выражает положительные оценочные смыслы, и это действительно так в британском английском («умный малый»). Однако в американском английском употребление этого выражения может служить противоположным целям. Обратимся к данным словарей: US offensive «someone who is always trying to seem more clever than anyone else in a way that is annoying»: *Okay, wise guy, if you're so damned smart, you can tell everyone how it's done!* [Cambridge Advanced Learner's Dictionary, URL]. Интересно здесь отметить динамику формы и содержания: в слитном правописании – *wiseguy* – данная лексическая единица в американском английском получила дальнейшее развитие в разговорном значении «a mobster, a member of the Mafia or other organized crime syndicate» благодаря популярности книги Николаса Пиледжи (Nicholas Pileggi) «Wiseguy» (1986). Разницу в употреблении между *a wise guy* и *a wiseguy* проиллюстрируем примером:

«I happen to know Bob Gates because of some ties with TX A&M and he's a pretty wise guy (not «wiseguy»)» [Wordnik, URL].

Таким образом, при интерпретации подобных словосочетаний необходимо учитывать не только более развернутый контекст (как во фразе *no more Mr Nice Guy*), но и варианты английского языка (британский и американский).

Завершая презентацию семиотрической карты слова, нельзя не сказать о том, что не все ученые разделяют вышеописанную точку зрения на происхождение *guy* в американском английском. Существует еще несколько версий.

Согласно первой из альтернативных версий, в американском варианте английского языка *guy* с общим значением «a man, fellow» происходит от совершенно другого, омонимичного слова *guy* со значением «веревка» («a rope of a circus tent») во фразах типа *Who's the «main guy» here?* [Almond, 1995, с. 113]. В этимологическом словаре «The Oxford Dictionary of Word Histories» так описывается происхождение этого омонимичного слова: *Guy* [late Middle English] This *guy* as a term for a «rope for steadying and guiding» is probably of Low German origin, related to Dutch *gei* «brail» and German *Geitau* «brails»: these are small ropes for temporary furling a fore-and-aft sail [The Oxford Dictionary of Word Histories, 2004, с. 243].

Во второй интерпретации *guy* связывается с выражением *guy wire*, которое является сокращенным вариантом *guide wire*, где *guide* развилось из старофранцузского *guie* «to guide» [Hendrickson, 1988, с. 138].

Другие ученые (Б. Локетт [Локетт, 2003], Р. Бойкот [Boycott, 1983] и др.) тоже находят предположение о связи американского *guy* и имени заговорщика Гая Фокса неубедительным. Б. Локетт, например, придерживается мнения о том, что американское слово *guy* происходит от ивритского *goy* (нееврей) [Локетт, 2003, с. 248].

Каждая версия кажется правдоподобной, однако ни одна из них не находит бесспорного подтверждения. Гипотетичная этимология обуславливает варьирование в лексикографическом и справочном представлении слова, что в определенной степени тоже является свидетельством колебательной, флуктуирующей природы слова *guy*.

Вышеизложенные факты позволяют характеризовать слово *guy* как достаточно показательный пример способности языкового знака к флуктуации, пример динамичной природы «живого» слова. При этом речь идет не только об означаемом, но и об означающем.

Литература

- Англо-русский словарь общей лексики «Lingvo Universal» ABBYY Lingvo. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingvo.yandex.ru>
- Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка / сост. Р.М. Наттон. М., 1999.
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Избранные произведения : В 2-х тт. М., 1964. Т. II.
- Когнитивно-прагматические аспекты современной англистики и общего языкознания. М., 2007.
- Кульгавова Л.В. Динамический характер прототипического значения слова // Прототипические и непрототипические единицы в языке. Иркутск, 2012a.
- Кульгавова Л.В. «Живое» слово *guy* : когнитивно-культурологические аспекты // Научное творчество XXI века. Красноярск, 2011. Вып. 1.
- Кульгавова Л.В. Опыт анализа значений говорящего (на материале абстрактного имени *love* в современном английском языке) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1995.
- Кульгавова Л.В. «Чувак» с запутанной биографией : семантико-этимологический очерк о слове *guy* // Антропологическая лингвистика – 4. Иркутск, 2010.
- Кульгавова Л.В. *Cool* – «живое» слово с удивительной судьбой. Иркутск, 2012b.
- Локетт Б. Английский язык : вчера, сегодня и завтра. М., 2003.
- Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1977. Т. 36. № 1.
- Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1981. Т. 40. № 5.
- Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений : Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 2005.
- Флоренский П.А. Строчение слова // Контекст – 1972. Литературно-теоретические исследования. М., 1973.
- Almond J. Dictionary of Word Origins : A History of the Words, Expressions, and Clichés We Use. New York, 1995.
- Boycott R. Batty, Bloomers and Boycott : A Little Etymology of Eponymous Words. New York, 1983.
- Brohaugh B. Unfortunate English : The Gloomy Truth Behind the Words You Use. Cincinnati, Ohio, 2006.
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org/>
- Carver C.M. A History of English in Its Own Words. New York, 1991.
- Garrison W. What's In A Word? Nashville, Tennessee, 2000.
- Hendrickson R. The Dictionary of Eponyms : Names That Became Words. New York, 1988.
- Hendrickson R. The Facts On File Encyclopedia of Word and Phrase Origins. New York, 2004.
- Sholl A. Never Drink a Molotov Cocktail : The Names Within Well-Known Expressions. New York, 2004.
- The Merriam-Webster New Book of Word Histories. Springfield, Massachusetts, 1991.
- The Oxford Dictionary of Word Histories / ed. by G. Chantrell. Oxford, 2004.
- The Oxford English Dictionary. In 12 vol. F-G. Oxford, 1933. Vol. 4.
- Wordnik. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wordnik.com/>

КОНЦЕПТ «ДЕТСТВО» В АНГЛИЙСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ *NURSERY RHYMES*)

Э.В. Седых

Ключевые слова: английская литература, фольклор, детская поэзия, нонсенс, детство.

Keywords: English literature, folklore, children's poetry, nonsense, childhood.

Первые сборники народной поэзии появились в Англии в 40-е годы XVIII века благодаря деятельности Джона Ньюбери и его друзей. В своих изданиях они старались сочетать стихи, предназначенные как для наставления, так и развлечения детей. В XIX веке издатели и педагоги попытались переосмыслить народное поэтическое наследие, произвести отбор и редактирование материалов, которые можно было давать в руки детям. Многие стихи составляли часть массовой, то есть низовой культуры; они были грубыми, безбожными, неприемлемыми для воспитания благопристойными викторианцами. По этой причине в настоящее время существуют варианты одного и того же текста.

Что касается возраста стихов, то некоторые из них восходят к языческой традиции устного народного творчества, когда идеи детства в его современной рецепции не существовало. Потребовались столетия, чтобы эти стихи получили название *детских*; до XVIII века они не были предназначены детям. Дети изначально считались «маленькими взрослыми», которым были непозволительны пустые забавы (они занимались такой же деятельностью, что и взрослые, трудились не покладая рук с утра до вечера), которые существовали в едином пространстве с родителями (лишь в XIX веке в английских домах появились комнаты для детей, но лишь в состоятельных семьях).

Авторами и реципиентами английской народной поэзии до XIX века были взрослые. Термин *детская поэзия* возник в социально-психологическом контексте в процессе самоидентификации ребенка – его полного отделения от взрослого в семье и в обществе. В настоящее время существует синонимичность понятий *народная поэзия* и *поэзия для детей*. Детская поэзия официально «сформировалась» к 1842 году, когда Джеймс Хэлливелл опубликовал «The Nursery Rhymes of England» («Английские детские стишки»). Среди издателей XIX века следует назвать Эндрю Лэнга, автора «The Nursery Rhyme Book» («Книга детских стихов», 1888), и Сэбин Бэринг-Гоулд, автора «A Book of Nursery Songs and Rhymes»

(«Книга детских песен и стихов», 1895). В XX веке важный вклад в исследование народной поэзии внесли Йона и Питер Оупи, создавшие весомый труд «The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes» («Оксфордский словарь детской поэзии», 1951). Тексты стихов, вошедшие в этот сборник, являются сегодня основными для чтения и цитирований.

Картина мира, представленная в детской поэзии, включает как положительные, так и отрицательные моменты, в том числе, убийства людей и животных, естественные смерти, людоедство, кражи и обманы, похищения детей и трупов, жестокость к людям, мучительство животных, избиения розгой и кнутом, отсечения конечностей. Герой детского стишка может задохнуться, умереть с голоду, утонуть, упасть в кипяток. Он может быть обезглавлен, разрезан пополам, съеден заживо, или же он сам способен на подобное.

Однако «ужасное» в таких стихах имеет место в спокойном, даже игровом контексте, поэтому внимание на нем специально не фокусируется. Категория «ужасного» служит важной психологической подготовкой ребенка к восприятию теневых сторон жизни. Эта категория также значима с точки зрения ее влияния на формирование литературы «нонсенса» в XIX веке (Э. Лир, Л. Кэрролл). Нонсенс в детских стихах поражает воображение реципиента, он воплощает в себе еще одну категорию – категорию «эксцентричного».

В большинстве стихотворений «ужасное» и «эксцентричное» сливаются воедино, поэтому общий настрой произведений светлый, радостный, порой залихватский, даже если речь идет о каких-то печальных событиях, тяжелой жизни, беспросветной тоске. Объясняется это тем, что в детстве, каким бы оно ни было, человек ощущает себя бессмертным и счастливым.

Образ детства красной нитью проходит через все стихотворения английской народной поэзии, в которых главным действующим лицом является ребенок, еще не ставший «взрослым», не утративший своего Неведения – веры в невозможное, нереальное, абсурдное, нелепо-фантастическое. По нашему мнению, образ детства реализуется здесь на нескольких уровнях:

- 1) приход ребенка в мир взрослых;
- 2) столкновение ребенка с реальным миром;
- 3) мир послушных детей;
- 4) мир непослушных детей;
- 5) мир взрослых в детском мире;
- 6) мир ушедшего детства;
- 7) возможные детские миры.

Приход ребенка в мир взрослых – изначальный уровень существования человека в мире, который зачастую представляет собой противоположную реальность счастливому детству. Этот уровень реализуется через *lullabies* – колыбельные песни. Это самая ранняя английская детская поэзия, цель которой – помочь ребенку уснуть, успокоить его. Термин происходит от сложения звукосочетаний «li» и «la» (семантика покоя) с «bye» (семантика доброй ночи). На самом деле, образ беззаботно спящего младенца, ассоциирующегося с зеленью травы, пасущихся ягнят, уютного дома и ярких звезд в ночном небе встречается крайне редко («Sleep, Baby, Sleep» – «Спи, детка, спи»; «Twinkle, Twinkle, Little Star» – «Звездочка, сверкай, сверкай»).

Ребенок с рождения попадает в реальный мир, в котором он должен лежать спокойно и не подавать голоса (различные варианты «Hush-a-bye, Baby» – «Успокойся, детка»): рядом с ним либо нет матери, которая ушла по делам или не утруждает себя заботой о младенце, и ребенка качает отец; либо дитя полностью предоставлено воле божьей – колыбель качается на дереве от порывов ветра и если обломится ветка, то все ее «содержимое» вместе с младенцем упадет на землю. Родители и родственники зачастую отсутствуют в мире ребенка, так как у них нет на него или времени, или сил: отец дворянин, мать королева, сестра леди, брат служит королю («Rock-a-bye, Baby» – «Качайся, малышка»); отец на охоте, мать на скотном дворе, сестра за рукоделием, брат на рынке («Bye, Baby Bunting» – «Спи, крошка, спи»). Чтобы заслужить любовь родителей, дитя должно молчать, – в этом случае оно получит вознаграждение – реальное («I'll Buy You a Tartan Bonnet» – «Куплю тебе я чепчик шерстяной») или призрачное: пересмешника, кольцо с брильянтом, зеркало, козлика, тележку с быком, собачку, телегу с лошадейю («Hush, Little Baby, Don't Say a Word» – «Успокойся, детка, замолчи»). Синонимом молчания является танец, за который также устанавливается награда («Dance, Little Baby» – «Танцуй, детка»; «Dance to Your Daddie» – «Танцуй для папочки»).

Альтернативой «добропорядочному» поведению младенца является состояние крика, в котором он находится не только по своей прихоти – «крик ради крика», но и по независящим от него причинам. В колыбельных зачастую сама мать запугивает ребенка тем, что если он будет плакать, его могут запечь в пирог («Baby and I Were Baked in a Pie» – «Меня с малышкой запекли в пирог») или отдать страшному Бонапарту, который сначала его избьет, а потом съест кусочек за кусочком («Naughty Baby» – «Непослушное дитя»). Неразумное дитя может попасть в руки злых людей, или птицы унесут его на небо («Hush-a-bye, Baby» –

«Успокойся, детка»); ему могут причинить боль близкие люди, например, брат, сующий пальчик младенца ему в глаз («Cry, Baby, Cry» – «Плачь, детка, плачь»). Над ребенком постоянно висит угроза смерти – мать боится его потерять, ибо осознает, что не может должным образом ухаживать за ним («Bye, O My Baby» – «Спи, мое дитя»).

Если ребенок выживает, он, по мере своего взросления, претерпевает различного рода столкновения с реальным миром, не всегда приятные. Он начинает осознавать, что не вышел происхождением, родившись «под колючим кустом» («Little Boy, Little Boy, Where Wast Thou Born?» – «Мальчик, мальчик, где родился ты?»), что ему может быть уготована судьба бродяги («Hark Hark the Dogs Do Bark – «Послушай, как собаки лают») и что, даже имея знатное происхождение, можно оказаться за чертой бытия, живя «в тазу с водой» («The King and His Daughters» – «Король и его дочери»). Беззащитный ребенок чувствует себя во взрослом мире обделенным, ничтожным, никому не нужным. Его могут лишить теплой одежды («Baa, Baa, Black Sheer» – «Блей, блей, черная овца»), его может съесть крыса («Jerry Hall» – «Джерри Холл»), он может разговаривать сам с собой («Myself» – «Сам по себе»). Ненужность ребенка перерастает в постижение им состояния одиночества, которое он принимает как должное, как данность («Here Am I» – «Вот и я»).

Парадигма детства в мире реальности основана на двух категориях – *потери* и *страха*, которые «старят» неокрепшую душу ребенка («Fears and Tears» – «Страхи и слезы»). Дети не только теряют вещи, такие как туфля или кошелек («Little Betty Blue» – «Малышка Бетти Блу», «Lucy Locket» – «Люси Локкет»), но и доверие к людям («I Had a Little Pony» – «Был у меня малютка-пони») – мальчик позволил покататься на его лошадке одной леди, которая ее хлестала до крови и завела в трясины. Наивысшей степенью *потери* ребенка является утрата доверия к самому себе. Героиня стихотворения «Малышка Бо-Пип» («Little Bo-Peep») теряет стадо овец по причине своей беззаботности. Когда же она их находит, оказывается, что овцы потеряли хвосты, что воспринимается ею как кара небесная. Впоследствии, осознав свою ответственность за других и вернув доверие к себе, она находит хвосты, которые сушатся на дереве в лесу, и водружает их на положенные им места.

Что касается страхов, то ребенок, в первую очередь, боится различных внешних раздражителей, выступающих в образах птиц и насекомых, таких как ворона, сова, паук («Tweedle-dum and Tweedle-dee» – «Твидл-дам и Твидл-ди», «A Little Boy Went into a Barn» – «Маленький мальчик в амбар пошел», «Little Miss Muffet» – «Малышка мисс Маффет»). Однако ребенок иногда может преодолеть свой страх, дав

отпор вражескому существу (кузнечнику), пригрозив ему криком («Little Miss Tuckett» – «Малышка мисс Таккет»). Следующий страх – страх быть обиженным человеком. В стихотворении «Меланхоличная песня» («A Melancholy Song») мать посылает дочку за пивными дрожжами, предупреждая, что над ней могут надругаться по пути молодые люди, которые в действительности разбили кувшин, расплескали воду, пригрозили матери, обругали девушку и поцеловали сестру вместо нее.

Самый большой страх ребенка – остаться без еды и крова над головой. Поэтому дети усердно работают за пенни в день («See-saw Margery Daw» – «Вверх–вниз, Марджери До»), помогают убирать сено («Willy Boy» – «Мальчик Вилли»), поют, чтобы заработать на ужин («Little Tom Tucker» – «Малыш Том Таккер»). Данный вид страха явился знаковым в поэме «Дети в лесу» («Babes in the Wood»). Однажды летним днем дети были похищены и брошены в лесу. Они были так напуганы, что не пытались бороться за жизнь, искать путь домой. Оставшись без еды и крова, они лишь всхлипывали, вздыхали и горько рыдали, а когда настала ночь, легли и умерли. Таким образом, в мир детства, которое должно быть относительно безоблачным и в меру счастливым, при его столкновении с реальностью вторгается образ смерти.

В английской детской поэзии можно также выделить две противоположных группы образов – детей послушных и детей непослушных. Состав первой группы не так многообразен, как состав второй. Послушные дети, как правило, стараются угодить родителям: ложатся во время спать, перед сном молятся, целуют маму и папу («Little Fred» – «Малыш Фред»); навещают бабушку («Ride away, Ride away» – «В путь, в путь»). Они всегда и во всем беспрекословно слушаются своих близких: в стихотворении «Мамочка, можно пойти искупаться?» («Mother, May I Go and Bathe?») девочка слепо следует совету заботливой мамы, которая разрешает дочке снять одежду перед купанием в озере, повесить ее на деревце, но не подходить близко к воде.

Послушные дети любят веселиться, прыгать и бегать, играть в прятки, мирно сосуществуют с другими детьми, никого не обижая («Girls and Boys, Come out to Play» – «Девочки и мальчики, давайте поиграем», «Fishes Swim in Water Clear» – «Рыбки плавают в пруду», «Bo-Peep» – «Бо-Пип»). Они беззаветно любят животных: собачек, кошек, лошадок, птичек, заверяя других людей, что они никогда не будут их бить и таскать за хвост, а будут кормить и играть с ними («If I Had a Donkey» – «Если бы ослик был у меня», «I Like Little Pussy» – «Люблю я кошечку мою»). За свое послушание такие примерные дети получают в награду не только

любовь родных, но и различные материальные блага: шерсть от овцы на теплую одежду, кувшин молока, бриллиант величиной с башмак («Ваа, Ваа, Black Sheep» – «Блей, блей, черная овца») 2 вариант, «Little Girl, Little Girl Where Have You Been?» – «Малышка, малышка, где ты была?», «Little Girl and the Queen» – «Девочка и королева»).

Образ непослушного ребенка – один из основных образов английской народной поэзии. В одних случаях, это обыкновенный малыш, который еще не подвергся педагогическому воздействию. Он ссорится из-за пустяков, подолгу вынашивая обиду, из-за того, что сестренка предпочитает кофе чаю («Molly, My Sister and I Fell out» – «Сестра моя, Молли, и я поругались»). Он любит проказничать и озорничать: приносит в дом мохнатую гусеницу, которая заползает на всех, включая младенца («Little Arabella Miller» – «Малышка Арабелла Миллер»), или поедает втихаря рождественский пирог, выковыривая из него изюм и считая себя прилежным мальчиком («Little Jack Horner» – «Малыш Джек Хорнер»). Он бывает неаккуратным и безответственным из-за неопытности или склада характера: может запачкать новую одежду, грея ноги у открытого огня («Little Polly Flinders» – «Малышка Полли Флиндерс») или, выполняя просьбы взрослых, умудриться упасть с лестницы в уголь, разбить нос, собирая в саду шалфей, отправиться в подвал за пивом и вернуться ни с чем, забыв обо всем («Blue Bell Boy» – «Мальчик-колокольчик»).

В других случаях, непослушный ребенок идет на поводу эгоистичных желаний и противоречивых эмоций или копирует далекое от идеала поведение взрослых. В данном случае можно рассмотреть концепцию *«семи смертных грехов»*, согласно которой, ребенок, как воплощение маленького взрослого, грешит таким же образом, но соразмерно своему возрасту:

1. *Гордыня*, гордость, тщеславие, снобизм, чрезмерная вера в собственные возможности – образ глупых высокомерных девочек, которые на деле только и могут, что сплетничать, хихикать, браниться и заискивать («Polly, Dolly, Kate and Molly» – «Полли, Долли, Кейт и Молли»).

2. *Зависть*, желание обладать чужими свойствами, статусом, возможностями, жизненной ситуацией – образ девочки, которая презирает своих родителей, завидуя лучшей доле – стать женой скрипача и заказывать музыку в любое время суток («I Won't be My Father's Jack» – «Судьбы отца я не хочу»).

3. *Гнев*, противопоставление любви чувству сильного возмущения, негодования, которое выливается в сквернословие или в членовредительство – образы детей, которые обзывались бранными

словами, вгоняя в краску отца («William and Mary, George and Anne» – «Уильям и Мэри, Джордж и Энн»); образ мальчика, который готов ударить любого, кто пристанет к нему с расспросами («I Sits with My Toes in a Brook» – «Сижу я, ноги опустив в ручей»); образ мальчика, который ударил в глаз свою сестру из-за куска пирога и предложил ей «добавки» в другой глаз («Punch and Judy» – «Панч и Джуди»).

4. *Леность*, лень, праздность, уныние, избегание физической и духовной работы – образы детей, которые не в состоянии раздеться перед сном («My Son John» – «Мой сын Джон») и вовремя встать, чтобы пойти в школу («A Ten O'clock Scholar» – «Полуденный школьник»); образы уставших от работы малышей, которые спят в то время, когда надо кормить свинью («Elsie Marley» – «Элси Марли») и пасти овец («Little Boy Blue» – «Малыш Блу»).

5. *Алчность*, жадность, желание единолично обладать чем-то материальным – образ мальчика, который прятал хлеб и сыр на полку, чтобы не делиться с ближним («When I Was a Little Boy» – «Когда я был мальчишкой»).

6. *Чревоугодие*, обжорство, желание потреблять больше, чем требуется – образ мальчика Ненасытного Нэна, который постоянно испытывал чувство голода, даже перед сном просил поджарить ему что-нибудь на сковородке и подоить корову («Come, Let's to Bed» – «Давайте спать пойдем скорей»).

7. *Сладострастие*, желание плотских удовольствий – образ мальчика, который обожал целовать девочек помимо их воли, заставляя их рыдать, и сбегал, когда появлялись мальчишки («Georgy Porgy» – «Джорджи Порджи»).

Дети, достигшие в непослушании наивысшей степени, начинают нарушать такие библейские заповеди, как «не убивай» и «не кради». Шестая заповедь гласит, что Бог дарует жизнь, и только Он может ее отнять. В детских же стихах встречаются образы юных «стрелков», которые с легкостью могут лишить жизни божью пташку: голубя, ворону, воробья («Robin-a-Bobbin Bent His Bow» – «Робин-Бобин свой лук натянул», «The Boy and the Sparrow» – «Мальчик и воробей», «Away, Birds, away» – «Улетайте, птички, прочь»). Согласно восьмой заповеди, только Бог может дать нам все и забрать это обратно. В детской поэзии часто встречается образ ребенка, воруящего продукты питания: мальчик похищает свинью и съедает ее («Tom, Tom, the Piper's Son» – «Том, вольничка сынок») или крадет ячмень из лавки пекаря, не успевая применить его по назначению («Charley, Charley, Stole the Barley» – «Чарли, Чарли, ячмень своровал»). Во всех случаях за актом кражи

следует наказание – дети получают затрепину или их жестоко избивают взрослые.

Всеобщая детская порочность ярче всего проявилась в стихотворении «Всем все равно» («Nobody Cares»), герои которого стали скверными людьми, не подлежащими перевоспитанию, ибо в детстве никто никогда не обращал внимания на то, что они привязывали к хвосту кошки чайник, клали в шляпу слепого нищего камень и сталкивали бабушку с лестницы.

Следует заметить, что далеко не всегда в английской народной поэзии категории «послушание» – «непослушание» проявляются как категории, существующие изолированно друг от друга. Зачастую они сосуществуют в одном тексте на уровне контраста. Здесь возможны противопоставления образов и противопоставление внутри образа. Рассмотрим противопоставление образов. Одного мальчика любят все, от привратника до господина, ибо он увлечен чтением книг; другой мальчик наводит на всех ужас, ибо он вечно ходит с подбитым глазом и забинтованным носом («Little Bobby Snooks» – «Мальш Бобби Снукс»). Один мальчик бросил кошку в колодец, чтобы посмотреть, как она утонет, другой спас ее от смерти («Pussy's in the Well» – «Кошка в колодце»).

Друг другу могут противопоставляться не только образы мальчиков, но также мальчиков и девочек – если мальчики сделаны из щелчков, улиток и щенячьих хвостов, то девочки – из сахара, пряностей и всего приятного («What Are Little Boys Made of?» – «Из чего, все же, сделаны мальчишки?»), и даже детей, принадлежащих разным нациям – если голландские дети любят создавать, то английские дети получают удовольствие от разрушения созданного («The Children of Holland» – «Дети Голландии»).

Противопоставление внутри образа характеризует персонаж с разных точек зрения. Он может быть одновременно положительным и отрицательным в зависимости от перемены настроения – когда девочке хорошо, она послушна, когда плохо, она ужасна («The Little Girl with a Curl» – «Девчужка-кудряшка»); когда мальчику хорошо, он ведет себя учтиво, получая пирожные с ванильным кремом, когда плохо, он кричит и рыдает, достаиваясь горчицы («When Jack's a Good Boy» – «Когда послушен мальчик Джек»).

Персонаж может быть двуличным: приятным внешне, отталкивающим по своей внутренней сути – мальчики из высшего общества, одетые во фраки и шелковые чулки, ведут себя безобразно («We're All Jolly Boys» – «Мы, веселые мальчишки»); у девочки, чистящей подсвечники при всеобщем обозрении, на самом деле, неубранная

комната, заросшая пылью и плесенью («Little Pretty Nancy Girl» – «Прелестная девочка Нэнси»). Кроме того, «воспитанный» малыш, умиляющий родителей своими добродетелями, способен на разного рода нехорошие поступки. Он может, как «настоящий мужчина», съесть всю рыбу, которая была приготовлена для всей семьи («Little Fishes in a Brook» – «Рыбки плавали в ручье»), или же рассказать папе, как милая мамочка проглотила дырку в новом детском пальто и израсходовала четыре пенса вместо одного («I'll Tell My Own Daddy» – «Я папочке сегодня расскажу»).

Присутствие взрослых в детском мире в контексте детской поэзии может быть представлено в различных образах: родители, незнакомцы, учителя, которые, как и образы детей, могут быть положительными и отрицательными. Взрослый – это тот же ребенок, который либо полностью вырос из своего прежнего состояния, не сохранив никаких воспоминаний, либо остался чистым и добрым, понимающим душу ребенка, либо перенес во взрослую жизнь все свои детские комплексы, горести и неудачи. Последний тип взрослых людей является наиболее характерным для английской народной поэзии. Рассмотрим же конкретные образы взрослых в их отношении к ребенку.

Родители, как правило, проявляют любовь к своему ребенку очень скупой, в основном, когда он находится в нежном возрасте и с ним можно играть, петь ему песенки, называть его ласковыми именами («Clap Handies» – «Хлопай в ладошки»), «Play Days» – «Дни забав»), «Five Toes» – «Пять пальчиков»). Если родители были ласковыми и добры к ребенку, то и он, в свою очередь, будет проявлять подобное отношение к окружающим. Малышка из стихотворения «Куколка» («Baby Dolly») уговаривает свое игрушечное «дитя» не плакать, уверяя ее, что она даст ей все, что та захочет – хлеб с молоком, пирожное с заварным кремом или фруктовый торт. Подростки из стихотворения «Джек и Гай» («Jack and Gye») во время прогулки по полю находят маленького мальчика с подбитым глазом. Джек предлагает ударить его по голове, но Гай останавливает своего друга, предложив сначала купить бедняге хлеба, а потом, решив взять его домой, чтобы воспитать добрым человеком.

Большинство английских родителей считают, что ребенка нельзя баловать ни при каких обстоятельствах и самым действенным методом воспитания считают наказание, в том числе, рукоприкладство. За малейшие шалости малыша могут поставить в угол, пока он не вернется к себе прежнему («Sulky Sue» – «Сердитая Сью»), или посадить на полку, пока он не научится выговаривать слово «пирожок» («Little Jack Jelf» – «Малыш Джек Джелф»). За более серьезные провинности мама может

избить ребенка до полусмерти («Frank, Frank» – «Фрэнк, Фрэнк»). Наказание может быть также профилактическим – на всякий случай в целях воспитания («There Was an Old Woman Who Lived in a Shoe» – «Жила-была старуха в башмаке») или обещанным, например, если в отсутствие матери дочка не будет вести хозяйство, то она вернется и избьет их до синяков («I Charge My Daughters» – «Приказываю дочкам я»).

Третий тип родителей – люди халатные и безразличные к своим детям. Им все равно, чем занимаются их отпрыски, лишь бы не мешали не думать об ответственности за жизнь и здоровье потомков. Именно поэтому мать заставляет свою потерявшую голос дочку продолжать насвистывать мелодию, чтобы заработать денег («Whistle, Daughter, Whistle» – «Насвистывай, дочка, насвистывай»). Именно поэтому, наблюдая, как папа пьет пиво, сын также считает себя любителем этого напитка («Round about» – «Вокруг да около»). Именно поэтому дети, предоставленные самим себе, вместо того, чтобы идти в школу или гулять в саду, в летний день катаются на коньках на озере и тонут («Three Children Sliding on the Ice» – «Три малыша, скользящие по льду»). Именно поэтому мать равнодушно одного за другим теряет сыновей, один из которых был повешен, другой утонул, а третий пропал без вести («The Three Sons» – «Три сына»), или торгует своими детьми, расхваливая их умения варить обеды, печь пироги, пряхсть шерсть, застилать постель («Here Comes a Poor Woman from Babyland» – «Вот идет бедная женщина из Страны детей»).

Что касается незнакомцев, то они выступают в роли грабителей и помощников. Незнакомец втирается в доверие к ребенку и при удобном случае лишает его любимой вещи или пищи: высокомерный бродяга ворует у девочки куклу («I had a Little Moppet» – «Была у меня малышка»), а старик отбирает у малыша хлеб с сыром («A Little Old Man of Derby» – «Старичок из Дерби»). В то же время, незнакомые ребенку люди предлагают ему игрушки и вкусности («The Gingerbread Man» – «Имбирный человек»), возвращают потерянные им вещи («Gilly Silly Jarter» – «Джилли Силли Джартер»). Когда Джек и Джилл из одноименного стихотворения («Jack and Jill») упали с горы, неся ведро с водой, то им помогли не родители, а некая пожилая дама, которая наложила повязку из грубой бумаги и уксуса на голову мальчика.

Что касается образа учителя, то он, как правило, подается в английской детской поэзии с точки зрения носителя догматики: опоздание – это преступление («Be Always in Time» – «Будь всегда пунктуален»); зовут – иди, говорят – делай, закрывай за собой дверь, не вызывай

желания ругаться («Come When You're Called» – «Иди скорей, когда тебя зовут»). Догматичный учитель никогда не пойдет против своих принципов и, если у детей что-либо не получается, он не станет продолжать их обучение, а просто отправит восвояси, чтобы никогда больше не видеть, как это сделала учительница танцев из Франции («The Old Woman from France» – «Пожилая французская дама»).

Следует заметить, что образ английского учителя может варьироваться от жестокосердного до добропорядочного. В качестве первого выступает учитель-мужчина, который, чтобы школьники хорошо учились, сечет их плетью, заставляя танцевать из Англии во Францию, из Франции в Испанию и обратно («Doctor Faustus» – «Доктор Фауст»). В качестве второго – учитель-женщина, которая разрешает ученице, чтобы ее овца подождала ее у школы до окончания занятий, что было против правил. На вопрос детей, почему овца ходит повсюду за девочкой, учительница отвечает, что Мэри умеет любить («Mary Had a Little Lamb» – «У маленькой Мэри овечка была»).

Любовь является путеводной звездой счастливого детства. Когда оно уходит, то от него остаются светлые воспоминания и ощущение, что детство было лучше, чем взрослая жизнь. В детстве можно было ощущать присутствие мамы и находить внутри себя «золотых рыбок», исполняющих желания («When I Was a Little Boy, I washed my mammy's dishes» – «Когда я был мальчишкой, Всегда я маме помогал»). Если же ребенок не ощущал себя в детстве счастливым и с нетерпением ждал своего вхождения в мир взрослых, то по достижении определенного возраста, освободившись от власти родителей, он начинает нарушать все запреты детства: учиться драться на мушкетах, курить трубку и целовать девушек в полночное время («When I Was a Little Boy, My Mammy Kept Me in» – «Когда я был мальчишкой, Держала мама взаперти меня»). Если между детством и взрослой жизнью нет определенных границ, и они воспринимаются как одно неменяющееся состояние, то герой осознает себя несостоявшимся человеком, с самоиронией осознавая, чем дольше он живет, тем глупее становится («When I Was a Little Boy, I Had but Little Wit» – «Когда я был мальчишкой, То разума недоставало мне»).

При расставании с детством у ребенка возникает желание или навсегда избавиться от этого состояния, или наслаждаться им как можно дольше. Символом первого желания является проданная мальчиком старухе за медный грош соломенная лошадка, на которой он любил кататься («I Had a Little Hobby-horse» – «У меня была лошадка»). Символом второго желания – отказ другого мальчика продать за большую

цену его скрипку, с которой он познал много счастливых дней («Jack and His Fiddle» – «Джек и его скрипка»).

Мир ушедшего детства может восприниматься подобным персонажем как сказка и как творчество. В детстве-сказке ребенок создавал свой призрачный мир, уходя от реальности в мир воображения. Так, героиня стихотворения «Когда я девочкой была, всего семи годов» («When I Was a Little Girl, about Seven Years Old») вспоминает, что, когда ей стало холодно и неуютно, она отправилась в один чудесный городок, где приделась, и возвела в дремучем лесу церковь. В этом добром деле ей помогали птицы: сокол и голубка добывали камень, попугай был священником, павлин церковнослужителем, а снегирь органистом. В детстве-творчестве ребенок творил красоту в реальной жизни, доставляя удовольствие другим. Герой стихотворения «Том, Том, он был волынщика сыном» («Tom, Tom, He Was a Piper's Son»), когда был маленьким, услаждал своей игрой на свирели весь окружающий мир – холмы и долины, свиней и коров, мальчиков и девочек, мужчин и женщин, который кружился в танце всеобщего безграничного счастья.

Счастье – естественное состояние ребенка, но не всем дано его познать. Счастливые дети создают разного рода возможные миры. В них находят воплощение их несбыточные мечты, которые никогда не станут реальностью и останутся лишь некой абсурдной, но милой фантазией. В таких воображаемых мирах все начинается и заканчивается с предлога «если»: «Если бы желания были скакунами» («If Wishes Were Horses»), «Если бы все моря стали одним морем» («If All the Seas Were One Sea»), «Если бы весь мир превратился в яблочный пирог» («If All the World Were Apple Pie»), «Если бы бабочка сделала предложение пчеле» («If the Butterfly Courted the Bee»). В таких абсурдных мирах возможно увидеть кошку в шляпе и девочку-кошку, скачущих воробьев и вьющих гнездо лошадей, воздушный шар из свинца и дом в облаках («I Saw a Fishpond All on Fire» – «Я видел, как горело море»).

В своих возможных мирах дети не только фантазируют, но и размышляют. Они постепенно осознают значимость каждого мгновения, учатся видеть большое в малом, постигают земную красоту («Little Drops of Water» – «Капельки воды», «Through Storm and Wind» – «Сквозь шторм и ветер»). Они стремятся стать мудрыми, чтобы меньше говорить и больше слышать и видеть («A Wise Old Owl» – «Мудрая сова»); они пытаются делать работу искусно и добродетельно на благо других, выходя за пределы данных им от природы потенциалов развития («Little Bird of Paradise» – «Райская птичка»).

Пребывая в размышлениях о реальном мире, ребенок продолжает мечтать, приходя к выводу о необходимости мечтаний и желаний в жизни человека. Мечта становится для него тем маяком, к которому необходимо стремиться через все жизненные непогоды и неудачи («What Did I Dream?» – «О чем я мечтал?», «Star Light, Star Bright» – «Звезда ясная, звезда яркая»). Самой созидательной мечтой ребенка является мечта о красоте, о стремлении к миру прекрасного («Dream of Beauty» – «Мечтай о красоте»), которая взаимосвязана все с тем же детским желанием быть счастливым. Счастье – это когда ребенок не только весел и свободен («Merry Are the Bells» – «Радостно звенят колокола»), но и когда его понимают: когда за разноцветными атрибутами безграничного мира кто-то сумеет разглядеть его живое «маленькое сердце» («There Was a Little Green House» – «Жил-был домик зеленый»).

Литература

- Baring-Gould S. A Book of Nursery Songs and Rhymes. Dodo Press, 2009 (1895).
Halliwell J.O. The Nursery Rhymes of England. BiblioLife, 2009 (1842).
Lang A. The Nursery Rhyme Book. Dodo Press, 2009 (1888).
Opie I.&Opie P. The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes. Oxford: Oxford University Press, 1997 (1951).
The Real Mother Goose. Dodo Press, 2009 (1916).

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ГЕНРИХ КЛЕЙСТ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Б. ПАСТЕРНАКА

Н.В. Лаврентьева

Ключевые слова: Пастернак, публицистика, Клейст, «немецкий текст».

Keywords: Pasternak, critics, Kleist, «German text».

Анализ «немецкого текста» в публицистике Бориса Пастернака – задача не из легких: слишком велик объем исследуемого материала, а рамки статьи ограничены, поэтому мы обращаемся лишь к частным аспектам данной проблемы.

Само определение «немецкий текст» апеллирует к дефиниции «культурный текст», которая нашла свое отражение в работах Ю. Лотмана и его последователей. «Искусство – особое средство коммуникации, особым образом организованный язык (вкладывая в понятие «язык» то широкое содержание, которое принято в семиотике, – «любая упорядоченная система, служащая средством коммуникации или пользующаяся знаками»), то произведение искусства – то есть сообщения на этом языке – можно рассматривать в качестве текстов» [Лотман, 1970, с. 11]. О.С. Карпухина отмечает: «...Тексты, которые создаются теми или иными писателями, с одной стороны, становятся значительнее самих себя и приобретают черты модели культуры, а с другой, уподобляясь автономной личности, осуществляют самостоятельное поведение. Данное явление позволяет нам говорить о существовании так называемого культурного текста» [Карпухина, 2004, с. 5].

«Культурный текст» может реализоваться в виде реминисценций, аллюзий, заимствований, цитат, имен, топографических и географических названий, музыкальных терминов и т.д.

Б. Пастернак тесно связан с немецкой культурой. Германия (ее обитатели, архитектура, литература, музыка, философия) сыграла значительную роль в становлении и развитии творческого начала в Пастернаке: родина Гете разбудила в молодом человеке творца, художника, сумевшего вобрать в себя все лучшее, что было создано за многовековую историю немецкой культуры, и воплотить это в новом качестве в русской культуре. Конечно, мы не утверждаем приоритет немецкой культуры в его творчестве, он был и навсегда останется поэтом исключительно русским, однако недооценивать значение творчества Гете, Гофмана, Ницше, Канта, Вагнера и многих других для Пастернака было бы непозволительно.

«Немецкий текст» реализуется в публицистике поэта на нескольких уровнях.

В первую очередь, это использование немецкого языка. Пастернак очень часто обращался к языку Гете. В данном случае использование чужого языка представляется нам знаком, который связывает две культурные системы. Невозможно отделить немецкий текст от художественного пространства всего произведения Пастернака, так мы разорвем весь замысел автора. Следуя идее Лотмана о структуре произведения, нельзя удалить из текста ни одного предложения без того, чтобы не нарушить весь замысел: «Изменная структура донесет до читателя или зрителя иную идею» [Лотман, 1970, с. 3].

Объем текста на немецком языке может варьироваться от одного слова до абзаца. Например: «Но если ремесло, некогда коренившись в лирике замысла, согретого интимностью лично взлелеянного приема, было художеству сродни; и такое между *Meisterwerk*'ом и *Meistergesang*'ом...» – в статье «Вассерманова реакция» [Пастернак, 2005а, с. 6]. Статья «Что такое человек?» [Пастернак, 2005а, с. 279] – ответ на вопрос, заданный журналом «Magnum», – полностью написана по-немецки. В работе Пастернак рассуждает о понятии «человек», оперируя образами философии Ницше. Статья «В дом-музей Фауста в Книттлингене» [Пастернак, 2005а, с. 296] также была написана по-немецки и опубликована в книге R. Schweitzer «Freundschaft mit Boris Pasternak». Книга была издана в Мюнхене. В этой небольшой статье Пастернак отдает дань уважения своим любимым авторам, тем, перед личностью которых он преклонялся, чье творчество он ценил и боготворил. Это, конечно, И.В. Гете, который всегда воплощал для него свободу («Гете... Да вот это свобода!» [Вильмонт, 1989, с. 7]), это В. Шекспир, чьи переводы принесли Пастернаку заслуженную славу, наконец, Р.М. Рильке.

Следующим уровнем использования «немецкого текста» в публицистике Бориса Пастернака становится анализ и интерпретация творческого наследия виднейших представителей литературы Германии: «Генрих Клейст», «Фридрих Шиллер. Трагедия «Мария Стюарт» (Предисловие переводчика), «В доме-музее Фауста в Книттлингене», «Г. фон Клейст. Об аскетике и культуре», «К рукописи «Фауст» в сокращении и переводе», «Ганс Сакс». Статьи интересны, оригинальны, однако Пастернак позже утверждал их несостоятельность: «Браво. Браво, браво! Это ведь так трудно: литература о литературе, а у вас (Л. Чуковской. – *Н.Л.*) литературное произведение большой силы и легкости, хотя вы ступили на беговую дорожку, на которой оступился бы всякий... Вот я попытался когда-то рассказать о Гансе Саксе, и у меня ничего не вышло, а ведь был такой интересный материал» (цит. по: [Чуковская, 2005, с. 423]).

Наряду с творчеством Гете, Сакса поэт-публицист обращается к творчеству Г. фон Клейста. Однако если в начале поэтического пути нобелевского лауреата интересовала жизнь Клейста, то в конце 1930-х годов он с интересом обращается к его творчеству. Статьи о немецком романтике сопряжены с переводами Пастернака. Всего он переложил на русский язык четыре произведения: «Разбитый кувшин» (1914), «Принц Гомбургский» (1918–1919), «Семейство Шроффенштайн» (1918–1919), «Роберт Гискар» (1918–1919), в 1941 году переводы вновь были подвергнуты переработке, а статья «Генрих Клейст» – это наброски поэта к предисловию, которым он мечтал предварить переводы. Но судьба не была благосклонна к Клейсту и Пастернаку, драмы не были поставлены в театре: постановке 1914 года помешала Первая мировая война, а изданию 1941 года – Великая Отечественная война. К своим переложениям поэт относился весьма скептически: «Журнал «Современник» поместил мой перевод комедии Клейста «Разбитый кувшин». Работа была незрелая. Неинтересная. Мне следовало в ноги поклониться журналу за ее помещение» [Пастернак, 2005б, с. 9].

В 1911 году Пастернак пишет статью «Г. фон Клейст. Об аскетике в культуре». В 1939–1941 годах появляется еще одна – «Генрих Клейст». Немецкий поэт привлекал Пастернака не только как автор ярких произведений, но и как человек, самостоятельно избравший путь самоубийцы; причем самоубийца, по мнению русского поэта, заслонил мастера: «В жизни Клейст сначала вырисовывается как самоубийца. Только затем в нем возникает поэт» [Пастернак, 2005а, с. 10]. Несмотря на то, что указанная статья осталась незавершенной, она вызывает постоянный интерес исследователей: А. Вигилианская обнаруживает в

ней определенные свидетельства влияния Канта [Вигилянская, 2007], в работе «Об «Апеллесовой черте» Б. Пастернака» также прослеживается связь с указанной статьей [Каган, 1996].

Все переживания и рефлексии Пастернака сосредоточены в первой статье, при написании которой им учитывалось все: и мрачный октябрь, и собственное отношение к миру во второй – он превращается в наблюдателя, в публициста, который более точно понимает замысел Клейста, потому что сумел взглянуть на него со стороны, а не отождествлял себя со своим героем, как в статье 1911 года.

Пастернак проводит параллели между перипетиями жизни своего героя и своей собственной: выбор пути, невозможность понять истинное предназначение, занятия философией, отношения с семьей, родителями – все это волновало самого Пастернака. В набросках 1911 года большее внимание уделяется личностным качествам Клейста и перипетиям его биографии, а в статье 1939 года внимание уделяется прежде всего творчеству Г. фон Клейста. Пастернак характеризует Клейста как «интереснейшего писателя прошлого века» [Пастернак, 2005а, с. 86]. Творчество Клейста не сразу стало интересно и привлекательно для читателей и филологов: «Он (Клейст. – *Н.Л.*) у нас (в России. – *Н.Л.*) недостаточно известен. <...> Но надо сказать, что и в Германии Клейст не скоро завоевал свое место в литературе [Берковский, 2002, с. 74]. Чаще всего творчество Клейста анализируют в контексте становления и развития немецкого романтизма, например, В.И. Грешных [Грешных, 1991], М.И. Бент [Бент, 1987]. «Клейст – один из самых замечательнейших поздних романтиков...» [Берковский, 2002, с. 74]. Пастернак не спешит причислить немецкого поэта к романтикам: «Клейста напрасно причисляют к романтикам... их разделяет пропасть... В противоположность любительству, которым они (романтики. – *Н.Л.*) гордились, и бесформенному фрагментаризму, цели их стремлений, – Клейст всю жизнь боролся с недоучкой и ничтожеством, которых в себе подозревал...» [Пастернак, 2005а, с. 37]. Сам Пастернак был против насильственного определения поэта или писателя в рамки одного литературного направления: «Мне кажется, эстетики не существует в наказание за то, что она лжет, прощает, потворствует и снисходит. Что, не ведая ничего про человека, она плетет сплетню о специальностях. Портретист, пейзажист, жанрист, натюрмортист? Символист, акмеист, футурист? Что за убийственный жаргон! Ясно, что это – наука, которая классифицирует воздушные шары по тому признаку, где и как располагаются в них дыры, мешающие им летать» [Пастернак, 2005б, с. 26]. «Несколько положений» написаны в 1918 и доработаны в 1922 году,

однако уже в статье 1911 года Пастернак нивелирует романтический пафос Клейста. Для нас вышеназванное важно уже потому, что эпоха символизма отличается вновь возросшим интересом к творчеству немецких романтиков.

В статье 1911 года Пастернак рассуждает об интенции Клейста, о его внутреннем намерении, пытается расшифровать знаки, связанные с жизнью и творчеством немецкого поэта. Герой статьи близок автору, он чувствует его настроение, потому что оно совпадает с его собственным, но одного не может понять автор – стремления к самоубийству, хотя где-то в глубине души с определенной долей позерства сам рассуждал о возможности сведения счета с жизнью. В 1931 году в «Охранной грамоте» поэт напишет о том, насколько привлекательной казалось ему мысль о самоубийстве [Пастернак, 2005б, с. 177]. Е.Б. Пастернак, подробно описывая состояние молодого поэта, отмечает, что со всех сторон последнего окружало внимание, многие ждали от него определенных успехов, что оказалось совершенно нелегко выдержать.

Постоянным эпитетом в первой статье становится упоминание «смерти». Автор статьи постоянно возвращается к теме «ухода»: «Вероятно, он был поэтом в том смысле, что постоянно уходил» [Пастернак, 2005а, с. 298], или «...Он (Клейст. – *Н.Л.*) открыл путеводную нить лиризма: красоту. Она привела его к смерти» [Пастернак, 2005а, с. 298], или «Уклонение было призванием его, тяжелым, мучительным, погребальным к концу» [Пастернак, 2005а, с. 298].

Во второй статье пафоса «смерти» и судьбоносного предначертания нет, содержание более конкретно. Автор включает в статью биографические сведения о Клейсте, упоминает ключевые даты жизни поэта, повествует об особенностях воспитания, о традициях семейства Клейста, сведений подобного рода в настоящей статье больше, чем упоминаний о творческих пристрастиях и особенностях. Подобная манера характерна также для статей Пастернака о Гансе Саксе. Русский поэт был убежден, что для понимания внутреннего смысла и содержания творчества мастера необходимо представлять его жизненный путь, так как именно перипетии судьбы влекут за собой изменения в творчестве.

Пастернак подробно рассказывает о всех ударах судьбы, которые пришлось пережить Клейсту. Постоянно находившийся в смятении, немецкий поэт бесцельно менял место жительства, его даже задерживали по подозрению в шпионаже, определенный момент его биографии отмечен ненавистью к Наполеону, Клейст готовил, по мнению совре-

менников, покушение на французского императора. Публицист уверен, что именно годы скитаний привели к изменению «нравственного строя» Клейста. Пастернак особо выделяет восприимчивость Клейста, которая «испестрила его жизнь знаками всего, что его окружало» [Пастернак, 2005а, с. 37].

О «нравственном строе» немецкого поэта многое сказано в первой статье. Русский поэт возражает биографам Клейста, которые убеждены в том, что он «изводил себя на ложном пути, теряя живое время и живые силы». Пастернак убежден, что немецкий поэт таким образом пытался преодолеть путь от «нехудожника» к художнику, и состояние его можно определить как нахождение «накануне культуры». Столь сложное и противоречивое отношение к жизни было близко и Б. Пастернаку, который также долго искал свой путь в культуре: преодолевая стихию музыки и философии, обогащаясь их внутренним содержанием и смыслом, он также шел к поэтическому творчеству.

Наиболее пристального внимания автора в статье «Генрих Клейст» удостаиваются отношения Клейста и Гете. Пастернак объясняет неприязнь автора «Фауста» бестактностью интриганов.

Последние годы жизни немецкого поэта отмечены серьезными изменениями в отношении Клейста к действительности. Пастернак отмечает: «Это уж не был прежний причудник, и в хорошее время все видевший в мрачном свете, а трезвый борец с действительными немилостями судьбы» [Пастернак, 2005а, с. 41]. В период изменений он пишет «Принца Фридриха Гомбургского», который, по мнению Пастернака, «лучшее его создание» [Пастернак, 2005а, с. 41], печатает собственную газету, но кратковременный этап спокойствия и творческой сосредоточенности скоротечен, на смену ему вновь возвращаются жизненные неурядицы и материальные трудности: со смертью покровительницы Клейста уходит и его благополучие: газета закрыта, «Принц Фридрих Гомбургский» не напечатан. Строки о трагических совпадениях в судьбе Клейста напоминают внимательному читателю о страшных годах репрессий, которые пережил Пастернак. Статья написана в конце 1930-х годов, поэтому тягостные перипетии жизни Клейста накладываются на жесточайшие годы «века-волкодава», а настроение немецкого поэта совпадает с душевным состоянием современников Б. Пастернака.

Описание самоубийства немецкого поэта весьма прозаично. Стиль Пастернака далек от пафосности. Автор повествует о смерти поэта точно так же, в той же тональности, как рассуждал о его жизни. Это не случайно: русский поэт был уверен, что самоубийство Клейста

предначертано изначально. Однако мысль о самоубийстве, если и вызревала в уме Клейста, то могла бы быть и не реализована. Катализатором трагедии стала неизлечимо больная музыкантша Генриетта Фогель, которая во время музицирования заметила, что рассталась бы с жизнью, если бы нашла товарища. Клейст предложил себя. Пастернак описывает последний день пары: «Снявши два номера в гостинице у озера, они провели в ней весь вечер и часть следующего дня. Все утро они гуляли, а после обеда попросили вынести столик на плотину по ту сторону заводи» [Пастернак, 2005а, с. 42]. Клейст представлялся Пастернаку своеобразной вариацией вертеровского отношения к жизни.

Таким образом, творчество Клейста привлекало поэта на протяжении всего его творческого пути. Пастернак считал Клейста одним из лучших представителей немецкой литературы, но тем не менее отмечал неровный характер его произведений, сумбурность идей и желаний романтика. Клейст был близок Пастернаку духовно: русский поэт в подростковом и раннем юношеском возрасте воспринимал мир сквозь призму представлений Клейста и даже предполагал возможность самоубийства. В своих статьях Пастернак обращается не только к литературному наследию поэта, но и к его биографии, потому что считает знание жизненных перипетий мастера не менее важно для потомков, чем знание его творческого наследия.

Литература

- Бент М.И. Немецкая романтическая новелла : генезис, типологическая эволюция. Иркутск, 1987.
- Берковский Н.Я. Лекции и статьи по зарубежной литературе. СПб., 2002.
- Вигилянская А. Второе рождение. Об одном философском источнике Б. Пастернака // Вопросы литературы. 2007. № 6.
- Вильмонт Н.Н. О Борисе Пастернаке : воспоминания и мысли. М., 1989.
- Грешных В.И. Ранний немецкий романтизм. М., 1991.
- Каган Ю.М. Об «Апеллесовой черте Б. Пастернака» // Литературное обозрение. 1996. № 4.
- Карпухина О.С. «Немецкий текст» в творчестве Андрея Белого (Художественное освоение философом Рудольфа Штейнера в лирике и прозаических произведениях А. Белого) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11-ти тт. М., 2005а. Т. V.
- Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11-ти тт. М., 2005б. Т. III.
- Чуковская Л. Отрывки из дневника // Пастернак Б. Полное собрание сочинений : в 11-ти тт. М., 2005. Т. IX.

КУЛЬТ МЕДВЕДЯ СРЕДИ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ И КАМЧАТКИ¹

Ю.А. Слепцов

Ключевые слова: медведь, эвены, ритуал, праздник, игры.

Keywords: bear, the Evens, ritual, holiday, games.

Эвены – коренные малочисленные народы Севера. Ранее в этнографической литературе они были известны как ламуты; их численность по данным переписи 2002 года в Российской Федерации составила 19071 человек, из них в Республике Саха (Якутия) – 11657 человек. Место проживания – Республика Саха (Якутия), Чукотская АО, Хабаровский и Камчатский края, Магаданская область.

Медвежий праздник или обычай, связанный с медведем, комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, у многих народов Европы, Азии и Северной Америки, живших в лесной зоне, есть отражение культа медведя, существовавшего у них народов. У большинства из народов праздник устраивался по поводу убитого на охоте медведя в целях его умилоствления. При этом мясо медведя съедали с соблюдением строгих обрядов. Некоторые народы Сибири и Северной Америки устраивали перед тушей медведя танцы в масках. Сходство обрядов, связанных с медведем, у разных народов объясняется общностью условий проживания, охотничьего хозяйства и религиозно-магических представлений. У ряда современных народов (например, у хантов и манси) медвежий праздник, утратив магическое значение, превратился в национальное традиционное развлечение. У хантов и манси, танцы, связанные с медвежьим праздником, вылились в примитивную драму на сюжеты охоты. Ранее эвены, как и многие другие народы Сибири и Дальнего Востока, поклонялись медведю [История и культура эвенов, 1997, с. 120].

Одними из первых сведения о культе медведя среди эвенов собрали участники II Камчатской экспедиции Г.Ф. Миллер, С.П. Крашенинников, Я.И. Линденау. В XIX веке отношение эвенов к медведю описали И.Я. Худяков, В.И. Иохельсон и др. XX век открывает новую страницу в изучении культа медведя среди эвенов, исследователи И. Гурвич, М. Антропов, Е. Орлова, А. Крушанов, В. Туголуков и др. в своих трудах осветили медвежий праздник, а

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №12-11-14600 2011-09-28

А. Фролова, В. Богораз, Л. Хаховская описали игры, связанные с медведем. Однако они не затронули обрядовый процесс, связанный с охотой и разделкой медведя. В своей статье мы рассмотрим особенности отношения к медведю на примере эвенского рода Дельянки.

Дельянский род к приходу русских в XVII веке кочевал преимущественно между верховьями рек Индигирки и Колымы, а также в районе реки Охоты. Эвенские роды в XVII-XIX веках жили крайне раздробленно. Сейчас за ним закрепились северо-восток Якутии, юг Чукотки и северная и центральная части Камчатки.

Медведь у эвенов из рода Дельянки имел особое сакральное значение, они считали его первопредком или состоящим с ними в кровном родстве. У эвенов бытовали обычаи, касающиеся медведя, которые обязательно выполнялись при его случайной добыче или по необходимости, имевшие свои особенности, в частности у эвенов из рода Дельянки, населяющих Якутию, Магадан и Камчатку.

Один из первых исследователей эвенов В.И. Иохельсон в XIX веке отмечал, что якутские, в частности колымские эвены испытывали страх, как суеверный, так и физический пред медведем, страх этот так велик, что специального промысла медведя почти не существует [Иохельсон, 1898, с. 76]. Момские же эвены страха перед медведем не испытывают. В их отношениях преобладает уважение.

Момские эвены Якутии в случае добычи медведя совершали особый обряд. Они считали и продолжают считать очень умным животным, так медведь способен достать из реки «морду» (корчагу) с рыбой, вынуть затычку, съесть рыбу, вновь зарядить «морду» и поставить ее на прежнее место [Гурвич, 1977, с. 203; Иохельсон, 1898, с. 82]. Они наделяли медведя сверхъестественной способностью слышать все, что о нем говорят. Эвены, считая медведя своим дальним родичем, специально на него не охотились. И убивали его только в исключительных случаях, например, когда медведь напал на основное стадо; когда берлога находилась на пути миграции стада; на шатунов. Например, Тимофей Голиков вынужден был дважды вступать в схватку с медведем, во время которой получил множество ран, и тем не менее он не испытывал страха перед медведем. Он говорил, что если медведь не нападает, то и он не охотится на него. В.И. Иохельсон отметил в своем труде: «Но настоящих охотников, охотников «с крепким сердцем», преследующих медведя

и ищущих его, можно встретить только между юкагирами и ламутами» [Иохельсон, 1898, с. 78].

В случае нападения медведя на людей обычай в основном не соблюдался, так как подобная ситуация приравнивалась к войне. В Якутии известна легенда об 9-летнем юном охотнике Салтаха, уничтожившем медведя – людоеда с помощью топора [Архив Якутского научного центра СО РАН, Ф.5, О 13, Д 10, Л 84.].

У эвенов из местности Улахан-Чистай (Якутия) есть легенда о том, что когда-то медведь сожительствовал с сестрой одного молодого охотника, которая однажды пошла в лес за ягодами и пропала. Три года искал ее брат, но не нашел. Вдруг, откуда ни возьмись, пришла сестра с трехлетним сыном. Она вскоре умерла, а сын остался у старшего брата, но он постепенно терял облик человека, наконец, превратился в медведя и ушел в лес.

Женщина считалась по отношению к медведю более близкой родственницей, чем мужчина [История и культура эвенов, 1997, с. 121]. Есть поверье, что медведь не тронет женщину, если она обнажит перед ним свою грудь. При этом женщина должна обратиться к медведю со словами: «Как тебе не стыдно нападать на голую женщину». Говорят, медведь уходит в сторону после такого обращения. В процессе снятия шкуры с убитого медведя эвены показали мне спину медведя, которая была очень похожа сзади на фигуру, тем самым они доказывали свое родство с ним.

При снятии шкуры медведя эвены вполголоса приговаривали: «Не сердись, абага, снимаем доху, так как она стала вшивой». Когда охотник привозил убитого медведя к тордоху, дети должны были плакать, размазывая слезы по лицу, и упрекать отца: «Зачем убил нашего любимого дедушку?»

Эвены из рода Дельянки, проживающие в Якутии, мясо медведя почти не употребляют в пищу, но если это случалось во время поедания медвежьего мяса, участники трапезы должны были куковать или каркать, как будто бы мясо едят не люди, а птицы. Детям и беременным женщинам мясо медведя есть запрещалось.

Накануне охоты на медведя никаких разговоров об объекте добычи не ведется, все приготовления происходят в тишине. По пути к берлоге эвены говорят о том, что будто они ищут пропавших оленей и идут по их следу. Подходят к берлоге очень осторожно, несмотря на то, что один из охотников накануне обследовал район охоты, прислушиваются к шорохам внутри берлоги чтобы, тем самым определить, сколько медведей находится внутри. Особых

заграждений перед входом в берлогу эвены не делают, впрочем, как и раньше когда они охотились при помощи копья. Делалось это для того, чтобы на пути у охотника не было никаких препятствий, и он мог сосредоточиться на добыче. После убийства медведя согласно обычаю внутрь берлоги должен был войти самый молодой из охотников и закрепить на туше веревки, чтобы вытащить ее из берлоги. Вытаскивание тоже должно было происходить очень осторожно, так как в берлоге могли быть и другие медведи. Данный обычай воспитывал в юных охотниках мужество и преодоление страха.

При разделке туши никаких разговоров о добыче не ведется, говорят, что кто-то иной добыл [Дегтярев, Дегтярева, Слепцов, 2004, с. 26]. В охоте, очевидцем которой я стал, эвены приговаривали, что за ним пришел «ньохо» («якут»), подразумевая меня и тем самым подчеркивая, что они не причастны к убийству. В ответ на мое возмущение, они объяснили, что им здесь жить и кочевать, а я, мол, человек пришлый, и дух медведя простит мне это. Все этапы разделки ими комментируются, например, снимая шкуру, они приговаривали, что на самом деле они снимают доху («шубу») и т.д.

Первым делом у добытого медведя вынимали глаза, в глазницу вставляли круглые камни или мох, также мхом заполняли в носовые и ушные отверстия. По поверью, убитый медведь может запомнить лица и запахи охотников и в дальнейшем преследовать их или наводить на них порчу.

Если туша не разделялась, тогда просто распарывали живот и затем ее закапывали, при этом накрывая ветками [ПМА 2010 года, информатор Захаров Василий Петрович]. В таких случаях брали только внутреннее сало «имсэ» и желчь «де», которые ценились как лекарственные средства [ПМА 2011 года, информатор Бокова Евдокия Николаевна]. Эвены считают, что мертвого медведя закапывает другой медведь в другом месте, так как у каждого медведя есть свой спутник – друг [ПМА 2010 года, информатор Захаров Василий Петрович; ПМА 2010 года, информатор Слепцов Дмитрий Гаврильевич]. Подобный случай в своем труде описал исследователь Дальнего Востока В.К. Арсеньев [Арсеньев, 1977, с. 236].

Кости медведя и череп после разделки клали на высокий помост или закапывали в землю. Захоронение костей животных исходит из древней философии эвенов и их представления о единстве мира – звери, как и люди, не прекращают свое существование после смерти.

В отличие от якутских эвенов из рода Дельянки, у эвенов из этого же рода, проживающих в Камчатском крае и Магаданской области, сохранился обычай коллективного поедания мяса убитого медведя, сопровождающегося особым ритуалом угощения – уркачак у магаданских эвенов, уркачан – у камчатских. В обиходе он известен как медвежий праздник, который в иносказательной форме называют «старикова (старухина) свадьба» [История и культура народов Севера Дальнего Востока, 1967, с. 174].

Одним из древнейших культов у камчатских эвенов является культ медведя. Медведь был для них олицетворением древнего прародителя, который завещал им охотиться на медведя, соблюдая при этом определенные правила. Охота сопровождалась медвежьим праздником – уркачак.

Медвежий праздник – это комплекс обрядов, связанных с культом медведя [Арктика – мой дом..., 1997, с. 168]. Праздник проводился всегда осенью, после того, как медведь залегал в берлогу.

Условно праздник состоит из нескольких частей: 1) ритуальной, с соблюдением всех правил и запретов охоты; с соблюдением правил, запретов и ритуалов свежевания его, доставки освежеванной туши и шкуры с головой в стойбище или селение, где медведя встречали как гостя; 2) ритуального приготовления медвежьего мяса и трапезы; 3) обрядов захоронения костей, черепа, призванных возродить медведя.

Убив зверя, охотник здоровался с ним и благодарил его за приход. На празднике охотники изображали картину добычи медведя и разделки его туши. При этом старались убедить зверя, что это не они его убили. Подобные действия прослеживаются и у якутских эвенов.

При разделке медвежьей туши строго соблюдался обряд «нимат» («нимак» магаданск.), то есть тушу медведя охотник не разделявал, за него это делали те, кому он его, как бы подарил. Охотник просто указывал место добычи. Мясо, кроме головы, раздавали всем обитателям стойбища. Голову варили отдельно. В первый день «праздничества» женщинам запрещалось в нем участвовать, в этот день мужчины ели переднюю часть медведя. На второй день к ним присоединялись женщины. Старшая из них кидала в огонь кусочек мяса с салом, принося тем самым благодарственную и искупительную жертву.

Когда ритуальная трапеза заканчивалась, все кости собирали и укладывали их строго в анатомическом порядке и в таком виде

хоронили. Эвены считали, что, уходя в иной мир, он возвращается снова, то есть легенда гласит, что он посещает загробный мир и возвращается оттуда [Криничная, 2011, с. 9].

Эвены медведя не называют по имени, в разговорах они упоминают иносказательно, например «дядя», «кабалан» (Гремящий) и т.д. [ПМА 2012 года] Например, слово убил по-эвенски «марым», а по отношению медведю «слово» «марым» не употребляется, говорят по-другому - «урэмрэм». «Кушать» по-эвенски будет «дебдэй», а кушать мясо медведя – «кунамрудай» [ПМА 2011 года, информатор Бокова Евдокия Николаевна].

Если эвены Якутии запрещали своим детям упоминать имя медведя (накат), тем более играть в медведя, то дети эвенов Камчатки играли в детские игры, такие, как «Веселые медвежата», «Бурые медведи» и «Медведь» [ПМА 2012 года]. Эвены из рода Дельянки, несмотря ни на что, считают медведя своим родственником, почтительно и с уважением относятся к нему.

Чтобы правильно относиться к крупному зверю, необходимо максимально знать способы охоты на него, знать, как себя вести поведении при встрече с ним, легенды, связанные с ним, чтобы это вызвало не страх перед животным, а уважительное отношение к нему.

Литература

- Арктика – мой дом. Народы Севера Земли. Ярославль, 1997.
Арсеньев В.К. Дерсу Узала. Якутск, 1977.
Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5, О 13, Д 10, Л 84.
Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.
Дегтярев А.М., Дегтярева Р.Г., Слепцов Ю.А. Эвены Момского района Республики Саха (Якутия). Якутск, 2004.
Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898.
История и культура народов Севера Дальнего Востока. М., 1967.
История и культура эвенов. СПб., 1997.
Криничная Н.А. Легенды об «обмираниях»: предпосылки попадания на «тот свет» // Религиоведение. 2011. № 4.
ПМА 2010 г. Информатор Захаров Василий Петрович, эвен, 1953 г.р., с. Хонуу Момского района, Республика Саха (Якутия).
ПМА 2010 г. Информатор Слепцов Дмитрий Гаврильевич, 1964 г.р., эвен, п. Буор-Сысы Момский район, Республика Саха (Якутия).
ПМА 2011 г. Информатор Бокова Евдокия Николаевна, эвенка. 1934 г.р., с. Хонуу Момского района, Республика Саха (Якутия).
ПМА 2012 г. Камчатский край.

ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ*А.Ф. Колясева*

Ключевые слова: языковое сознание, метаязыковое сознание, терминология.

Keywords: language consciousness, metalinguistic consciousness, terminology.

Терминоведение является актуальной областью современной лингвистики, прежде всего благодаря своей очевидной практической направленности. Активно разрабатывается его прикладной аспект (принципы и методы терминотворчества, упорядочения и нормализации терминологий), также весьма обширна литература в области теоретического терминоведения. В свете современного антропоцентрического подхода в науке невозможно в терминоведческих исследованиях не учитывать сознание познающего субъекта, то есть создателя и пользователя терминологии. Настоящая статья имеет целью рассмотрение возможностей анализа терминологии с точки зрения языкового сознания, причем не только языкового сознания специалиста, но и с точки зрения обыденного сознания, сталкивающегося с терминологией.

В связи с этим необходимо сделать пояснения о том, как нами категоризуется языковое сознание. В какой бы концепции лингвисты ни объясняли язык, он остается достоянием Homo Sapiens: языком пользуются все – и практически все о нем рефлексируют в той или иной форме (к языковой рефлексии мы относим не только очевидные метатекстовые маркеры типа *грубо говоря*, но и в том числе языковую игру). В этом отношении пользователи языка делятся на две большие группы: те, кто осуществляет такую рефлекссию профессионально (лингвисты), и те, кто делает это непрофессионально (наивные пользователи языка). При этом следует иметь в виду, что, хотя профессиональная лингвистика и является высшей формой теоретического осмысления языка, в процентном соотношении доля этого сектора крайне невелика по сравнению со всеми остальными пользователями языка. С другой стороны, нелингвисты являются профессионалами в своей сфере, что также влияет на их язык и восприятие мира через язык и что также должно быть принято во внимание в процессе анализа языкового материала. Особенностью профессионального языкового сознания мы считаем владение

терминосистемой – упорядоченной системой терминов, с одной стороны отражающей логические связи и отношения между соответствующими понятиями конкретной сферы знания – *логос*, с другой – являющейся частью лексического запаса национального языка в силу языкового выражения терминов, а именно представляя особый пласт искусственно формируемой лексики, функционирующей в профессиональной коммуникации – *лексис*. В свете вышесказанного структура языкового сознания представляется нам следующим образом (см. рис. 1, схема наша):

Рис. 1. Структура языкового сознания

В качестве ключевого критерия в организации модели языкового сознания принята профессиональная квалификация говорящего, однако деление на профессиональный и обыденный типы не совпадает по уровням, так как они являются разноплановыми образованиями. В частности, предполагается, что профессиональный лингвист обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном уровне (профессиональной надстройкой) и профессиональным метаязыковым сознанием, поскольку метаязыковая рефлексия является сферой его основной деятельности. С другой стороны, практикующий врач обладает профессиональным языковым сознанием на глубинном

уровне, поскольку он владеет медицинской терминосистемой и, как предполагается, мыслит соответствующими понятиями, что позволяет ему общаться «на одном языке» с коллегами, однако его метаязыковое сознание должно быть признано обыденным, поскольку оно не является теоретически систематизированным (если он не имеет специальной лингвистической подготовки) и его метаязыковые высказывания будут отнесены к наивной лингвистике. Также в процессе осуществления коммуникации с пациентами, врач в идеале должен осознавать, что они не обладают профессиональным медицинским сознанием и их познания в медицине являются обыденными, ненаучными, несмотря на то, что они также могут использовать слова, омонимичные терминам в строгом смысле слова (то есть объем понятия об одном и том же заболевании у врача и пациента может не совпадать).

Важнейшим свойством термина является способность отражать научное понятие, то есть участвовать в построении научной картины мира: «Термин является вербализованным результатам профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом профессиональной коммуникации» [Голованова, 2011, с. 58]. Отражая концептосферу определенной области знания, термин становится репрезентацией профессионального сознания, научной картины мира. Согласно концепции Ю.Д. Апресяна, если наивная картина мира, находящая свое выражение в языке, национально специфична (хотя в ней могут присутствовать и универсальные черты), то «чисто логическая, научная картина того же участка мира <...> является общей для людей говорящих на самых различных языках» [Апресян, 1995, с. 57]. Однако, поскольку термин является единицей того или иного языка, обоснованной представляется идея О.А. Корнилова, что целесообразно также выделять национальную научную картину мира – «инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка, то есть НКМ [научную картину мира], запечатленную в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка» [Корнилов, 2003, с. 112]. Мы предлагаем еще более дифференцированный подход, при котором не только выделяется национальная научная картина мира, но и производится членение ее по профессиональной составляющей, поскольку профессиональная принадлежность и задает определенную терминосистему, в рамках которой осуществляется категоризация мира. Релевантность принадлежности носителей языка к научной группе для изучения языкового со-

знания объясняется тем, что «научная картина мира, как принадлежащая сознанию определенного социума, существует прежде всего на уровне языкового сознания этого социума, то есть как вербализованная. Более того, в каждый момент исторического и реального времени на уровне коллективного сознания она, скорее всего, должна рассматриваться как некий инвариант, вариантами которого будут научные картины мира в сознании отдельных индивидуумов, получающие объективацию в научном дискурсе [Дроздова, 2007, с. 116].

Таким образом, термин отражает не просто профессиональное сознание, но и профессиональное языковое сознание определенной группы. Профессиональное языковое сознание отличается от обыденного языкового сознания неспециалистов, так как различия в опыте (знакомство с той или иной системой знаний и терминов) накладывают различия в восприятии и объеме понятий, стоящих за лексемами языка. Например, лексема *мигрень* для специалиста в медицинской сфере и человека без медицинского образования, как показано в работе [Колясева, 2014], означает различные вещи, ср.: *Я-то, признаться, раньше думала, что «мигрень» - это просто научное название головной боли. Ну, то есть все, что болит выше нижней челюсти, - это мигрень* [Аргументы и факты, gazeta.aif.ru/online], что для профессионально медицинского языкового сознания безусловно неприемлемо, поскольку оно вписывает мигрень в четкую систему терминов наряду с другими типами головной боли. С другой стороны, для профессионального медицинского языкового сознания существует абдоминальная мигрень, то есть связанная с болью в животе, и «обезглавленная мигрень» - мигрень без головной боли. Также отметим, что на основе анализа языковых контекстов был сделан вывод о том, что обыденное сознание определяет мигрень как болевые ощущения мозга (ср., например: *Чувствуя, как к мозгам подбирается мигрень, я пробормотала...* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки); *рвущие мозг мигрени, доводившие почти до помешательства* (В.В. Вересаев. Euthymia (Эйтемия)), в то время как профессиональная медицина говорит о том, что мозг не имеет болевых окончаний, поэтому «болеть» не может. С лингвистической точки зрения интересно и то, что в грамматическом отношении мигрень-термин и мигрень-слово обыденного языка функционируют по-разному. Термин, отражающий профессиональное языковое сознание синтагматически сочетается с относительными прилагательными (*брюшная мигрень, абдоминальная мигрень, глазная мигрень, шейная мигрень, сердечная мигрень*), которые

указывают на локализацию боли. Для мигрени как слова общеупотребительного языка, отражающего обыденное языковое сознание, характерны в качестве определения качественные прилагательные, характеризующие интенсивность боли (*ужасная, страшная, несносная, сильная, отчаянная, жестокая*). Аналогично, не совпадает понятие о психозе в профессиональном медицинском и обыденном языковом сознании. Если в профессиональном медицинском сознании психоз – серьезное душевное заболевание (*«крайняя степень фрагментирования личности»* (В. Зелинский. Словарь аналитической психологии), *«глубокое расстройство психики, проявляющееся в нарушении отражения реального мира, возможности его познания, в изменении поведения, возникновении не свойственных нормальной психике явлений (галлюцинаций, бред, нарушения памяти и мышления, психомоторные расстройства, аффективные нарушения и др.»* (В.П. Дудьев. Психомоторика: словарь справочник), то в обыденном сознании происходит расширение значения: как правило слово употребляется в зафиксированном в МАС значении «та или иная ненормальность, странность в психике человека» [Словарь русского языка, 1999]. Характерно, что в контекстах, не относящихся к профессиональному медицинскому дискурсу, психоз синтагматически может сочетаться с прилагательным *массовый*, которое само по себе противоречит представлению о серьезности психического нарушения, ср.: *А вот в школе где я учился — игры на деньги — вообще были как какое-то массовое наваждение и психоз среди учеников* (Обсуждение фильма «Уроки французского» (1978) (2007-2011)). *Люди отказывались лечиться у еврейских врачей, начался массовый психоз страха отравления и порчи...* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого); *Я вижу здесь массовый психоз на тему избранности американской нации и поиск подтверждений такой избранности* («Синие» дети // «Наука и жизнь», 2008). *Вместо объяснения предлагается старая сказка про белого бычка: биржевой пузырь, массовый психоз, истерия необразованных вкладчиков, подрывная роль средств информации, скрывающих от трудящихся правду о реальном экономическом положении дел.* (С. Голубицкий. Преодоление виртуальности (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.16); *Массовый психоз поразил всех — от детсадовцев до многодетных матерей и отцов семейства* (Н. Барановская. Невероятные усилия любви. Подарки ко дню всех влюбленных продаются в зоомагазине (2003) // «Известия»,

2003.02.10) и т.д. Так же, как «обезглавленная» мигрень (мигрень без головной боли) – нечто невозможное для обыденного языкового сознания, *массовый психоз детсадовцев* в последнем примере – явление на грани фантастики, если воспринимать это сочетание с позиций профессионального медицинского языкового сознания.

Однако профессиональное языковое сознание в определенной степени базируется на обыденном (общенациональном) языковом сознании (хотя, конечно, с ним не совпадает), потому что знакомство с языком и включение индивида в языковую картину мира происходит значительно раньше, чем получение специальных знаний. Это значит, что профессиональный медик, прочитав предложение о массовом психозе, сможет идентифицировать *психоз* в нетерминологическом значении, опираясь на общенациональный пласт в своем языковом сознании. Как отмечает Е.И. Голованова, в реальности «между двумя глобальными сферами жизнедеятельности человека – бытовой и социально обусловленной профессиональной – нет непродолимых границ. Более того, они взаимосвязаны и взаимообусловлены, что объясняется целостностью человеческой личности <...> По мере “освоения” человеком профессионального пространства он переносит свое личное восприятие на внешний мир – в рамках, которые допускаются условиями осуществления деятельности, и, наоборот, сфера профессиональной коммуникации накладывает отпечаток на сферу бытового общения индивидуума (что проявляется в использовании характерных профессиональных слов, выражений и в актуализации стоящих за ними смыслов, а также в реализации свойственных данной сфере способов интерпретации объектов и отношений)» [Голованова, 2011; с. 52–53]. Здесь принципиально важно разграничивать сферы, как правило, не имеющие точек взаимодействия с обыденным сознанием (например, ядерная физика), где общение происходит исключительно между специалистами внутри сферы (сугубо профессиональный либо обучающий дискурс), и сферы, имеющие выход на «потребителя»-неспециалиста (такие как, например, компьютерная, медицинская сферы). Так, практикующий медик должен общаться с пациентами-неспециалистами и, обладая профессиональным медицинским языковым сознанием, определенным образом организующим его восприятие в системе терминов медицины, объяснять медицинские проблемы на языке, понятном обыденному языковому сознанию. С другой стороны, он должен «перекодировать» изложение пациентом симптомов на язык

медицинских классификаций. Не случайно в последнее время на Западе ведутся исследования и готовятся специалисты в области нарративной медицины, одним из важнейших объектов которой является непосредственное общение доктора и пациента [Charon, 2006; Mehl-Madrona, 2007; <http://narrativemedicineng.wordpress.com/>; <http://www.narrativemedicine.org/> и др.].

Языковая природа термина также обуславливает интерес к терминологии в аспекте изучения метаязыкового сознания, как теоретически несистематизированного, обыденного, так и систематизированного, профессионального лингвистического. Хотя вопрос о соотношении терминологии и литературного языка является спорным, не подвергается сомнению то, что терминология является пластом лексики национального языка, а значит, она становится объектом метаязыковой рефлексии лингвистов-терминологов. Обыденное метаязыковое сознание активно изучается в современных исследованиях (см. коллективные монографии «Обыденное языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты», работы А.Н. Ростовой, Н.Д. Голева, Н.Б. Лебедевой и др.) и приобретает черты отдельного лингвистического направления. Однако еще раз подчеркнем, что согласно разработанной модели языкового сознания, оно должно рассматриваться как профессиональное или обыденное в зависимости от его уровня (об уровневой структуре языкового сознания см., в частности: [Вежбицкая, 1996; Ростова, 2008, с. 47; Никитина, 1989, с. 35; Лебедева 2009]). Иными словами, на метаязыковом уровне под обыденным понимается языковое сознание наивных лингвистов (но профессионалов в своей области) и под профессиональным – языковое сознание профессиональных лингвистов, а в применении к терминологии – профессиональных терминологов.

Многочисленные примеры обыденной метаязыковой рефлексии по поводу терминологии той или иной сферы находим в Интернете на специальных форумах, например, активно обсуждаются терминологические проблемы в компьютерной сфере¹:

«Господа, обращаюсь к вам с большой-прибольшой просьбой! Возможно стоит,уже, определиться с терминологией которую мы используем, в наших статьях и комментариях на тему Интернета и всего что с ним связано. Я, например, в своих текстах стараюсь

¹Здесь и далее цитаты приводятся с соблюдением орфографии и пунктуации источника.

использовать как можно меньше англицизмов, и разного рода заимствований. Да, зачастую в русском языке по-просту отсутствуют необходимые термины, но ведь во многих случаях виной всему наша лень и банальное желание употребить словечко по-моднее. Мне хотелось бы заявить тем, кто злоупотребляет новомодными заимствованными словечками: от того, что вы эти словечки используете, ваш текст не выглядит более профессиональным или страшно умным, наоборот, от их обилия, ваш текст выглядит корявым и неряшливым» («О бедной терминологии замолвите слово», <http://habrahabr.ru/tag/англици/>).

Обеспокоенность терминологической ситуацией наталкивает пользователя на попытку анализа профессиональных текстов и своих представлений о том, какими эти тексты должны быть, и поиска причин несоответствия существующей ситуации мыслимому идеалу. В частности, во многих комментариях затрагивается проблема заимствования в терминологии и целесообразности перевода англоязычной терминологии на русский язык, причем одни пользователи считают англицизмы нежелательным явлением, затрудняющим профессиональную коммуникацию, другие не видят необходимости в критерии связности, выдвигаемом профессиональными терминологами:

«Я просто прошу мне объяснить смысл перевода всех терминов на русский? Традиционно есть отрасли науки и производства где терминология не переводится (взять ту же медицину где латынь используется по всему миру). ИМХО компьютеры, сети и их безопасность как раз из той оперы», или «Давайте слово "exploit" поставим в один ряд со словами "сканер", "принтер", "драйвер" (мы же не говорим "изучатель", "распечатыватель", "водитель"), то есть не будем его переводить...» («Переводим слово "exploit"», <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3676/>).

Анализ подобной метаязыковой рефлексии интересен с точки зрения выявления отношения обыденного метаязыкового сознания, то есть неспециалистов по русскому языку, к актуальным терминологическим проблемам (заимствования в терминологии, требования к термину) и к языковым нормам. Метаязыковые рефлексивы предоставляют возможность выявить, какая номинация в понимании профессионалов в своей области, но наивных лингвистов является «хорошим» термином и сопоставить это видение с требованиями, выдвигаемыми профессиональными

лингвистами-терминологами. Так, в результате рассмотрение метаязыковой рефлексии компьютерных специалистов выяснилось, что среди самых важных критериев они отмечают однозначность, простоту и понятность, благозвучность, лингвистическую правильность, связность, наряду с этим большое значение для пользователей имеет мотивированность, в то время как требование независимости от контекста оказывается спорным (подробнее см., например, в: [Колясева, 2009]).

Другим интересным объектом, с точки зрения изучения языкового сознания, является терминологическая деятельность, то есть работа по созданию и нормализации терминосистем. «Необходимо все время помнить о триединой основе термина: предметное знание, логическое осмысление и языковое выражение. Иными словами: лингвисту в терминологической деятельности принадлежит лишь одна треть работы, но чрезвычайно важная» [Суперанская, Подольская, Васильева, 1989, с. 17]. Несмотря на то, что в современной ситуации роль профессиональных лингвистов-терминологов при формировании терминосистем, как правило, сводится к минимуму, сами специалисты, как показывает анализ Интернет-комментариев, посвященных переводу иноязычных терминов на русский язык, видят пользу в их привлечении: *«Мнение кафедры Днепропетровского университета [имеется в виду кафедра Компьютерных технологий при Днепропетровском национальном университете] я всячески уважаю, только хорошо бы еще была привлечена кафедра русского языка, если такая имеется»*(«Переводим слово “entity”», <http://habrahabr.ru/blogs/terminology/3985/>).

Терминологии, таким образом, создаются при взаимодействии трех типов сознания:

1) профессионального сознания специалистов конкретной области (юристов, экономистов и т.д.), осмысливающего предметно-логическое содержание соответствующих областей знания;

2) их обыденного метаязыкового сознания, рефлектирующего над языковой стороной термина;

3) профессионального лингвистического сознания.

Изобразим это графически (см. рис. 2, схема наша):

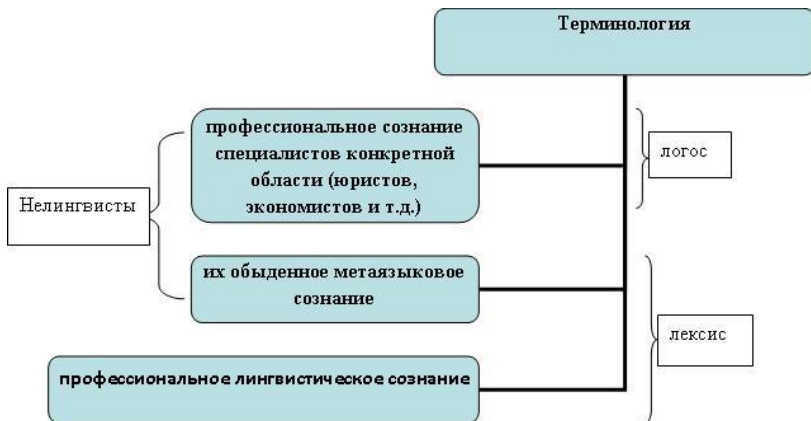

Рис. 2. Терминология и языковое сознание

Поскольку терминология в некоторых областях современной науки в силу экстралингвистических причин заимствуется из английского языка, к списку сознаний, формирующих терминологию на национальном языке помимо профессионально метаязыкового сознания лингвистов-терминологов можно добавить языковое сознание переводчиков (об обыденном метаязыковом сознании переводчиков см., например, в: [Сидорова и др., 2009]).

Подводя итоги вышесказанному, можно выделить три аспекта изучения терминологии в проекции на языковое сознание:

1) терминология как отражение профессионального языкового сознания и его соотношение и взаимодействие с обыденным языковым сознанием;

2) терминология как объект метаязыковой рефлексии профессиональных лингвистов (профессиональное метаязыковое сознание) и специалистов в конкретных сферах (обыденное метаязыковое сознание);

3) терминологическая деятельность как взаимодействие разных типов и уровней языкового сознания (профессионального языкового, профессионального и обыденного метаязыкового).

Литература

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 1.
 Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
 Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011.

- Дроздова Т.В. Типы знаний и их представление в научном дискурсе // Проблемы-представления (репрезентации) в языке. Типы и формы знаний. М., 2007.
- Колясева А.Ф. Нормализация компьютерной терминологии и обыденное метаязыковое сознание специалистов компьютерной сферы // Слово. Грамматика. Речь. М., 2009. Вып. 11.
- Колясева А.Ф. Консубстанциональные единицы: медицинский дискурс // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2014 (в печати).
- Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
- Лебедева Н.Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2009. Ч. 1.
- Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989.
- Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2009. Ч. 1, 2.
- Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание : статус и аспекты изучения. // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово–Барнаул, 2008.
- Сидорова М.Ю., Стрельникова Н.А., Шувалова О.Н. Обыденное метаязыковое сознание в Интернете // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово, 2009. Ч. 1.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология : вопросы теории. М., 1989.
- Charon R. Narrative Medicine : Honoring the Stories of Illness. New York, 2006.
- Mehl-Madrona L. Narrative Medicine : The Use of History and Story in the Healing Process. Rochester, Vermont, 2007.

СПЕЦИФИКА БЫТИЯ ТЕКСТА В ДЕВИАНТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГИЧЕСКИХ ФОРМАТАХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

А.А. Шмаков

Ключевые слова: девиантная коммуникация, диалогические форматы интернет-коммуникации, бытие текста.

Keywords: deviant communication, dialogic formats of Internet communication, being of text.

В начале XXI века ученые-лингвисты активно занимаются изучением явлений, тенденций и процессов, возникших в новой коммуникативной среде – сети Интернет. В данной статье текст рассматривается в русле коммуникативного подхода, в рамках которого он понимается как «коммуникативно направленный и прагматически значимый слож-

ный знак лингвистической природы, репрезентирующий участников коммуникативного акта в текстовой личности Ното Лоуэна <...> механизм существования которого базируется на возможностях его коммуникативной трансформируемости» [Чувакин, 2004, с. 422].

Интернет-коммуникация (далее – ИК) интерпретируется как одна из форм речевого взаимодействия, выделяемая на основе специфического канала и средства коммуникации и противопоставленная на этой основе другим формам коммуникации (устной, письменной и др.) [Интернет-коммуникация как новая речевая формация, 2012, с. 26].

В современной русистике одной из актуальных проблем, связанных с изучением текста, является проблема изучения бытия текста в коммуникативном пространстве: «в среде текст существует, то есть находится в непрерывной деятельности» [Чувакин, 2011, с. 16], постоянно испытывая внешнее и внутреннее влияние других текстов, участников коммуникации и пр., он находится в постоянном изменении, никогда не бывая статичным. Прекращение этих постоянных изменений означает «выход (текста. – А.Ш.) за рамки коммуникативного пространства, поэтому исследование бытия текста представляет собой «рассмотрение воздействий на него коммуникативного пространства...» [Чувакин, 2011, с. 16]. Задачей исследователей, работающих над решением проблемы бытия текста, является моделирование механизмов формально-содержательных трансформаций текстов в различных коммуникативных подпространствах.

Цель данной статьи – выявление специфики бытия текста в диалогической коммуникации, протекающей в диалогических форматах интернет-коммуникации (далее – ДФ ИК): интернет-форумах, блогах и социальных сетях.

ДФ ИК представляют собой открытые площадки для вопросно-ответного взаимодействия коммуникантов [Масленников, 2012, с. 113]. Это открытые тексты, поскольку присоединиться к взаимодействию могут любые коммуниканты.

Современные лингвисты изучают ДФ ИК с разных сторон: дискурсивной – как компонент диалогического дискурса (И.С. Масленников), жанровой (А.А. Селютин), коммуникативной – с позиций влияния коммуникативной среды на характер общения (О.Ю. Усачева). В нашем понимании диалогические форматы интернет-коммуникации – это форматы ИК, позволяющие коммуникантам взаимодействовать в режимах online (реального времени) и offline (отложенной коммуникации) с использованием специально разработанных интер-

фейсов – программных элементов, организующих коммуникативное пространство интернет-ресурса.

ДФ являются характерными представителями ИК, поскольку именно они на практике реализуют идею интерактивного дистанционного, опосредованного компьютером взаимодействия коммуникантов, создавая динамическую коммуникативную среду, в рамках которой взаимодействуют коммуниканты и созданные ими тексты.

С точки зрения Е.В. Сидорова, текст через реализацию своей интерактивной функции позволяет адресанту «...осуществлять знаковое управление деятельностью (речевой и неречевой. – *А.Ш.*) реципиента (адресата) соотносительно деятельности автора (говорящего)» [Сидоров, 2009, с. 138]. Без этого бы взаимодействие коммуникантов было бы невозможным – оно бы стало столкновением. Интерактивная функция текста связана с отражением позиций коммуникантов и их отношений в тексте. В данной статье *бытие текста в ДФ ИК* понимается как *лингвистическая категория, характеризующая особенности формально-содержательных трансформаций инициального текста в текст-ответ, происходящих в процессе речекommunikативной деятельности коммуникантов.*

Любой текст, созданный в процессе взаимодействия коммуникантов в ДФ ИК, обладает обращенностью – «всеобщей предназначенностью высказывания своему потенциальному адресату» [Митрофанова, 2009, с. 9] – одной из категорий, через которые реализуется интерактивная функция текста («осуществление знакового управления деятельностью адресата» [Сидоров, 2009, с. 138]). Создавая текст, говорящий «...не может не принимать во внимание фигуру адресата, который <...> определяет цель любого коммуникативного акта» [Чернышова, 2009, с. 11]. Наличие эксплицитно выраженного обращения в тексте позволяет выделить тип текста *текст с обращением* [Шмаков, 2013а, с. 139], обладающий специфическим характером бытия в коммуникативном пространстве.

В ИК адресат не представлен реально, но и не является воображаемым, а присутствует «здесь и сейчас» через текст ответной реплики, таким образом, ИК характеризуется изменением пространственно-временных представлений, связанным с «виртуальностью» пространства коммуникации. В силу того, что в ИК не используются невербальные средства коммуникации, позволяющие выделить адресата, обращение имеет фундаментальную ценность для текста в ИК. Для исследования бытия текста требуется уловить момент «сопряжения» сознаний коммуникантов, в который происходит трансформация *инициального текста в текст-ответ*. Данная задача представляется нам решаемой при помощи исполь-

зования *методики коммуникативного моделирования бытия текста* (подробнее о данной методике см.: [Шмаков, 2013б]).

Коммуникация в интернет-среде носит не только конструктивный, но и деструктивный характер. Согласно определению, данному в «Этнопсихологическом словаре», *девиантными* называются «отклоняющиеся от общепризнанных норм социальные действия, поступки людей или групп, приводящие к нарушению этих норм и вызывающие необходимость соответствующего реагирования со стороны социальной группы или общества в целом» [Этнопсихологический словарь, 1999]. Следовательно, если речевое поведение выходит за рамки норм, установленных в определенной коммуникативной среде, то его можно охарактеризовать как девиантное. Техническая опосредованность ИК накладывает определенные требования, нацеленные на формализацию коммуникации и имеющие своей целью сделать процесс коммуникации в сети более комфортным (а иногда и просто возможным). Таким образом, в рамках данной статьи *девиантная коммуникация* в ДФ ИК трактуется как *отклоняющееся от общепризнанных норм коммуникативное поведение, приводящее к нарушению этих норм и вызывающее необходимость соответствующего реагирования со стороны остальных участников коммуникативного акта*.

Девиантная коммуникация, реализующаяся в ряде коммуникативных стратегий «конфронтационного характера» (термин: [Третьякова, 2000]), является одной из предпосылок, ведущей к речекоммуникативному конфликту. О.Ю. Усачева, говоря о речекоммуникативном конфликте в ИК, отмечает, что «к числу конфликтогенных факторов в сетевой среде принадлежит в первую очередь фактор опосредованности коммуникации, подразумевающий ряд других конститутивных характеристик, таких как анонимность и безопасность речевых партнеров (вследствие их физической непредставленности), преобладающая равностатусность и неинституциональность общения и др.» [Усачева, URL]. Данные факторы в той или иной мере способствуют снятию целого ряда социокультурных и психологических ограничений, обычно налагаемых на речевое поведение в несетевой коммуникации. Сочетание данных стратегий и технических параметров коммуникативной среды определяет специфику бытия текста в девиантной коммуникации в ДФ ИК.

Далее рассмотрим модели бытия текста в условиях применения коммуникантами речевых тактик, специфичных для ДФ ИК, к числу которых обычно относят «флуд», «флейм» и «оффтоп» [Луговина, 2013; Усачева, 2005]. Перечисленные тактики составляют частные реализации такой стратегии девиантной коммуникации, как «троллинг», активно встречающейся в ДФ ИК.

На сегодняшний день еще не выработано единого понимания понятия «троллинг» (в дословном переводе с англ. trolling – «ловля рыбы на блесну»), однако, исходя из анализа эмпирического материала, можно сказать, что это вид девиантного поведения в ИК, выступающий в виде размещения в ДФ ИК текстов провокативного характера с целью нарушения процесса коммуникации и вызова негативной реакции со стороны партнеров по коммуникации. Особенно часто это проявляется в дискуссионных темах ИФ, блогов и социальных сетей. Так, в социальной сети «В Контакте» создаются группы, объявляющие своей целью осуществление девиантной коммуникации посредством троллинга и входящих в него коммуникативных тактик. Характерным представителем подобных интернет-сообществ является группа под названием «Вы все уроды!», члены которой размещают надпись «Вы все уроды» в других группах и на страницах других пользователей:

Открытая группа

Вы все УРОДЫ!

Описание: Реально я смотрю сплошные уроды!)))) Тусят здесь постоянно... сколько можно эц... целый час просматривал фотографии как в зоопарке... в жизни таких не видел... Все их можно внести как фотографии на тему "дегенераты". Где вы такие беретесь!!? Я вас спрашиваю))))) И почему вас так много?! В шоке... Ктонибудь убейте вас! От безысходности... от общения с такими как вы создал эту группу! Профайл не удалить... хотя бы постебать! Help... freaks attack us!

Местоположение: Санкт-Петербург

Свежие новости

Категория обращенности во фразе «Вы все уроды!» выражена при помощи личного местоимения «Вы», автор использует местоимение «я» для экспликации собственной позиции: «Реально я смотрю сплошные уроды!)))). Это задает вектор коммуникации «от одного – многим». Далее в «Описании» группы (см. рис. выше) адресат никак не конкретизируется или специфицируется, указана лишь причина создания группы «от безысходности ... от общения с

такими как вы...». Наличие невербальных компонентов в тексте («»))» – смайлы, символизирующие улыбку) говорит о том, что автор иронизирует над своим адресатом, и данное высказывание не следует воспринимать как серьезное. Последнее высказывание приведено на английском языке «Help... freaks attack us!» (букв. «Помогите... фрики атакуют нас!») – это звучит как призыв о помощи.

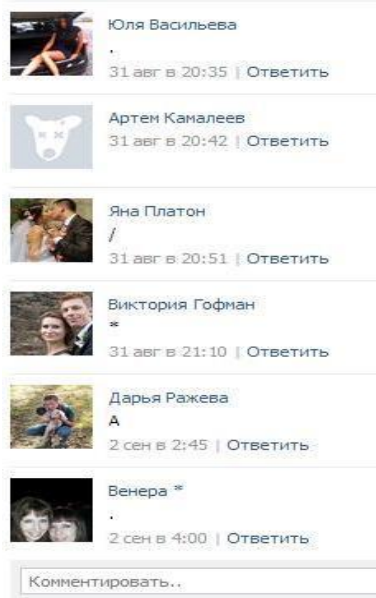
Хотя, на первый взгляд, кажется, что троллинг проникает в процесс коммуникации без видимых причин, последние кроются в реальной действительности, вне интернет-коммуникации. Всегда есть некая докоммуникативная ситуация противоречия между партнерами по коммуникации: имеющиеся разногласия в интересах, установках, целях, во взглядах и мнениях, актуализируемых в ходе общения.

Однако само по себе наличие противоречий между партнерами по коммуникации еще не вызывает речекоммуникативного конфликта. При обнаружении предпосылок девиантной коммуникации (в частности, провоцирующего инициального текста) выбор модели построения текста-ответа и результат коммуникативного акта зависят от избранной речекоммуникативной стратегии: кооперативной или конфронтационной. В ДФ ИК наблюдается тенденция к доминированию второй тенденции, что определяет специфику бытия текста с обращением, заключающуюся во «всплеске» текстов-ответов, построенных по модели девиантного инициального текста. Рассмотрим данные модели подробнее.

1. **Флуд** (от англ. flood – «наводнение») – это «поток сообщений, не несущий никакой смысловой нагрузки в отношении того контекста, в который он помещается, это «мусорный трафик», который вполне можно удалить без нарушения всего контекста» [Лутовинова, 2013, с. 22]. Для интернет-коммуниканта, оставляющего неинформативное сообщение, важно, чтобы его выделили среди остальных, заметили его неординарность (например, комментирование фотографий при помощи наборов букв или иных знаков), он хочет сделать так, чтобы его высказывания нельзя было не заметить, однако при этом они абсолютно не связаны с контекстом в смысловом отношении. Этот факт демонстрирует пример комментариев к фотографии, размещенной на одной из страниц социальной сети «В контакте»¹:

---

¹ https://vk.com/wall-30431255?offset=180&own=1&z=photo-30431255_309307208%2Falbum-30431255_00%2Frev

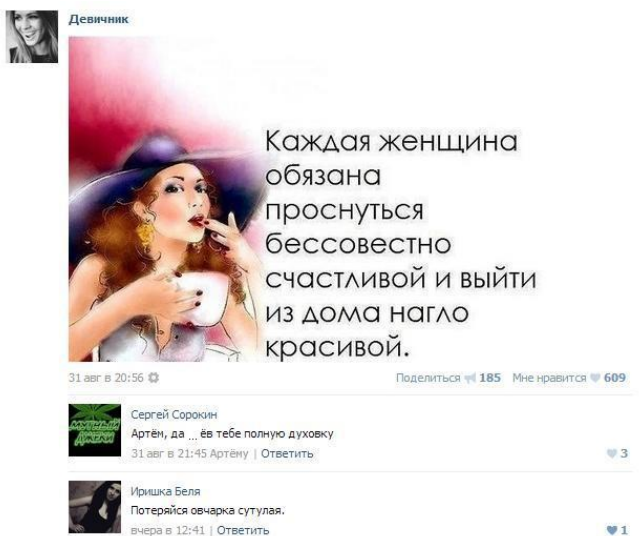

На приведенном выше рисунке отображены «комментарии» к фотографии, на которой изображены различные типы макияжа для глаз и имеется подпись «чарующий взгляд». Говорить о прогнозируемости бытия текста в данных коммуникативных условиях представляется невозможным. Поток информационно пустых сообщений имеет волнообразный характер: как только интерес к инициальному тексту проходит, он сразу прекращается. Все тексты построены по единой модели и содержат служебные графические знаки, которые нельзя однозначно интерпретировать в ситуации коммуникации: косую черту, точку, буквы алфавита и проч.

2. **Флейм** (от англ. flame – «пламя») является второй коммуникативной тактикой троллинга и, по определению О.В. Лутовиновой, представляет собой, во-первых, «грубое провокационное сообщение, направленное на разжигание ссоры, а также процесс этой ссоры, заключающийся в отходе от темы дискуссии, переходе на личности спорящих, использовании упреков и брани вместо аргументов, а во-вторых, трактуется как разговор с нулевой информативностью...» [Лутовинова, 2013, с. 21].

Флейм в пространстве ДФ ИК представляется своеобразной «коммуникативной борьбой», когда из множества коммуникантов, обсуждающих ту или иную тему в центр воображаемой «арены» выходят двое и начинают доказывать свое превосходство, используя при этом инвектив-

ную лексику, ненормативное словотворчество, невербальные средства (картинки и флеш-анимацию). Коммуникативные партнеры не склонны к прекращению конфликта, наоборот, доминирующим является стремление коммуникативно победить своего собеседника, следовательно, используется конфронтационная коммуникативная стратегия. Часто развитие коммуникативного акта данного типа прерывается действиями администратора или модератора интернет-ресурса: фрагмент коммуникативного акта, содержащий флеш, может быть удален, но некоторые сообщения остаются, при этом они не несут никакой информационной нагрузки, затрудняя понимание инициального текста. Так, в одной из групп социальной сети «В Контакте» читаем следующие комментарии к фото¹:

Сообщения от пользователя «Сергей Сорокин» адресовано коммуниканту по имени Артем², сообщение которого не отображено: возможно, оно удалено модератором. Кроме того, нельзя определенно сказать, кому адресовано сообщение «Потеряйся овчарка сутулая» от коммуниканта «Иришка Беля», поскольку оно содержит обращение-характеристику («овчарка сутулая»), а не обращение-индекс (имя собственное, кличка,

¹ https://vk.com/wall-30431255?offset=180&own=1&z=photo-30431255_309310661%2Falbum-30431255_00%2Frev

² В социальной сети «В Контакте» есть опция автоматического добавления обращения при комментировании в начале фразы.

ник-нейм или проч.), и может быть отнесено к любому потенциальному собеседнику. В правом нижнем углу каждого комментария есть кнопка в форме сердца – так называемый «лайк» – индикатор того, что сообщение понравилось другим пользователям. Данное средство интерфейса оказывает влияние на бытие текста, поскольку эксплицирует адресатов, воспринявших и положительно оценивших текст.

При использовании коммуникативной тактики «флейм» текст инициального сообщения быстро теряет свою актуальность, внимание коммуникантов переносится на диа- или полилог, разворачивающийся в комментариях.

3. Третьей коммуникативной тактикой троллинга в ДФ ИК является так называемый «оффтоп» (от англ. off topic – ‘вне темы’) – сознательное размещение сообщений, не соответствующих обсуждаемой в ДФ тематике. Бытие текста «оффтоповых» сообщений зависит от качества модерации (то есть мониторинга, редактирования и удаления сообщений, не соответствующих теме или нарушающих нормы общения) на интернет-ресурсе. Если форум или блог редко посещается пользователями и / или плохо модерруется, можно наблюдать следующее¹:

The screenshot displays three forum posts, each with a header containing the user's name, date, and message number. The posts are as follows:

- Post 1:** User: Draa LOVEr, Date: Четверг, 26.08.2010, 20:38 | Сообщение # 9. Content: что за честный сайт тогда кину ссылки про заработок В И-НЕТ))) оЮ http://www.wmmail.ru/index.php?ref=Skull_Head читай спам за ЛАБЕ
- Post 2:** User: 1224, Date: Понедельник, 21.02.2011, 21:10 | Сообщение # 9. Content: http://cash4img.ru/90/1931/
- Post 3:** User: Рома, Date: Среда, 30.03.2011, 21:35 | Сообщение # 10. Content: Предлагаю очень хороший сайт по заработку денег в сети... http://fitry.com/?ref=2150722

Each post also includes a sidebar with user information: Рядовой (rank), Группа: Пользователи (group), Сообщений: (number of messages), Репутация: 0 (reputation), and Статус: Offline (status).

Ветвь форума, на которой обсуждалось явление троллинга, со временем перестала обновляться, и в ней последовательно размещены несколько сообщений рекламного характера (заработок в Интернете),

¹ <http://fludwm.clan.su/forum/2-15-1>

не имеющих отношения к обсуждаемой теме. Сообщение подобного рода чаще всего используются интернет-мошенниками и представляют собой угрозу не только для коммуникативной, но и для финансовой безопасности коммуникантов.

Оффтоп создает помехи для бытия других ИТ, поскольку нарушает принцип ситуативной уместности коммуникации, при этом коммуниканты не могут найти нужную информацию.

4. Помимо трех рассмотренных выше коммуникативных тактик троллинга, имеющих открытый конфронтационный характер, имеется еще одна тактика, маскирующаяся под кооперативное коммуникативное поведение – **эльфинг** (от англ. elf – «эльф») – это «подвид троллинга, когда провокационные сообщения маскируются под положительные отзывы об одном или нескольких участниках обсуждения» [Полудина, 2011, с. 390]. Стратегии поведения эльфов озвучены в одном из сообщений в группе «Эльфинг»¹:

Тансия Спирова

Эльфы! Мы - полная противоположность троллям! Давайте писать с большой буквы, не пропускать знаки препинания, идеальная вежливость, и самое главное - без орфографических ошибок! Причем это надо поддерживать и в группе - вдруг тролли к нам зайдут?

30 авг в 14:36 | [Комментировать](#)

[Мне нравится](#)

Однако обозначенное в примере «пуристское» отношение к коммуникации в сети Интернет является потенциальным конфликтогенном, поскольку использование языка письменной коммуникации не уместно в рамках-интернет-общения. «Идеальная вежливость» и отсутствие орфографических ошибок не могут служить универсальным условием для достижения успеха в коммуникации. Таким образом, нарушение коммуникативного принципа уместности является помехой для бытия инициального текста с обращением в ДФ ИК.

Рассматриваемые в данной статье тактики девиантного коммуникативного поведения имеют общую природу и различаются лишь особенностями функционирования в акте коммуникации. Часто сами участники интернет-коммуникации смешивают рассматриваемые понятия (например, «оффтоп» и «флуд»). Так, на одном из интернет-форумов в теме «Жалобы», размещено следующее сообщение²:

---

¹ <http://vk.com/elfingband>

² <http://illuzion-chat.ru/forum/index.php?threads/Жалобы.66/>

Жалобы

Тема в разделе 'Жалобы и предложения', создана пользователем _lady_, 15 фев 2013.

Пишите жалобы, претензии (если они есть) - все обсудим и решим вместе!

lady, 15 фев 2013

Модератор форму приглашает коммуникантов обсудить созданные на форуме конфликтные ситуации и предотвратить возможные. В конце текстового сообщения расположен смайлик с широкой улыбкой, который подчеркивает призыв к открытой, кооперативной коммуникации. Соответственно, предполагается, что интернет-коммуниканты должны жаловаться на то, что их не устраивает на интернет-форуме, однако первым ответом является следующее сообщение:

если каждый кому не понравилось мое сообщение будет его комментировать, тогда я вообще отказываюсь что либо писать!

_ТП_, 5 апр 2013

Данное сообщение - сигнал о чрезмерно агрессивном характере дискуссии на форуме. Далее участники коммуникации отклоняются от темы жалоб (= «оффтоп») и начинают обсуждать личность пользователя _ТП_ и возможные причины его сообщения, поэтому от модератора приходит предупреждение, пресекающее коммуникативный акт:

НЕ ФЛУДИМ. Тема жалобы, есть на кого пожаловаться у вас?))

lady, 10 апр 2013

Итак, хотя модератор и неверно определил тактику девиантной коммуникации, он все же выполнил свои функции и предотвратил перерастание конфликтной акции в конфликтную интеракцию. Таким образом, от модератора требуется особая бдительность, беспристрастность и языковое чутье, чтобы не только предупреждать троллинг и защищать личную коммуникативную безопасность участников, но и пользоваться их доверием, обеспечивая легитим-

ность своих решений и тем самым – работоспособность ДФ ИК, а соответственно, и прогнозируемое бытие текстов в ИК.

Таким образом, коммуникативный акт девиантной коммуникации в ДФ ИК представляет собой сложно прогнозируемую коммуникативную структуру. В данном типе коммуникативного акта бытие текста носит «волнообразный характер»: инициальный текст вызывает большой интерес на короткое время, за которое создается множество текстов-ответов. В процессе разворачивания речевого акта в условиях девиантной коммуникации коммуникативный фокус перемещается с предмета обсуждения на характер обсуждения или личности коммуникантов, что соответствует целям основной стратегии девиантной коммуникации в ДФ ИК – троллинга – провоцирование собеседника на конфликт и, как следствие, конечный разрыв / прекращение коммуникации. Перспективы исследования заключаются в разработке рекомендаций по преодолению негативного влияния, оказываемого девиациями на процесс общения в диалогических форматах интернет-коммуникации.

Список сокращений

ДФ ИК – диалогические форматы интернет-коммуникации
ИК – интернет-коммуникация
ИТ – интернет-текст

Литература

- Бергельсон М.Б. Конструирование Адресата в условиях виртуальной коммуникации // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2004.
- Интернет-коммуникация как новая речевая формация. М., 2012.
- Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2013.
- Масленников И.С. Коммуникативное взаимодействие вопросно-ответного диалога как неотъемлемого компонента диалогического дискурса // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство: зб. наук. праць. № (1) 35. Луганськ, 2012.
- Митрофанова Т.А. Обращенность как прагмалингвистический феномен в институциональном дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Полудина В.П. Информационный шум в Интернете как проблема потребления коммуникации // Общество потребления: социальные и культурные основания. 2011. Т. XIV. № 5 (58).
- Селютин А.А. Форум как жанр виртуального общения // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9.
- Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М., 2009.

Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2 : русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

Усачева О.Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/UsachevaO/UsachevaO.pdf> (дата обращения 12.10.2013)

Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2009.

Чувакин А.А. К проблеме сущности текста // Русский язык : исторические судьбы и современность. М., 2004.

Чувакин А.А. Текст как объект исследования современной филологии // Текст в коммуникативном пространстве современной России. Барнаул, 2011.

Шмаков А.А. Коммуникативная сущность обращения как компонента текстов диалогических форматов интернет-коммуникации // Филология и человек. 2013а. № 1.

Шмаков А.А. Коммуникативное моделирование как методика изучения бытия текста с обращением в интернет-коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2013б. № 4 (41),

Этнопсихологический словарь. М., 1999.

ВЕРБАЛЬНО-АВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗНАМЕНИТОСТЬ» В ЮВЕНАЛЬНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В.Г. Беседина

Ключевые слова: ювенальный медиатекст, вербально-авербальный, концепт, знаменитость.

Keywords: teen mediatext, verbal / non-verbal, concept, celebrity.

В последние годы в связи с возрастающей ролью масс-медиа в жизни общества в исследованиях в области психолингвистики и когнитивной лингвистики уделяется значительное внимание изучению влияния различных типов медиатекстов на сознание индивида (Абашина 1999, Киосе 2002, Пименова 2005, Рогозина 2003, Любимова 2006, Леонтьев 2008, Кайгородова 2012, Маркина 2010 и др.). Исходя из того, что роль СМИ в формировании сознания индивида особенно велика в подростковом возрасте, возникает необходимость исследовать ювенальный медиатекст как тип медиатекста, ориентированный на подростков как особую социально-ментальную группу.

К одной из категорий знания, репрезентируемого в ювенальном медиатексте, может быть отнесено знание о знаменитостях, в

силу высокой степени востребованности которого представляется актуальным исследовать концепт «знаменитость» и специфическую роль его репрезентантов в ювенальном медиатексте.

В то время как моделирование поведения свойственно индивиду на любом этапе жизненного цикла [Бандура, 2000, с. 40], в детстве в качестве образца для подражания выступают взрослые из ближайшего окружения ребенка, а объектом имитации является ежедневно наблюдаемое поведение, базовые навыки, необходимые в быту. В подростковый период в ходе формирования самосознания наиболее ярко выражена потребность в подражании некоему идеалу, и для подростка часто таким идеалом становится кто-то из его расширившегося по сравнению с детством «жизненного пространства». Важным представляется понимание К. Левиным «жизненного пространства» как фрагментов социальной среды, которые отражены в сознании человека и на которых основывается его поведение [Шкуратова, 2007, с. 167].

В условиях медиатизации сознания подростка медиаобразы знаменитостей становятся частью его жизненного пространства и выполняют определенные функции, одной из которых является функция ролевого моделирования. Выбор подростком знаменитости в качестве ролевой модели неслучаен и обусловлен его представлением об идеале. С.Л. Рубинштейн указывает, что идеал – это образ, воплощающий наиболее ценные человеческие черты (цит. по: [Мизина, 2008, с. 2]). СМИ, ориентированные в качестве целевой аудитории на подростков, репрезентируют знаменитостей как «определенные воплощения идеала» (цит. по: [Мизина, 2008, с. 2]) для своих реципиентов, создавая предпосылки для их имитации в качестве кумиров.

Помимо ролевого моделирования, знаменитости в подростковом сознании выполняют функцию псевдоинтеракции, выступая в роли «псевдодрузей» [Vince, 2004]. Еще в 1968 году Э. Эриксон указывал на тенденцию молодых людей формировать привязанность к знаменитостям, подобную привязанности к друзьям и членам семьи [Erickson, 1968]. Д. Кофи отмечает, что такая привязанность формируется как следствие псевдоинтеракции, или многократного восприятия индивидом знания о знаменитости, становящегося все более и более доступным благодаря его репрезентации в разных формах СМИ [Caughy, 1984, с. 22]. Э. Кэшмор использует термин «парасоциальное общение» для описания того же явления, а именно, особого одностороннего общения индивида со знаменитостью

посредством текстов СМИ [Cashmore, 2006, с. 80]. Знание, получаемое читателем-подростком в процессе такого специфического общения, из-за сформировавшейся привязанности к медиаобразу «звезды» встраивается в ментальную схему «свой мир», переходя, таким образом, «из внешнего, чужого ... в своего рода внутреннее» [Третьякова, 2000, с. 113].

Кроме того, некоторые ученые указывают, что интерес подростков к знаменитостям способствует успешной социализации: исследование Дж. Малтби и Д. Джилса обнаруживает, что школьники в возрасте 11-16 лет, которые следят за жизнью знаменитостей, наиболее популярны среди сверстников (цит. по: [Vince, 2004]). Примерно для 30% опрошенных авторами английских подростков значительную часть времени общения со сверстниками занимает обсуждение деталей из жизни знаменитостей. Исходя из этого, Д. Джилс считает расширение общения главной из функций, выполняемых знаменитостями в жизни подростка (цит. по: [Vince, 2004]).

Таким образом, знаменитости обладают особой значимостью для подростков ввиду выполняемых ими функций ролевого моделирования, псевдоинтеракции и расширения общения. Исходя из этого закономерно предположить, что концепт «знаменитость» занимает особое место в концептосфере представителей этой возрастной группы. Для верификации выдвинутого предположения нами проведено исследование степени представленности концепта ЗНАМЕНИТОСТЬ в ювенальном медиатексте, для чего были изучены полученные путем сплошной выборки 553 медиатекста ведущих американских («Yes», «J-14», «Seventeen», «TeenVogue») и российских журналов для подростков («ElleGirl», «Bravo») с целью обнаружения в них репрезентантов данного концепта.

Ввиду того, что концепт в медиатексте овнешняется не только вербальными, но и авербальными средствами, в качестве репрезентантов концепта «знаменитость» нами рассматривались наряду с вербальными и авербальные элементы, представленные фотографиями знаменитостей. Исследование показало, что хотя доля медиатекстов, содержащих репрезентанты концепта «знаменитость», значительно варьируется от издания к изданию, – от 23% в журнале «Yes» до 93% в «J-14», – в среднем она составляет более половины всех включенных в выборку медиатекстов (рис. 1).

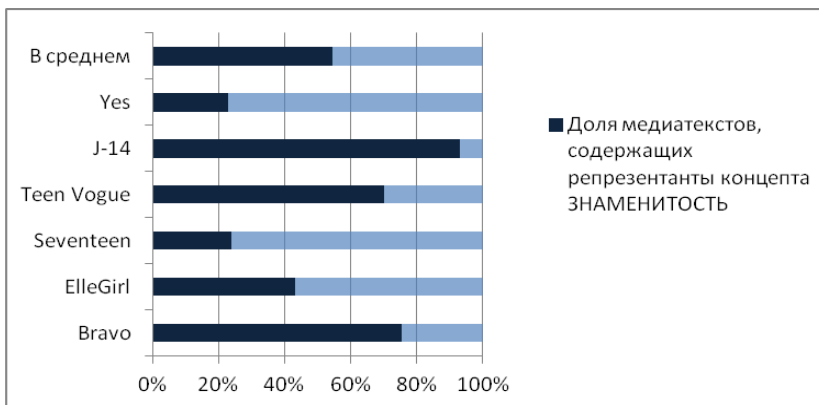

Рис. 1 Степень репрезентированности концепта ЗНАМЕНИТОСТЬ в ведущих российских и американских ювенальных медиаизданиях

Представленные результаты исследований свидетельствуют не только о востребованности знания о знаменитостях подростками, но и об особой природе концепта «знаменитость». Вслед за В.И. Убийко, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, Л.Ю. Димитренко и другими исследователями, мы считаем возможным разграничение концептосферы языка на ментальные образования разного уровня сложности, в том числе макро- и микроконцепты [Убийко 2004; Димитренко 2005; Попова, Стернин, 2007]. На наш взгляд, суть особой природы концепта «знаменитость» заключается в том, что он представляет собой макроконцепт, структура которого включает в себя ряд микроконцептов, фиксирующих знание о конкретных знаменитых личностях. При этом имя такого микроконцепта, входящего в макроконцепт «знаменитость», будет совпадать с именем соответствующей известной (медиа) персоны.

На основании вышесказанного представляет интерес рассмотреть, каким образом входящие в состав макроконцепта «знаменитость» микроконцепты задействуются для представления знания наряду с другими концептами, овнешняемыми в ювенальном медиатексте, на примере концептов «знаменитость» и «внешний вид» в медиатексте из журнала «BravoGirl» (№ 11/2010, рис. 2).

В первую очередь в графическом пространстве исследуемого медиатекста обращают на себя внимание его центральные элементы: заголовок «Само очарование!» и крупный фотоснимок девушки-подростка. На фотографии изображена героиня популярных фильмов о

Рис. 2 Медиатекст «Самое очарование!»

Гарри Поттере Гермиона Грейнджер, которая после выхода фильма стала образцом для подражания для сотен тысяч подростков. Заголовок «Самое очарование!» акцентирует внимание на ее внешней привлекательности, обозначая, какого рода знание предлагается читателю в медиатексте. Тем самым посредством вербального репрезентанта концепта «внешний вид» происходит генерирование новых смыслов фотографии, репрезентирующей концепт «Гермиона», входящий в структуру макроконцепта «знаменитость».

Подобное взаимодействие двух концептов обнаруживается и на периферийном уровне медиатекста, представленном семью фрагментами, названия которых репрезентируют концепт «внешний вид»: «Гладкая прическа», «Красивые зубы», «Длинные волосы», «Зелье красоты» и др. Можно сказать, что заголовки отражают слагаемые красоты, к которой стремятся подростки и которая, согласно медиатексту, есть у Гермионы: во всех фрагментах ей отводится ведущая роль в представлении рекомендуемых моделей поведения по улучшению внешнего вида. Рассмотрим один из них (рис. 3).

Так же, как и в случае с центральным элементом медиатекста, внимание читателя в первую очередь привлекает авербальный компонент рассматриваемого фрагмента, а точнее, та его часть, где изображена зна-

менитость. Это изображение является кадром из фильма «Гарри Поттер и Кубок огня».

Рис. 3 Фрагмент медиатекста «Само очарование!»

Подпись к кинокадру «На Святочном балу Виктор Крам не мог *налюбоваться красотой* своей спутницы» (курсив мой. – В.Б.) фокусирует внимание читателя на внешности Гермионы, а подзаголовок «Гладкая прическа» – на том, как выглядят на снимке ее волосы. Тем самым продюцент «выстраивает мост», переводя внимание читателя от знаменитости в целом к ее внешности. Подобный способ репрезентации знания мы находим и в текстовом блоке фрагмента (рис. 4).

Отправляясь на Святочный бал в компании Виктора Крама, Гермиона позаботилась о своих непослушных волосах и с помощью зелья «Глянцглада» уложила их в блестящий, гладкий, элегантный узел на затылке. Но, возвращаясь домой в семью маглов, она не перестает ухаживать за прической. Для того чтобы сделать волосы гладкими и послушными, она использует отвары из трав. Один из рецептов: смешай 1 столовую ложку шалфея с 50 мл уксуса и залей 400 мл воды. Продержи полученную жидкость на огне в течение 20 минут, затем процеди и прополоскай отваром волосы – они станут блестящими и здоровыми. А гладкими и послушными их сделает обычный отвар из ромашки, который к тому же придаст волосам золотистый оттенок. Главное – не лениться и делать это регулярно!

Рис. 4 Текстовый блок фрагмента «Гладкая прическа»

Приведенный фрагмент начинается с представления прецедентного знания о Гермione, в том числе с описания ее внешности на основе прецедентного текста, согласно которому волосы Гермione действительно были непослушными, и для Святочного бала она уложила их в «блестящий, гладкий, элегантный узел». Далее продуцент сознательно модифицирует прецедентный текст, заявляя, что Гермione «не перестает ухаживать за прической» и «использует отвары из трав». Тем самым в имеющееся у читателя знание о знаменитости, в частности, о ее внешности, продуцент вводит новое знание, исходящее от него самого.

Становится очевидным, что текст строится по принципу перехода от описания внешнего вида знаменитости («Гермиона позаботилась о своих непослушных волосах и <...> уложила их в <...> узел на затылке») и исходящих от продуцента секретов ее красоты («не перестает ухаживать за прической... делает отвары из трав») к алгоритму действий, который в комплексе составляет модель поведения («смешай... залей... поддержи...»). Следует подчеркнуть, что рекомендуемая продуцентом схема ухода за волосами (если прополоскать отваром волосы, то «они станут блестящими и здоровыми») преподносится как исходящая от самой Гермione.

В совокупности описанные выше способы представления знания можно рассматривать как инструменты сложного процесса переструктурирования концепта «внешний вид» через концепт «Гермиона». Условно разделив этот процесс на два этапа, можно наглядно представить каждый этап в виде схемы (рис. 5,6). На первом этапе продуцент на основе имеющегося у реципиента прецедентного знания «достаивает» концепт «Гермиона», добавляя новые фрагменты знания, связанные с внешностью знаменитости (рис. 5).

Рис. 5 Модификация концепта «Гермиона» посредством медиатекста «Само очарование!»

В частности, в структуру концепта «Гермиона» включается компонент «предметное содержание», конституируемый глаголами, обозначающими действия по уходу за внешностью. Используемая временная форма глаголов относит представленную в медиатексте модель поведения Гермионы к категории регулярно повторяющихся действий в настоящем, что дополнительно «приближает» ее к читателю и соответствует избранному продуцентом способу репрезентации Гермионы не просто как героини фильма, чьи действия ограничиваются рамками прецедентного текста, а как знаменитости, история которой, по выражению Л.В. Татару, не имеет «последней главы» и может дополняться новым знанием [Татару, 2010, с. 59]. Акцентируя внимание на действиях знаменитости по уходу за внешностью, продуцент задает основу для дальнейшего воздействия на сознание реципиента, уже исходя из нового, модифицированного образа Гермионы.

На втором этапе происходит модификация концепта «внешний вид» введением в него нового знания о средствах ухода за внешностью, имплицитно исходящими от знаменитости (рис. 6).

Рис. 5 Модификация концепта «внешний вид» через концепт «Гермиона»

В то время как в начале медиатекста продуцент делает акцент на внешности Гермионы, позиционируя ее как эталон или идеал, здесь он, используя последовательность из нескольких императивов (*смешай... залей... проведи...*), представляет реципиенту конкретную схему поведения для достижения соответствия предложенному эталону. При этом связь с эталоном выстраивается за счет дублирования репрезентантов, структури-

рующих и концепт «Гермиона», и концепт «внешний вид» (*блестящий / блестящими, гладкий / гладкими, отвары из трав / отвар из ромашки*).

Предложенные схемы позволяют увидеть, что представляя знание о том, как девушка-подросток может улучшить свой внешний вид, продуцент отталкивается от имеющегося в ее сознании образа знаменитости и модифицирует его. Иными словами, в ювенальном медиатексте обнаруживается специфический механизм репрезентации концептов, который более всего воздействует на подростков: введение фрагмента нового знания, в данном случае, относящегося к внешности реципиента, через имеющееся у него знание о знаменитости. Поэтому концепт «знаменитость» в медиатексте выполняет роль своеобразного «троянского коня», которая заключается в переводе знания, связанного с концептом «внешний вид», из категории «чужое» в категорию «свое», что позволяет продуценту элиминировать защитные барьеры, имеющиеся в сознании читателей.

Таким образом, проведенное исследование указывает на специфическую роль концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте – роль особого рода *посредника*, или *медиатора* при формировании других концептов, репрезентируемых в ювенальном медиатексте. Для получения более полного представления о роли концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте представляется необходимым в дальнейшем рассмотреть его во взаимодействии с другими концептами.

Литература

- Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2000.
- Димитренко Л.Ю. Макроконцепт «Mouvement» во французской языковой картине мира : структура и лексическая объективация. Воронеж, 2005.
- Мизина Н.Н. Идеалы и кумиры современной молодежи : психологический анализ проблемы // Сборник науч. трудов СевКавГТУ, 2008. Вып. 6.
- Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Татару Л.В. История знаменитостей как новый феномен массовой культуры // Филологические науки. 2010. № 5-6.
- Третьякова Г.Н. Ментальная схема «свой мир» // Методология исследований политического дискурса. Минск, 2000. Вып. 2.
- Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник ОГУ. 2004. № 5.
- Шкуратова И.П. Личность и ее жизненное пространство // Социальная психология личности. М., 2007.
- Cashmore E. Celebrity Culture. Taylor&Francis, 2006.
- Caughy J.L. Imagining social worlds: A cultural approach. Lincoln, 1984.
- Vince G. Celebrity «friends» key in teen development. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newscientist.com/article/dn4728-celebrity-friends-key-in-teen-development.html>

ИСТОРИЯ ИМЕНИ КОНЦЕПТА «СЕМЬЯ» (XI–XXI ВЕКА)

Д.В. Жигулина

Ключевые слова: концепт, лексема «*семья*», семантика, славянские тексты.

Keywords: concept, lexeme «*family*», semantics, Slavonic texts.

Концепт «Семья» является одним из значимых в русской национальной концептосфере, так как родственные связи являются для человека непреходящей ценностью. В X–XI веках, на переходном этапе от язычества к христианству, концепт находился в стадии становления, и потому представляет интерес для исследователя. В текстах X–XI веков встречается немало лексем и устойчивых словесных комплексов, имеющих отношение к семейной жизни средневековых славян, что свидетельствует о том, что семья была для них неотъемлемой частью бытия.

Название лексико-фразеологического поля языковых единиц, вербализующих концепт «Семья» в древних славянских памятниках – лексема *śmi*. Однако слово *śmi* не встречается ни в одной из славянских рукописей X–XI веков. Тем не менее, отсутствие лексемы в древних текстах не отрицает ее существования в системе языка [Цейтлин, 1994, с. 9]. Косвенными доказательствами наличия этой лексемы служат данные этимологических и исторических словарей.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера отмечено, что слово *śmi*, имеющее в древнерусском языке значение ‘челядь, домочадцы, семья; муж, жена’, является суффиксальным производным от старославянского *śmь* – ‘личность, лицо, человек’. М. Фасмер приводит соответствия русскому слову *семья*, обнаруженные в других языках. Так, указано, что русское *семья* ‘родственно лит. *seima*, *seimyna* – ‘челядь’, лтш. *saime* – ‘семья, домочадцы’, др.-прусск. *seimins* – ‘челядь’» [Фасмер, т. 3, 1971, с. 600]. По замечанию О.Н. Трубачёва, «славянское *semya* восходит к обозначению территориальной общности, ср. знач. родственного *sybьr*, *seŕbъ и исходное и.-е. *kei – ‘лежать’». Об этом же свидетельствуют соответствия в гот. *haims* – ‘селение’, д.-в.-н. *heim* – ‘родина’, греч. *χῶμη* – ‘селение’ [Фасмер, т. 3, 1971, с. 600]. Итак, судя по данным «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, у слова *семья* можно выделить исходное значение ‘люди, живущие на одной территории’.

Б.А. Ларин, приводя соответствия русскому слову *семья* в балтийских языках, выделяет его древнейшее значение ‘большая семья,

задруга', то есть общность, куда входили только родственники. По мнению ученого, в этом значении отразились пережитки родоплеменного строя, при котором люди жили, объединившись в семейные кланы. Только самого слова *сѣмь*" тогда еще не существовало. Вместо него употреблялось слово *родь*. С зарождением хозяйственных связей появляется слово *сѣмь*", имеющее значение 'челядь, слуги, домочадцы'. Под *семьей* понимали всех, живущих в одном доме, как родственников, так и слуг [Ларин, 2002, с. 260]. Именно это значение лексемы стали отмечать этимологические и исторические словари в качестве первого, хотя многие историки языка склонны считать его вторичным.

В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных указано, что слово *сѣмь*" встречается в древнерусском языке в значении 'челядь, домочадцы, рабы' с XI–XII веков [Черных, т. 2, 1999, с. 154]. Слово *семья* известно не только русскому языку, но и другим славянским языкам. Так, словарь отмечает укр. *сім'я* (чаще родина), блр. *сям'я*, болг. *семејство*. В других славянских языках данная лексема отсутствует, однако в том же значении встречается в с.-хорв. *породица*, словен. *družina*, чеш. *rodina*, польск. *rodzina*, что также подтверждает исходное значение лексемы *семья*, выделенное в словаре М. Фасмера. Для сравнения с русским словом *семья* П.Я. Черных приводит этимологически родственные слова из других языков: др.-исл. *heimr* – 'жилье, мир, вселенная' др.-англ. *hām* – 'дом, жилище', др.-греч. *χεῖμα* – 'лежу, покоюсь'; м.б. др.-инд. *saṃyā* – 'диван, ложе, отдых' [Черных, т. 2, 1999, с. 154]. Итак, судя по данным «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П.Я. Черных, понятие семьи связано с представлением о собственном жилище, где можно обрести покой. Кроме того, семья – это маленький мир, в котором можно укрыться от проблем и получить поддержку близких.

В «Этимологическом словаре современного русского языка» А.К. Шапошникова отмечено, что русское слово *семья* восходит к и.-е. корню **k'eimo-*, **k'oimo-* со значением 'большесемейный дом; подворье; покой, где вместе спят' [Шапошников, т. 2, 2010, с. 315]. Итак, в структуре слова *семья* присутствует семантический компонент, связанный с представлением о доме, в котором живут близкие люди. Шапошников указывает, что лексема *сѣми*" в значении 'семейство, домочадцы, челядь, рабы' известна в древнерусском и старорусском языке в XI–XVII веках [Шапошников, т. 2, 2010, с. 314].

Со временем слово *семья* претерпевает некоторые изменения. Истоки лексемы можно обнаружить в древних памятниках общего для

славян литературного языка, лексический фонд которого отражен в исторических словарях соответствующего периода. Однако в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» и в «Старобългарском речнике» слово *сѣми* отсутствует. Это можно объяснить тем, что источниками для Старославянского словаря 1994 года послужили 18 дошедших до нас классических старославянских рукописей, которые не охватывают весь словарный состав старославянского языка. Источниками «Старобългарского речника» являются 12 глаголических и 9 кириллических памятников X–XI веков, а также многочисленные древнеболгарские надписи того же периода, однако и они не в полном объеме представляют лексический фонд старославянского языка.

Лексема *сѣми* встречается в ранних древнерусских памятниках. Она отмечена в «Материалах к словарю древнерусского языка» И.И. Срезневского. В качестве первого значения им представлено ‘че-лядь, домочадцы, рабы’. С такой семантикой слово *сѣми* употреблено в «Толкованіях на книгу пророка Іезекііля, по сп. XV века, скопированному съ рукописи Упыря Лихого 1047 года»: «Елада и ближняя страны ея сѣміѡ и съсуды приношааху» [Срезневский, т. 3, ч. 1, 1989, с. 893]. Это косвенно подтверждает существование в языке славян X–XI веков лексемы в значении, зафиксированном авторитетными этимологическими словарями.

В качестве второго значения слова *сѣми* Срезневский называет ‘семья, семейство’. Используется лексема в «Повѣсти Кирилла Туровскаго къ Василию, игумену Печерскому», памятнике XII в.: «Спону имуть къ спасенію семью и домъ» [Срезневский, т. 3, ч. 1, 1989, с. 893]. Это свидетельствует о том, что второе значение у лексемы уже сформировалось к XII веку. К такому выводу приходит и Б.А. Ларин. Он пишет, что «в древнерусском языке широко отражалась до конца XIV века старославянская традиция (значение ‘рабы, челядь’), но наряду с нею с XII в. засвидетельствовано и второе, собственно русское значение ‘семейство, родственники» [Ларин, 2002, с. 260]. Появление второго значения, видимо, было связано с тем, что постепенно в славянские семьи стали принимать новых членов, а это размывало границы семей. Со временем возникла необходимость четко обозначить входящих в их состав людей. Семей стали называть лишь близких родственников.

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» первое значение слова *сѣмья* описывается как ‘челядь, домочадцы, рабы’. Употребление лексемы в этом значении отмечено в памятнике XII века «Златоструй»: *«Кажи и дѣти, да будутъ подативы, ти како аще приплочеть, режъши*

сѣмья множество, злато и сребро, то како мощьна буду на съблюденіе тому, а не имѣющи мужьня заступа» [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59]. Памятники XII–XVII веков свидетельствуют, что хозяином дома в славянских семьях был мужчина, а вся семья должна была ему подчиняться.

Вторым значением слова сѣмья, судя по «Словарю русского языка XI–XVII веков», является ‘семья, семейство’. Лексема с таким значением использована в тексте XIV века, «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси»: *«Дали с(вя)тѡи Б(огороди)ци дому 9 земель бортных, а 5 погостѡвъ: Пѣсочна, а в неи 300 сѣмьи, Холохолна, а в неи полтора(с)та сѣмьи, Заячины, а в неи 200 сѣмьи»* [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59]. В.В. Колесов отмечает, что «в деловом языке Древней Руси до начала XV века слово *семья* стало употребляться в новом значении ‘группа близких родственников (муж, жена, родители, дети)’, не включая слуг [Колесов, 1986, с. 40].

Впервые в «Словаре русского языка XI–XVII веков» лексема сѣмья отмечена в значении ‘семья, хозяйство как единица учета и налогообложения населения’. В данном значении она представлена в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей», датированных XIV веком: *«Да дастъ моя княгини моимъ дочеремъ из моихъ холоповъ по пяти сѣмьи, а опроче того, вси холопи мои на слободу и съ женами и с дѣтми»* [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59].

Третьим значением слова сѣмья, развившимся, судя по «Словарю русского языка XI–XVII веков», к XVI веку, является ‘жена, супруга’. О существовании данного значения свидетельствуют и материалы «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, согласно которым родственные по происхождению слову *семья* др.-верх.-нем. *hīwo* и *hīwa* имеют значения ‘супруг’ и ‘супруга’ соответственно. В этимологическом словаре также отмечено, что слово *семья* в устном народном творчестве употребляется в значении ‘жена’ [Фасмер, т. 3, 1971, с. 600]. Лексема сѣмья с такой семантикой употреблена в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, 1533–1560 годов»: *«А здѣся, господине, сѣмья твоя и сынъ твой <...> поздорову, и даль богъ, княгиню твою богъ простилъ, родила дочерь»* [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59].

Четвертое значение, приобретенное словом сѣмья к XVI веку, – ‘группа единомышленников, соратников’. В таком значении лексема отмечена в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею, 1508–1521 годы»: *«Да учили мнѣ говорити: нынѣча есмь дѣлали дѣло государя <...> всѣ трое насъ*

заодинъ, что былъ государю нашему великому князю не слуга Абды-Рахманъ князь, намъ былъ онъ не **семья**» [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59]. По замечанию Б.А. Ларина, «такое специфическое употребление слова *семья* в языке приказных дьяков и подьячих (московской бюрократии) продержалось лишь до второй половины XVII века, судя по имеющимся <...> материалам» [Ларин, 2002, с. 260].

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» у лексемы *сѣмья* также зафиксировано значение ‘монастырская братия, монахи одной обители’. Слово с такой семантикой используется в «Монастырских приходно-расходных книгах», написанных Болдином Дорогобужским в XVI веке: «*Купилъ въ вотчину въ подмосковную котель желѣзной, шти варить на **семью***» [СлРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000, с. 59].

С конца XVIII в. семантика лексемы *семья* заметно сужается. Так, в «Словаре Академии Российской 1789–1794 годов» данное слово помещено с одним только значением: ‘мужъ, жена и дѣти вмѣстѣ взятые’. В словаре зафиксирована лексема *семеѣство*, имеющая значение ‘вообще въ одномъ домѣ живущіе и родствомъ соединенные’ [САР, т. 5, 2005, с. 419]. Семантика лексемы *семеѣство* является более широкой, чем семантика лексемы *семья*, поскольку включает в себя представление о большем числе родственников, живущих под одной крышей, нежели только супруги и их дети. В целом, в семантической структуре слова *семья* в конце XVIII – начале XIX века удерживается представление о брачном союзе, который являлся основанием для создания «ячейки общества».

В XX веке лексема *семья* расширяет свою семантику. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» у нее зафиксировано 4 значения, среди которых первым представлено ‘группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т.п.), живущих вместе’ [ССРЛЯ, т. 13, 1962, с. 637]. Как переносные в словаре отмечены значения: ‘о группе, организации людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами’ и ‘совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений’. Лексема *семья* в XX веке, согласно материалам словаря, употребляется и в том случае, когда речь идет о группе животных, растений, а также родственных языков. Кроме того, у слова также зафиксировано значение ‘род, поколение’ [ССРЛЯ, т. 13, 1962, с. 638].

В начале XXI века, судя по данным «Большого толкового словаря русского языка», лексема *семья* сохраняет значения, приобретенные ею в XX веке. Однако значение ‘род, поколение’ исчезает [БТС, 2000, с. 1175].

Итак, со времени появления лексемы *семья* в языковой системе ее семантическая структура подверглась некоторым изменениям. В частности, у нее развилось несколько значений, в том числе переносных. Тем не

мене, в своем первом значении слово *семья* сохраняет представление о группе родственников, живущих вместе. Это подтверждает и Б.А. Ларин: «<...> будучи перенесено на новую социальную формацию, на малую семью, это древнее значение ('коллектив родни') сохранилось и поныне в русском литературном языке и в большинстве диалектов» [Ларин, 2002, с. 261].

Литература

- БТС 2000 – Большой толковый словарь русского. СПб., 2000.
Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
Ларин Б.А. Из истории слов (*лютый зверь, семья, кавардак*) // Современный русский язык : Лексикология. Фразеология. СПб., 2002.
САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6-ти тт. М., 2005 Т. 5.
СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 2000. Вып. 24.
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти тт. М; Л., 1962.
- Т. 13.
Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка : в 3-х тт. М., 1989. Т. 3. Ч. 1.
Старобългарски речник : в 2-х тт. София, 1999.
Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : около 10000 слов. М., 1994.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х тт. СПб., 1996. Т. 3.
Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2-х тт. М., 1999.
- Т. 2.
Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка : в 2-х тт. М., 2010. Т. 2.

К ОПЫТУ КЛАССИФИКАЦИИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

О.В. Никулина

Ключевые слова: термин, экстралингвистический фактор, диахрония, метонимия, заимствование.

Keywords: term, extra-linguistic factor, diachronic development, metonymy, loan word.

Современные лингвистические исследования невозможно представить без изучения эволюции языка, учета развития его фонологической, морфологической, синтаксической системы и лексической составляющей. Среди отечественных лингвистов проблемами диахронического анализа лексических единиц занимались А.Н. Амосова,

М.Н. Лапшина, Е.А. Нильсен [Нильсен, 2012], И.Б. Руберт [Руберт, 1995], Л.П. Чахоян и многие др. Следует отметить, что вслед за И.Б. Руберт, под диахроническим подходом мы понимаем «исследование эволюции лингвистического явления на протяжении различных этапов его становления и развития, охватывающего различные исторические периоды» [Руберт, 1995, с. 14].

Одной из главных задач диахронического подхода является изучение лексических изменений или лексической вариации слов. Безусловно, изменения в языке не могут быть адекватно поняты и описаны без учета социальных факторов, которые оказывают влияние и на развитие, и на характер функционирования языка. Наибольшее влияние внешних социальных факторов ощущается на лексико-семантическом уровне, это такие факторы, как: социальный, научный, технологический прогресс, изменения в социально-исторических условиях жизни языкового коллектива [Лапшина, 1998, с. 35]. Яркой иллюстрацией этого утверждения М.Н. Лапшиной служит развитие терминов и терминосистем, так как терминология, особенно та ее подсистема, которая обслуживает социальную сторону жизни общества, позволяет рассмотреть вопросы соотношения языковых и неязыковых факторов более глубоко и на протяжении всего периода функционирования той или иной терминосистемы.

Наиболее пристально проблемы терминоведения рассматривались в работах таких известных лингвистов, как Г.О. Винокур, Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин, Т.Б. Крючкова, В.М. Лейчик, А.А. Реформатский, С.П. Хижняк и т.д. Под словом термин понимается «слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности» [Ярцева, 1998, с. 508]. А под терминологией мы имеем в виду, вслед за С.П. Хижняк, «совокупность взаимообусловленных лексических единиц, служащих для обозначения понятий какой-либо отрасли человеческого знания, которые в свою очередь образуют систему ее понятий. При формализованном описании такая совокупность лексических единиц предстает как терминосистема» [Хижняк, 1997, с. 6].

Следует выделить некоторые особенности, присущие терминологии на ранних этапах ее возникновения и развития. Как уже было сказано, состав «социально-обусловленных» терминосистем, к которым несомненно относится политическая терминосистема, обусловлен факторами экстралингвистического плана. Как пишет С.П. Хижняк, «на более ранних этапах существования политической терминологии, в эпоху феодальной раздробленности она не была

единой и в своем составе отражала различия в общественно-политическом строе разных земель. С течением времени, с развитием общества усложняются общественные отношения, усложняется и система понятий в связи с потребностями более полной их детализации» [Хижняк, 1997, с. 30].

Ведущая роль в изменении содержательной стороны слов принадлежит внеязыковым факторам, поскольку языковой фактор – изменение значений слов под влиянием их связи внутри языка, обусловливается в конечном итоге подвижностью понятий, возникновением все новых понятий, требующих языкового обозначения.

Рассмотрим наиболее интересные примеры политических терминов в древнеанглийском языке. В англосаксонской политической терминологии можно выделить несколько групп терминов.

Во-первых, это термины, обозначающие правителей, то есть короля, королеву или принца: *cyning* (король, правитель), *swen* (королева, женщина), *cynehlaford* (король, «королевский лорд» [Bosworth, 1898, с. 184]), *fruma* (король, правитель, главнокомандующий), *beoden* (король, главнокомандующий), *æpeling* (сын короля, принц), *bretwalda* (верховный король, «избираемый остальными англосаксонскими королями и аристократами» [Bosworth, 1898, с. 124]). Например, в Англосаксонской хронике король Эгберт упоминается как верховный правитель или Бретвальда:

Ond þy ilcan geare geode Ecgbryht cyning Miercna rice ond al þæt be suþan Humbre wæs, ond he wæs se eahteþa cyning seþe Bretwalda wæs [Helsinki corpus, URL].

And in the same year, king Ecgbryht conquered the kingdom of Mercians and everything south to Humber, and he was the eighth king who was a Bretwalda [Anglo-Saxon Chronicles, URL].

Также следует отметить группу терминов, характеризующих короля как дарителя колец (то есть ring-giver): *beahgifa* (даритель колец, браслетов, король или лорд), *goldgifa* (даритель золота или правитель), *maþungifa* (даритель богатства, король, главнокомандующий), *singifa* (даритель богатства, король или принц). Здесь следует отметить, что эти термины изменяют свои значения посредством метонимического переноса «даритель колец – король». Причем эта модель метонимии встречается не только в англосаксонских эпосах, но и в Англосаксонских хрониках:

Her Æpelstan cyning, eorla dryhten, beorna beahgifa, and his broþor eac, Eadmund Æpeling, ealdorlangne tir geslogon æt sæcce sweorda ecgum ymbe Brunanburh [Helsinki Corpus, URL].

In this year king Athelstan, lord of warriors, Ring-giver of men, with his brother prince Edmund, won undying glory with the edges of swords, in warfare around Brunanburh [Anglo-Saxon Chronicles, URL].

Особенно разнообразны термины, обозначающие правителя, лорда, военного лидера или англосаксонского феодала: *beorn* (аристократ, воин), *brega* (правитель, военный лидер), *brytta* (лорд, принц), *drihten* (правитель, лорд), *ealdor*, *aldor* (главнокомандующий, правитель), *ealdorfrea*, *ealdorwisa* (верховный лорд или правитель), *ealdorman* (альдорман, правитель, наместник, «аристократ, обладавший высоким социальным статусом и назначавшийся королем для управления широм» [Coredon, 2004, с. 143]), *eorl* (эрл, «аристократ высшего ранга; титул эрла появился в 11 веке во время скандинавского завоевания и вытеснил титул альдормана» [Bosworth, 1898, с. 227]), *frea* (лорд), *gereca*, *geræswa*, *gewyldor* (главнокомандующий, правитель), *heahealdorman* (главный альдорман, правитель), *hlaford* (лорд), *rica*, *ricsere* (правитель), *wealda* (правитель, главнокомандующий).

Отдельного внимания заслуживает группа терминов, обозначающих королевский трон: *bregostol* (королевский трон, королевские владения, королевство), *cynesetl*, *cynestol* (королевский трон, главный город, столица), *þeodenstol* (королевский трон, владения короля). Эти примеры также отражают продуктивную модель метонимического переноса, в данном случае «трон – королевство или столица королевства». Так, в англосаксонской поэме Беовульф говорится:

þær him Hygd gebead hord ond rice, beagas ond bregostol [Helsinki Corpus, URL].

there Hygd offered him treasure and the kingdom, rings and the throne [Beowulf, URL].

Следующая группа терминов характеризует королевские владения, королевство или страну: *cynedom*, *cuningdom* (королевство, государство), *cunerice*, *cuningrice* (королевство), *rice* (королевство, страна). Например, в Англосаксонских Хрониках идет речь о короле Эдмунде:

Ond Eadmund Æpeling feng to rice. Ond he wæs þa xviii winter [Helsinki Corpus, URL].

And prince Edmund succeeded to the kingdom and he was then eighteen years old [Anglo-Saxon Chronicles, URL].

Территориальное деление англосаксонских королевств также представляет интерес. Оно оязыковляется такими терминами, как: *hundred* (a hundred, сотня, «административный округ в составе шира,

обладавший собственным советом и судом» [Coredon, 2004, с. 191]), *læþ* (a *lathe*, район, состоящий из нескольких сотен), *scir* (a *shire*, шир или округ; «главная административно-территориальная единица, управляемая альдорманом, начиная с 11 века – шерифом» [Coredon, 2004, с. 264]), *teofung* (a *tithe*, десятина), *wæpengetæc* (a *wapentake*, сотня, «этот термин использовался в области Датского Права и являлся территориальной единицей в северных областях Англии» [Coredon, 2004, с. 277]). С земельным делением тесно связаны органы административного управления: *gemot* (собрание, совет), *burhgemot* (city-moot, городское собрание), *folcgemot* (folk-meeting, народное собрание, «народные собрания, которые, начиная с правления короля Альфреда Великого, были одними из самых важных политических институтов древнеанглийских городов, особенно в Лондоне, где собрания проводились три раза в год и посещались всеми свободными жителями города» [Coredon, 2004, с. 167]), *hundredgemot* (собрание сотни), *tearcmot* (собрание округа), *scirmot* (shire-moot, собрание шира), *tunræd* (городской совет), *witangemot* (королевский совет, «собрание «мудрых», аналог Great Council или Privy Council» [Coredon, 2004, с. 301]). Так, в Законах Альфреда Великого идет речь о проведении собраний:

Ond hæbbe mann þriwa on gearе burhgemot ond tuwa scirgemot, butan hit oftor sig [Helsinki Corpus, URL].

And thrice a year let there be a burh-moot and twice – shire-moot, unless it be oftener [Alfred's Laws, URL].

Термины, обозначающие административных лиц или участников государственного управления, также достаточно многообразны: *gerefa* (reeve, председатель совета, главный судья, староста; «общий термин для должностного лица, в особенности, находящегося на королевской службе и занимавшегося управлением королевских земель» [Coredon, 2004, с. 215]), *folcgerefa* (председатель народного собрания), *heahgerefa* (reeve of high rank, главный председатель или «аристократ рангом ниже альдормана» [Coredon, 2004, с. 191]), *scirgerefa*, *scirmann* (председатель совета шира, шериф, «представитель королевской власти в шире и заместитель альдормана» [Coredon, 2004, с. 250]), *wicgerefa* (староста), *tungerefa* (председатель городского совета, магистрат города), *geruna*, *gespreca*, *geþeahtra rædbora*, *rædesmann*, *rædgifa* (советник), *þegen* (слуга, советник, тэн; «изначально этот термин обозначал слугу, но начиная с 9 века он стал применяться в отношении англосаксонской аристократии» [Coredon, 2004, с. 273]), *heahþegen*, *ealdorþegn* (главный советник), *scirþegen*

(председатель совета шира), *wita* (советник, мудрец), *heahwita* (главный советник), *hundredesealdor* (председатель совета сотни), *burhealdor* (председатель городского совета). В Англосаксонских хрониках есть множество упоминаний должностных лиц государства, например:

Alfred þæs cyninges broþur, ond anlipig aldormon, ond cyninges þegnas oft rade onridon þe mon na ne rimde [Helsinki Corpus, URL].

Alfred the king's brother, and every single alderman, and the thanes of the king, oft rode against them [Anglo-Saxon Chronicles, URL].

В древнеанглийском языке присутствует и группа терминов, номилирующая представителей низших социальных групп, а именно: *bonda*, *husbonda* (свободный крестьянин, домовладелец), *ceorl* (керл, свободный крестьянин, простолюдин), *freoman* (фримен, свободный крестьянин, «являвшийся землевладельцем с социальным статусом выше керла» [Coredon, 2004, с. 181]), *færþena*, *gebur* (крестьянин, фермер), *æhteman* (крестьянин), *burgaman*, *burhwara* (городской житель), *þeow* (зависимый крестьянин). Социальное расслоение отражается и в официальных документах, например в Законах Альфреда Великого:

Swa we eac settaþ be eallum hadum, ge ceorle ge eorle [Helsinki Corpus].

So also we ordain concerning all degrees of men, churl as well as earl [Alfred's Laws].

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что исследуемые лексические единицы еще сложно назвать терминами, поэтому здесь мы согласимся с С.П. Хижняк в том, что «они называли не понятия, а специальные представления, и могут быть охарактеризованы как прототермины» [Хижняк, 1997, с. 25]. Многие из этих прототерминов со временем исчезли из лексического состава английского языка, некоторые подверглись переосмыслению в последующие периоды развития английского языка, и лишь совсем немногие функционируют в современном английском языке и не перешли в разряд историзмов: *king*, *queen*, *lord*, *earl*, *kingdom*, *shire*, *sheriff*.

Как показывает материал исследования, специфика семантики древнеанглийской политической терминологии состоит, в частности, в размытости многих термилируемых понятий и наличия синонимов. Особо следует отметить большое количество синонимов, в особенности у таких понятий, как «король», «лорд» и «советник», что осложняет идентификацию этих лексических единиц как терминов.

Примеры метафорического или метонимического переосмысления не многочисленны, хотя изменение значения лексических единиц посредством метонимических переносов является характерной тенденцией в политической терминосистеме, и эта тенденция прослеживается уже в древнеанглийский период. В то же время анализ материала исследования показывает, что, в рамках рассматриваемой терминосистемы наиболее частотными моделями являются метонимические переносы «король – даритель колец» и «королевский трон – королевство или столица».

В целом, основой для формирования политической терминологии древнеанглийского периода послужила исконная общеупотребительная лексика, незначительное количество заимствований (в основном под влиянием Скандинавского завоевания) не смогло оказать решающего влияния на процесс развития политической терминосистемы. Хотя говорить о формировании сложной структуры политических терминов еще преждевременно, тем не менее, она четко отражала иерархичность административного управления, богатое территориальное деление, а также социальную дифференциацию англосаксонских королевств. Особую важность имели социальный статус того или иного лица и отношение к земельной собственности. Таким образом, можно сделать вывод, что в древнеанглийский период уже сложилась система понятий, ставшая фундаментом политических отношений для дальнейшего развития государственной системы и английского общества.

Литература

- Лапшина М.Н. Семантическая эволюция английского слова (изучение лексики в когнитивном аспекте). СПб., 1998.
- Нильсен Е.А. Репрезентация континуально–дискретной перцепции темпоральности в древнеанглийских текстах // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2012. Вып. XI.
- Руберт И.Б. Становление и развитие английских регулятивных текстов. СПб., 1995.
- Хижняк С.П. Юридическая терминология : формирование и состав. Саратов, 1997.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
- Bosworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. Oxford University Press; Humphrey Milford, 1898.
- Coredon C., Williams A. A dictionary of medieval terms and phrases. Cambridge, 2004.
- The Helsinki Corpus of English Texts. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/HelsinkiCorpus/>
- Anglo-Saxon Chronicle. [Электронный ресурс]. URL: <http://omacl.org/Anglo/>

Beowulf. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm>

The laws of King Alfred. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fordham.edu/halsall/source/560-975dooms.asp#The%20Laws%20of%20King%20Alfred>

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СЛОВАРЕЙ. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ К. ГУДА

В.Г. Будыкина

Ключевые слова: лексикографический анализ, словарь терминов образования, мегаструктура словаря, макроструктура словаря, микроструктура словаря, К. Гуд, англо-русский словарь терминов высшего образования, принципы составления словарей.

Keywords: dictionary criticism, dictionary of education, dictionary megastructure, dictionary macrostructure, dictionary microstructure, C. Good, English-Russian dictionary of higher education, dictionary planning and modeling.

Комментирование и критика текстов словарей является одним из методов лексикографического исследования. Критика предполагает, что «лексикограф анализирует существующие словари, сравнивает их между собой, отмечает их достоинства и недостатки, ищет закономерности, делает обобщения и выдвигает предложения по усовершенствованию словарей» [Денисов, 1976, с. 8] или использует полученные данные при разработке авторской концепции моделирования словаря.

О.М. Карпова отмечает, что в западноевропейской лексикографической традиции методика анализа словарей предполагает оценку *пользователем* (выделено мной. – В.Б.) каждого этапа этого анализа и носит название *dictionary criticism* [Карпова, 2010, с. 16]. В русской лексикографии методика проведения подобного анализа разработана Л.П. Ступиным и применяется при изучении принципов построения словарей различных типов.

Однако мы подходим к критике словарей не с точки зрения пользователя, а с точки зрения разработчика словаря. Уже несколько лет автором ведется разработка англо-русского словаря терминов высшего

образования, куда, безусловно, войдет и педагогическая терминология. В связи с чем предпринимаются попытки комментирования и критики педагогических словарей, которая направлена на усовершенствование разрабатываемых принципов моделирования словаря терминов высшего образования.

Любой словарь, по мнению М.Я. Цвиллинга, есть не более чем приближенное отражение объективно существующего словарного состава языков и имеющихся между ними эквивалентных связей, поскольку сам он создается субъективным творческим актом достаточно ограниченной по сравнению со всем языковым коллективом группы людей, с учетом реально существующих условий времени, средств и иных факторов, соотносимых с характером и интенсивностью соответствующих общественных потребностей [цит. по: Кудашев, 2007, с. 70]. Таким образом, создание идеального словаря невозможно, что и нашло отражение в афоризме П. Буаста – «Один только Бог может составить идеальный словарь» (цит. по: [Девкин, 2000, с. 355]). Тем не менее, описание идеала и абстрагирование от внешних факторов на начальной стадии проектирования словаря необходимы, поскольку позволяют правильно определить реальные цели работы [Кудашев, 2007, с. 71].

Итак, анализ словаря начинается с определения типа словаря, которое осуществляется по следующим параметрам:

- язык (одноязычный, двуязычный, многоязычный);
- объект описания (лингвистический, энциклопедический);
- размер словаря (большой, средний, малый);
- лексикографическая форма словаря (конкорданс; индекс, или частотный словарь; глоссарий; толковый словарь; тезаурус);
- форма представления материала (печатный, электронный);
- охват лексики (общий, специальный);
- адресат словаря (студент, переводчик, специалист) [Карпова, 2010, с. 17].

Принимая во внимание указанную схему, позволим себе проанализировать одноязычный словарь, составленный под руководством и редакцией Почетного профессора Университета Цинциннати (шт. Огайо, США) Картера Гуда «The Dictionary of Education» [Good, 1945]. Словарь стал первым словарем в области образования и заложил крепкую основу для последующей разработки педагогических словарей. В России первая попытка создания свода педагогических идей была сделана Ф. Ангальтом, составившим два сборника афоризмов (на русском, французском, немецком, латинском языках) – «Говорящая стена» (1790) и «Зал отдыха» (1791). Первым советским энциклопеди-

ческим изданием была 3х-томная «Педагогическая энциклопедия», выпущенная в 1927-1929 годах в Москве под редакцией А.Г. Калашникова и М.С. Эпштейна при участии ведущих советских педагогов. На современном этапе были изданы такие педагогические словари как «Педагогический словарь» под редакцией Г.М. Коджаспировой и А.Ю. Коджаспирова (2003), «Педагогический энциклопедический словарь. (Золотой фонд)» под редакцией Б.М. Бимбада (2003), «Словарь по образованию и педагогике» под редакцией В.М. Полонского (2004) и др.

В Великобритании можно отметить издание следующих словарей: «Учительская энциклопедия по теории, методике, практике, истории и развитию педагогики в Великобритании и за рубежом» под редакцией А.П. Лори, т. 1-7 («The teacher's encyclopedia of the theory, method, practice, history and development of education at home and abroad» ed. by A.P. Laurie, 1911-1922); Ф. Вотсон «Энциклопедия и словарь по педагогике», т. 1-4 (F. Watson «Encyclopaedia and dictionary of education» v. 1-4, 1921-1922); «Практика преподавания в начальной школе [издательства] Макмиллана», под редакцией Э.Дж.С. Лейа, т. 1-7 («Macmillan's teaching in practice. An encyclopedia of modern methods of teaching in primary school» by E.J.S. Lay, v. 1-7, 1931-1939); «Педагогическая энциклопедия [издательства] Блонда», редактор Э. Блишен («Blond's encyclopaedia of education» ed. by E. Blishen, 1969); «Педагогический словарь» («A Dictionary of Education», 1982) и т.д.

В США на протяжении всего периода развития словарного дела наблюдается очень высокий интерес к лексикографированию терминосистем дошкольного, школьного и высшего образования. Вышли в свет «Энциклопедия по педагогике», редактор Х. Кидл, А. Шем («The cyclopaedia of education» ed. by H. Kiddle and A.J. Schem, N.Y.L., 1877), «Энциклопедия по педагогике», редактор П. Монро, т. 1-5 («A cyclopaedia of education» ed. by P. Monroe, v. 1-5, N.Y., 1911-1913; переиздание в 1926-1928) и более поздние издания: «Энциклопедия образования» («The Cyclopedic Education Dictionary» ed. by Spafford, Carol Sullivan, 1998); «Американская педагогическая энциклопедия» («American Educators' Encyclopedia» ed. by Dejnozka, Edward L, Rev. ed. by David E. Kapel, Charles S. Gifford, and Marilyn B. Kapel, 1992); «Всемирная энциклопедия по образованию» («World Education Encyclopedia» from 1988; «Энциклопедия по образованию» («Encyclopedia of Education» ed. by James W. Guthrie, 2nd., 2003), «Гринвудский педагогический словарь» («The Greenwood Dictionary of Education» 2003, 2011) Дж.В. Коллинза III и Н.О'Брайан и т.д.

Что касается мегаструктуры анализируемого словаря, она является достаточно традиционной. Словарь, как и большинство представителей специальных словарей в области высшего образования, является двуязычным толковым словарем среднего объема. Целевой аудиторией словаря являются педагогики-теоретики, учителя младшей и средней школы, преподаватели вузов, переводчики и студенты. Однако последние найдут в нем меньше полезной информации, так как в словаре представлена в основном специальная терминология и некоторая сопряженная лексика. Отметим, что проектируемый нами словарь разрабатывается, прежде всего, для студентов, а наше обращение к критике педагогических словарей связано с некоторой двоякостью термина *Education* в английском языке. В русском языке мы разграничиваем понятия *педагогика* как науки и *образования* или *обучения* как процесса получения знаний, в то время как термин *Education* в английском обозначает и то, и другое. С этим, вероятно, и связана постоянная подмена одного понятия другим. Так, педагогические факультеты в РФ переводят свои названия на английский язык как *Pedagogical Faculty* или *Faculty of Teachers' Training*, в то время как эти словосочетания не используются ни в британской, ни в американской системе высшего образования. Такие факультеты называются *Faculty of Education* или чаще *School of Education*, так как в данном контексте *school* является ложной лексической параллелью лексеме *школа*. Это необходимое отступление позволяет нам еще раз утвердиться в мысли о необходимости разработки словаря, объясняющего особенности употребления терминологии в разных странах, что должно привести к гармонизации терминологии образования.

Перед предисловием находится список ученых и преподавателей, которые внесли свой вклад в составление словаря. Список включает более 90 фамилий, которые разделены на рубрики в соответствии с предметной областью, в которой они работали. Представлены такие общие сферы педагогики как «Обучение взрослых», «Бизнес-образование», «Педагогическая психология», «Обучение иностранным языкам»; узкоспециализированные области «Аэрокосмическое образование», «Музыкальное образование», «Религиозное образование» и др., а также «Образование в Англии и Уэльсе», «Образование в Канаде» и т.д. Далее следует вступительное слово, предисловие, пояснения к транскрипционным значкам, используемым авторами (транскрипция дается только к тем словам, произношение которых вызывает трудность, а также к словам греческого и латинского происхождения); список сокращений используемых в словарных статьях и относящихся к

входной единице, а не к его определению. Например, *Fr.* для *French*, *Fem.* для *feminine*, *Pol.* для *Political* и т.п.; список сокращений, используемых в определениях к словарным статьям, например *EA* – *educational age*, *MI* – *mental index* и т.д. Понимаем решение составителей и редактора использовать некоторые сокращения для уменьшения объема словаря, насчитывающего более 600 страниц мелким шрифтом, однако считаем наличие большого количества сокращений фактором, затрудняющим работу пользователя, заставляющим его периодически обращаться к списку сокращений. Кроме того, считаем возможным использовать некоторые немногочисленные сокращения, которые являются ключевыми и частотными. Например, *педагогика*, *преподаватель*, *учебный план* и т.д. Сравните, в словаре К. Гуда в определениях используются такие сокращения, как *FM* – *frequency modulation*, *d.v.* – *double vibration* и другие сокращения терминов, которые не являются частотными.

Далее следует список основных суффиксов и приставок английского языка и их значений. Затем расположен словник, насчитывающий чуть меньше 20 000 входных единиц. К сожалению, в словаре отсутствуют рекомендации по использованию словаря.

Что касается макроструктуры словаря, то стоит отметить, что словник строится по алфавитному принципу от *A* до *Z*.

Также обращает на себя внимание и тот факт, что в словаре широко представлены названия судебных процессов, тем или иным образом связанных с учебными заведениями и процессом преподавания, названия и краткое описание законодательных актов в области образования, имена собственные.

Говоря о микроструктуре словаря, стоит отметить, что каждая словарная статья насчитывает от 5 до 150 слов и содержит указание на конкретного составителя словарной статьи – одного из указанного в перечне в конце издания. Составители словаря приводят только одно значение входной единицы, относящееся непосредственно к педагогической сфере; идиоматические выражения и фразеологизмы, частью которых может являться указанная в словаре лексема, не приводится. Недостатком описания, на наш взгляд, является отсутствие в словарной статье глагольных словосочетаний. Это видится нам существенным недостатком, так как в английском языке количество глаголов не велико, большинство из них являются полисемными, а одни и те же глаголы в зависимости от контекста могут использоваться в разных значениях и, таким образом, для изучающего иностранный язык очень затруднительным является подбор глагола к даже известным ему лекси-

ческим единицам. По мнению И.С. Кудашева, «...весьма вероятно, что глаголы включаются в терминологические словари в недостаточной степени, в том числе вследствие их не вполне определенного статуса в теории терминоведения. Между тем, переводческие опросы говорят о целесообразности более широкого отображения глаголов в переводческих словарях [Кудашев, 2007, с. 173].

В словарных статьях встречаются следующие пометы: 1) о предметной принадлежности термина, например, *sec.ed*, *higher.ed*; 2) о принадлежности термина к смежным отраслям знаний: *philos*, *psych* и т.п.; 3) о происхождении термина из греческого или латинского языка. В этом случае приводятся формы множественного числа существительного, образованные не по правилам английского языка. Имеются отсылки *See* (смотри), *Syn* (синоним).

Словарь был разработан и издан при поддержке и по инициативе Американского Совета по образованию. Словарь был несколько раз переиздан: в 1959 и 1973 годах.

Во втором издании были добавлены новые термины, получившие широкое употребление после 1945 года: *client-centred counseling*, *group dynamics*, *small-group study*, *action research* и др. Поиск новых терминов для второго и третьего изданий осуществлялся на основе новых документов, энциклопедий, обзоров и специальных словарей. Так, в 1960 году была опубликована энциклопедия педагогических исследований «Encyclopedia of Educational Research» (ERIC Thesaurus and Supplement); в 1969 – Encyclopedia of Educational Research (Macmillan), в 1971 году – Encyclopedia of Education (Macmillan).

Для определения представленности различных частей речи в словаре, была проанализирована каждая сотая страница словаря. Анализ показал, что около 11% лексем являются существительными, 88% словосочетаниями (прил.+сущ и сущ.+сущ), 39 и 49% соответственно. Сравним с результатами анализа более позднего словаря «The Greenwood Dictionary of Education» [Collins, O'Brian, 2003] – 72% существительных, 28% словосочетаний, а также 7,2% существительных и 92,8% прилагательных в «The Cyclopedic Education Dictionary» [Spafford, 1998].

Итак, проведенный нами лексикографический анализ первого специального словаря в сфере образования, позволил нам сделать соответствующие обобщения и выводы, которые, при условии дальнейшего проведения анализа подобных словарей, в том числе двуязычных, послужат теоретическим фундаментом для совершенствования принципов моделирования словаря специальной лексики в области высшего

образования, разработанных автором. В настоящее время необходимость создания подобного словаря стоит как никогда остро. Происходит интеграция образовательного пространства, растет количество «двойных дипломов», обменов студентами и преподавателями российских и зарубежных высших учебных заведений, увеличивается количество российских граждан, получающих базовое или постдипломное образование в странах Европы и США, а двуязычного толкового словаря терминологии высшего образования до сих пор не существует. Данное обстоятельство серьезно затрудняет развитие перечисленных выше интеграционных процессов ввиду значительных различий между системами высшего образования в РФ и различных стран, реализующих образовательные программы на английском языке.

Литература

- Девкин В.Д. Очерки по лексикографии. М., 2000.
Денисов П.Н. Основные проблемы теории лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.
Карпова О.М. Английская лексикография. М., 2010.
Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki University Translation Studies Monograph 3. Helsinki university print, Helsinki. 2007.
Якимович Ю.К. О нормативах построения словника переводных специальных словарей // Тетради переводчика. М., 1976. Вып. 13.
Good C. Dictionary of education. 1945 (1959, 1973).
Collins J.W., O'Brien N. The Greenwood Dictionary of Education. 2003.
Spafford C. The cyclopedic education dictionary. 1998.

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

«Риторика в современной России: традиции и новые задачи»: XVIII Международная конференция по риторике (Ярославль, 30 января – 1 февраля 2014 года)

XVIII Международная конференция по риторике состоялась в Ярославском государственном университете имени П.Г. Демидова (ЯрГУ) – вузе, известном как один из центров коммуникативно-риторического образования в России. Организаторами конференции выступили ЯрГУ и Российская ассоциация исследователей, преподавателей и учителей риторики (РРА).

В конференции приняли участие более 100 человек, из них очно – 68. Участниками были представлены города Москва, Воронеж, Ярославль, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Иваново, Рязань, Барнаул, Челябинск, Новосибирск, Красноярск, Орел, Волгоград, Смоленск, Махачкала, Нижний Новгород, Саранск, Иркутск, а также Украина и Китай.

Собравшихся приветствовал ректор ЯрГУ д.х.н., проф. А.И. Русаков. Вступительное слово произнес председатель Оргкомитета конференции, председатель РРА д.филол.н., проф. В.И. Аннушкин (Москва).

В ходе конференции прошли два пленарных, шесть секционных заседаний, мастер-классы и круглый стол. Гостям города была предложена большая культурная программа, что специалистам по риторике представляется очень важным.

На пленарных заседаниях были рассмотрены фундаментальные проблемы риторики как науки, коммуникативно-речевой практики и риторического образования. Проблемы науки и коммуникативно-речевой практики были выдвинуты в выступлениях д.филол.н. В.И. Аннушкина «Эволюция терминов *язык – речь – слово* в русской филологической традиции»; д.пед.н. Л.Г. Антоновой (Ярославль) «Риторический монолог как портрет поколения». Разные аспекты риторического образования рассмотрели в докладах д.пед.н. Н.А. Ипполитова и к.пед.н. О.А. Сальникова (обе – Москва) – «Реализация принципов обучения в рамках модульной организации образовательного процесса», д.пед.н. З.И. Курцева (Москва) – «Подходы к развитию «нравственной зоркости» обучаемых на уроках риторики», к.пед.н. Е.Л. Ерохина (Москва) – «Фасилитация в системе стилей педагогического общения», д.филол.н., Д.А. Щукина (Санкт-Петербург) – «Профессиональная риторика в техническом

вузе: ресурсы идиоматики». Опыту риторического образования за рубежом были посвящены доклады к.филол.н. Е.А. Щербаковой (Киев) «Современная риторика и осмысление новых задач в системе высшего гуманитарного образования Украины», к.пед.н. Н.В. Ладыженской (Москва) «Риторический подход в изучении родного языка и грамотности в США (на примере программы для школ Департамента образования штата Массачусетс)».

Основные дискуссии развернулись на заседаниях секций. Тематика заседаний была следующей: «Риторика и культура общения в политической, социальной и культурной жизни современного государства» (председатели: С.А. Алентикова, Г.А. Иванова), «Риторическая теория: классика и современность» (председатели: В.Ю. Липатова, Н.К. Пригарина), «Риторика и речеведческие дисциплины в вузе» (председатели: О.Ю. Князева, М.Р. Савова), «Риторика и речеведческие дисциплины в школе» (председатели: Н.В. Ладыженская, З.И. Курцева), «Профессиональная риторика и культура делового общения. СМИ, реклама, медиаграмотность» (председатели: И.А. Стернин, Л.В. Ухова), «Культура речи и стилистика» (председатели: Д.Л. Карпов, М.Г. Пономарева).

Большую пользу принесли мастер-классы, которые провели И.А. Стернин (Ярославль) – «Обучение риторике соискателей выборных должностей»; Е.В. Харченко (Челябинск) – «Профессиональная риторика и деловое общение в организации», В.И. Аннушкин (Москва) – «Организация тренинга публичных выступлений в Дискуссионном клубе Риторического центра «Златоуст».

Живой интерес вызвало презентационное выступление преподавателей факультета филологии и коммуникации ЯрГУ «Филком: территория прикладных исследований».

Каково состояние риторического образования в России? каковы главные проблемы его совершенствования и развития? – вот насущные вопросы, ответы на которые искали участники круглого стола «Актуальные проблемы риторического образования» (спикеры: И.А. Стернин, Н.А. Ипполитова, Л.Г. Антонова, М.Р. Савова).

После заседания круглого стола состоялось подведение итогов конференции.

Участники конференции с удовлетворением констатировали, что Российская риторическая ассоциация продолжает успешно развиваться как профессиональное сообщество единомышленников, вносящих свой вклад в повышение риторической и речевой культуры в России. Большинство региональных риторических объединений в стране продолжает активно работать, увеличивается число членов ассоциации, становится более заметной деятельность ее региональных отделений в российском общественно-культурном и образовательном пространстве.

Конференция отметила развитие международных связей РРА, признала значимым факт избрания В.И. Аннушкина членом совета Международного общества истории риторики.

В сложных условиях существования гуманитарного образования продолжается исследовательская работа в области риторики, подготовка и защита

докторских и кандидатских диссертаций, публикация учебных и учебно-методических изданий, проводятся конференции и семинары, ведется просветительская деятельность. Конференция призвала членов Ассоциации к более активной деятельности в области просветительской работы с населением регионов во всех возможных организационных формах.

Участники конференции с сожалением констатировали, что преподавание риторики в школах продолжает держаться на энтузиазме лиц, ведущих эти курсы. Курсы риторики снимаются во многих школах либо создаются некие эклектичные курсы, не дающие обучающего эффекта, которые, к тому же, ведутся неспециалистами, преподавателями с низким уровнем профессиональной обученности.

Конференция определила, что основными направлениями исследовательской и практической работы РРА в настоящее время остаются:

- научные исследования в области риторики и культуры речи;
- преподавание риторических и речеведческих дисциплин, культуры общения в образовательном пространстве школ и вузов, причем наиболее интенсивно в вузах технического и негуманитарного профилей;
- активное участие в разработке курса преподавания русского языка и культуры речи в вузах России с наполнением данного курса риторическим компонентом;
- расширение методической базы (создание новых учебных и методических пособий, модернизация методик и программ обучения, развитие инновационных подходов к обучению риторике и культуре речи);
- проведение школ риторики и культуры общения для преподавателей вузов и школ, специалистов различного профиля;
- курсовая подготовка и переподготовка специалистов в области риторики и делового общения в очной и дистанционной формах;
- практика проведения праздников, фестивалей и конкурсов в области риторики, русского языка и культуры речи во многих регионах страны.

Конференция выделила проблемы, которые требуют специального обсуждения риторическим сообществом на последующих конференциях:

Риторика в преподавании русского языка как иностранного

Проведение конкурсов ораторского мастерства – методика, опыт

Дидактические материалы по риторике

Тенденция к экспрессии в устной речи, СМИ, рекламе и проблема оценки ошибок при проверке результатов ЕГЭ

Изменения в языке – порча или развитие

Границы толерантности к нарушениям языковых норм носителей языка

Образ оратора в лингвистических традициях разных времен и народов

Риторика академической речи.

Конференция выразила озабоченность отчетливо проявляющейся тенденцией к расширению практики преподавания коммуникативных дисциплин в целом и риторики в частности преподавателями-неспециалистами – представителями таких наук, как экономика, управление, юриспруденция, психология, социология и др., которые ведут коммуникативные дисциплины, не имея спе-

циальной подготовки и не обеспечивая необходимый уровень преподавания. Конференция признала необходимым посвятить этой проблеме круглый стол на следующей конференции РРА и разработать профессиограмму преподавателя коммуникативных дисциплин, а также определить и опубликовать систему требований к преподавателю коммуникативных дисциплин, без выполнения которых он не может быть допущен к преподаванию.

Конференция признала целесообразным создание журнала «Вопросы риторики» и поручила председателю Совета РРА В.И. Аннушкину проработать данный вопрос в практической плоскости.

Конференция отметила, что в настоящее время в РРА объединены 18 региональных отделений, и подтвердила полномочия Совета РРА и его руководства (председателя и его заместителей) и избрала председателя Ярославского регионального отделения Л.Г. Антонову заместителем председателя РРА.

Участники конференции приняли решение провести следующую, XIX-ю Международную конференцию по риторике 29–31 января 2015 года в Рязанском государственном университете им. С.А. Есенина (отв. Е.В. Симакова). Тема конференции – «Риторика в контексте культуры и образования».

Участники конференции отметили высокий уровень подготовки конференции и выразили глубокую благодарность ее организаторам.

*Л.Г. Антонова,
И.А. Стернин,
А.А. Чувакин.*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture. 2012. № 1

Авторско-читательскому диалогу как возможности сказать воскресшему автору: «Маска, я Вас знаю...», – посвящен новый международный филологический журнал «AvtobiografiЯ». За вольто на его яркой обложке скрывается уже не только привычный автор-трикстер, но и автор биографический. По крайней мере, так, поливалентно, позиционирует себя сам журнал падуанского университета. Этому способствует даже жанрово-родовая путаница определения «автодокументы».

«“AvtobiografiЯ” – новый научный журнал, посвященный автодокументальным текстам и саморепрезентации в русской литературе и культуре» (с. 15). Здесь «изучать автодокументы – значит анализировать фундаментальные свойства литературных и соседних рядов, исследовать в основном онтологический статус произведения “о себе” и отношения между автором и текстом, реальностью и вымыслом, жанрами и их эволюцией, произведением и его историко-социальным контекстом» (с. 17). И все для того, чтобы «постичь тайну русского духа, опираясь на многообразные формы утверждения авторского “я”» (с. 17).

Правда, почему-то «тайна русского духа», «особый национальный характер» российских «автобиографических и мемуарных текстов» в осознании создателей журнала – лишь «эмиграция, тирания, инакомыслие, изоляция, падение режимов». А как быть с прозой Юрия Казакова или Константина Паустовского? Скорее «национальный характер» – в теоретической плоскости, прежде всего, в жестком несведении автора и героя.

Но, так или иначе, диапазон читательского ожидания широк: на страницах «AvtobiografiИ» должна анализироваться не только литература non fiction – «мемуарных жанров» (А. Робинсон), «авторского монолога» (М. Жиркова), или «life writing» (Н. Lee), – но и fiction, а главное – синтез двух ветвей, или литература «life-writing» (М. Saunders). И в этом случае «автобиографии» не помешала бы косая черта – «авто / биография» – столь успешно используемая другими подобными изданиями.

На практике же акцент первого номера под такой роскошной шапкой (каждый номер – тематический) – «Отражение себя. Автобиографические жан-

ры и мемуары в русской культуре XIX и XX веков» – на non fiction 10–30-х годов прошлого века с привычными мистификациями. Наиболее интересны здесь исследования Ф. Лазарин «Фиктивный характер (псевдо)мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о “Петербуржских зимах” Георгия Иванова», А. Смит «Мемуарный очерк Марины Цветаевой “Живое о живом” (1932) в контексте мифотворческих тенденций российского и европейского модернизма 1910-х – 30-х годов» и R. Vassena «I ricordi d’infanzia nel Dnevnik pisatelja di F.M. Dostoevskij come momenti di interazione tra memoria individuale e memoria collettiva». Они, как и другие материалы номера, – доклады одноименной апрельской научной конференции 2012 года в Падуи. Среди ее участников, помимо означенного вуза, представители университетов Триеста, Орлеана, Эдинбурга, Милана, Москвы, Омска, Новосибирска. Все публикуются на своем родном языке и без параллельного перевода (что для не полиглота весьма неудобно). Столь же интернационален и состав редсовета: Страсбург, Иллинойс, Шеффилд, Пиза, Москва, Венеция, Гарвард.

Но даже асимметричная практика – уже подарок современному отечественному филологу, интересующемуся текущими вопросами жизне-описания. Разумеется, российская наука подобным занималась, о чем, кстати, говорит, соответственно, опираясь на Винокура, Томашевского и Гинзбург, в своем вступительном обзоре главред К. Кривеллер. Однако в отличие от запада, где те же вопросы всегда были в центре перманентного внимания (и такие журналы как «European Journal of Life Writing», «a / b: Auto / Biography Studies», «Biography» и пр. – тому подтверждение), мы подобной *специализированной* периодики не имели. Основательные, систематизированные, но все же спорадические попытки подобных исследований в новейшем постсоветском контексте были сделаны лишь в литпроцессе: в Первых Григорьевских чтениях «На перекрестке истории и автобиографии: из опыта современной прозы» и на страницах журнала «Знамя», в рамках «дискуссионного клуба» «Литература non fiction: вымыслы и реальность». На витке же академическом «AvtobiografiiЮ» в какой-то степени можно назвать продолжением разговора, начатого в сборнике «Русское литературоведение XX века: имена, школы, концепции», выпущенного кафедрой теории литературы МГУ в 2010 году. Это, прежде всего, материалы О.А. Клинга, О.Ю. Осьмухиной, Ф.А. Ермошина, Н.Г. Владимировой и О.Е. Осовского. Кстати, проходила московская презентация «AvtobiografiiИ» в апреле 2013 года именно на этой кафедре.

Диалогу «Маска, я Вас знаю...» отвечают лишь две статьи: «“О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю”: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – первой половины XX вв.» Натальи Родигиной и Татьяны Сабуровой и «L’oeuvre autobiographique de Evfrosinija Kersnovskaja: chronique illustrée du GULAG» Catherine Viollet. Первый материал показывает, как на стилевом, стилистическом уровнях биографическое «я» раскрывается через поколенческое «мы»; определяются «способы конструирования и виды идентичностей, зафиксированные в женской автодокументалистике», выявляются «соотношение личного жизнеописания с историческими событиями, жизнью общества, степень и спо-

собы историзации частной жизни и приватизации истории» (с. 121). Акцент «Иллюстрированной летописи ГУЛАГа» – на диалоге между автобиографическим нарративом Ефросиньи Керсновской и изображением (рисунком), между «я» и маской (рисунком).

Возможно, в следующих номерах статей, отвечающих контексту XXI века, будет больше. Недаром Кривеллер в своем обзоре «Gli studi sui generi autobiografici e memorialistici in Russia» начинает с вымышленных портретов и псевдовоспоминаний, а заканчивает «автобиографическим пактом» Ф. Лежена и «намерением писателя сказать правду», благодаря читательскому опыту и готовности к подобному разговору.

Ж.А. Голенко

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.И. Куляпин, А.А. Чувакин. Шукшиноведение в работе диссертационных советов Алтайского государственного университета. Данная публикация содержит обзор шукшиноведческих работ, защищенных в диссертационных советах филологического факультета Алтайского государственного университета в период с 1997 по 2013 годы. В статье показано, что методология и проблематика кандидатских и докторских диссертаций, посвященных творчеству писателя, полно воплощает особенности алтайской шукшиноведческой школы. В центре внимания авторов всех защищенных диссертаций поэтика (включая лингвистическую) шукшинской прозы. Применение в литературоведческих исследованиях современных методов и подходов (структурно-семиотического, мифопоэтического, рецептивного, психоаналитического и др.) позволило по-новому взглянуть как на тематику шукшинских произведений, так и на вопросы творческой методологии писателя. Лингвистические диссертации рассматривают художественно-речевую структуру и устройство текстов творчества В.М. Шукшина, разные грани жизни в мире коммуникации на русском и других языках, разрабатывают новые аспекты исследования – лингвоэвокационный, риторический, лингвотипологический, филолого-коммуникативный и др.

A.I. Kulyapin, A.A. Chuvakin. Shukshin studies in the work of the dissertation councils of Altai State University. The article contains a survey of Shukshin studies dissertations defended in the dissertation councils of Altai State University during the period from 1997 to 2013. The article shows that methodology and problematic of candidate and doctoral dissertations on Shukshin studies provides an ample description of the peculiarities of Altai school of Shukshin studies. The authors of all defended dissertations focus their attention on poetics (including linguistic poetics) of Shukshin prose. Applying in literary studies modern methods and approaches such as structural and semiotic, mythopoetic, receptive and psychoanalytic ones allowed to take a fresh look at subjects of Shukshin works and at problems of his creative methodology. Linguistic dissertations

deal with the artistic and speech structure and organization of Shukshin's texts, as well as various areas of functioning of flash fiction texts in the world of communication in Russian and other languages, and new approaches of studies such as linguoevocational, rhetoric, linguotypological, philologuocommunicative and others.

С.Н. Пешкова. Рассказ-сценка В.М. Шукшина «Дашь сердце!»: внутритекстовое коммуникативное пространство и межтекстовые отношения. В статье предпринята попытка лингвоэвокационного анализа коммуникативного пространства рассказа-сценки В.М. Шукшина «Дашь сердце!». Коммуникативное пространство понимается как форма существования взаимодействующих текстов. Основное внимание уделено отношениям, которые возникают внутри художественного произведения в результате механизмов, основанных на эвокации. Эвокационный прием, рассматриваемый с позиции риторических фигур, как способ воспроизведения языковой и неязыковой действительности, по мнению автора, разворачивает генетическую сторону текста, направляет его в другие коммуникативные системы. Взаимодействие эвокационных приемов обеспечивает в рассказе высокую степень изобразительности и служит появлению новых отношений. В статье подчеркивается роль родо-жанровой специфики художественного произведения в установлении характера межтекстовых отношений. Высказывается предположение о том, что внутритекстовое коммуникативное пространство как активная среда обуславливает отношения с действительностью и другими текстами, которые устанавливаются в результате его функционирования.

S.N. Peshkova. V.M. Shukshin's sketch-narrative «Give the heart!»: intratextual communicative space and intertextual relations. The article has undertaken an attempt of the linguolevocation analysis of the communicative space in the sketch-narrative "Give the heart!" The communicative space is understood as a form of existence of interactive texts. The main attention is paid to the relations which arise in the work of art from the mechanisms based on evocation. The evocation method considered from a perspective of rhetorical colours as a reproduction method of the linguistic and extralinguistic reality, in the author's opinion; expands the genetic side of the text and directs it to other communicative systems. The interaction of the evocation techniques in the text provides a high degree of pictorialism and the appearance of new relations is the result of this interaction. The role of gender and genre specificity of the work of art in establishing the nature of intertextual relations is emphasized in the article. The assumption says that the intratextual communicative space as an active sphere determines the relations with other texts and reality which are installed as a result of its functioning.

В.Д. Мансурова. «Думающий человек» - о ценности «дали светлой». В статье анализируется творческий метод В.М. Шукшина по раскрытию основных ценностей человеческого существования. По мнению автора, характеристика его творчества как «деревенской прозы» не учитывает главного в методе отражения жизни – внимания к ее экзистенциальным основам. Писатель определил их в программной статье «Нравственность есть Правда». Это мужество, честность, радость, боль. На этих ценностях основана и его философия, которую он называет мужественной. В философских основах творчества В.М. Шукшина слиты воедино традиции классической русской литературы и идеи современного ему философского течения – экзистенциализма. Но экзистенциальное сознание В.М. Шукшина существенно отличалось от концепции западноевропейского экзистенциализма. Герои литературных произведений Ж. Сартра и А. Камю протестуют против абсурдной жизни и уходят от нее в состояния тоски и отчаяния. Шукшин, напротив, раскрывает сущность человека в его единении с миром, природой и другими людьми. Герои его рассказов ценят жизнь во всех проявлениях, даже смерть для них является оценкой счастья прожитой жизни. Они умеют и любят думать. Эта экзистенциальная способность «думать» дает возможность понять высший смысл устройства мира как «дали светлой». «Думающий человек» из народной глубинки – это открытие экзистенциальной антропологии писателя В.М. Шукшина.

V.D. Mansurova. The «Reflective man» and values of «Shine in the distance». In this paper, V.M. Shukshin's writing technique of basic existential values revelation is examined. It is the author's opinion that definition of Shukshin's writing as «village prose» omits attention to existential basics of life. The writer identified them as courage, honesty, joyance and pain, in his article «Morality is Truth». Those values are also the basics of writer's philosophy called «courageous philosophy». Traditions of classical Russian literature and philosophy of existentialism, which was contemporaneous with Shukshin's years of work, are philosophical basics of Shukshin's works. However, existential consciousness of V.M. Shukshin is different from concepts of West-European existentialism. Characters of Sartre's and Camus' novels rebel against absurdity of life and end up with melancholy and despair. Shukshin's writings are filled with unity with the world, nature and other people. Characters of Shukshin's writings are able to think and like to self-reflect, and appreciate life in its all aspects. Even death is seen as sort of measure of happiness of past life. This existential ability «to think», «to reflect» is the key to understanding of the world structure grand design as of the «shine in the distance». The discovery of

V.M. Shukshin's existential anthropology is the «Reflective man» from Russian back-country.

П.В. Алексеев. Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века. Статья посвящена исследованию жанра ориентального травелога в контексте русской путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века. Задачей статьи является рассмотрение жанра ориентального травелога в контексте литературы путешествий на Запад, на окраины России и на Восток. В статье дается краткий обзор современного состояния исследования проблемы травелога. Рассматривается генезис и специфика русского ориентального травелога и образа «русского путешественника на Востоке» в контексте традиции «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина. Обосновывается предпочтительность использования термина «травелог» для описания ориентальной путевой прозы. Анализируются художественные особенности таких травелогов, как «Нешастные приключения Василья Баранщикова», «Очерки Константинополя» К. Базили, «Путешествие в Арзрум» А.С. Пушкина и др. Предлагаются принципы классификации, а также анализируется субъектно-объектный план русских ориентальных травелогов.

P.V. Alekseyev. Russian oriental travelogue as the genre of travel writing of the late XVIIIth – early XIXth centuries. The article investigates the genre of Russian oriental travelogue in the context of travel writing in the late of XVIII – early XIX century. Central idea of this article is to show necessity of representing the genre of the travelogue as a complex oriental unity in the broad Russian travelogue discourse, including the travel writing of the West, the outskirts of Russia and the East. The article gives a brief overview of the current state of travelogue's research problems. The genesis and specificity of the Russian oriental travelogue, the image of «Russian traveler in the East» in the context of the tradition of Karamzin's «Letters of a Russian Traveler» is analyzed. The preferred use of the term «travelogue» to describe the Russian travel writing is substantiated. Art features of such travelogues as «Vasiliy Baranshikov's unfortunate adventures», Constantine Basili's «Sketches of Constantinople», Alexander Pushkin's «Journey to Erzurum» are studied. Principles of Russian oriental travelogues classification is offered.

Г.А. Жиличева. Двойная фокализация сюжета в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». В статье рассматриваются особенности функционирования деталей в сюжете романа Пастернака. Осо-

бое внимание уделяется семантическому комплексу огонь – костер – пожар и его роли в конфигурации интриги. В русле идей современной нарратологии анализируются взаимосвязи кругозоров героя и повествователя, описываются способы «программирования» реакции читателя. Нарратология понимает сюжетно-повествовательное произведение как тип дискурса, поэтому важным представляется описание коммуникативной направленности фабульных и риторических повторов в тексте. Определенные детали функционируют в романе «Доктор Живаго» не только как подробности происходящих событий, но и как характеристики восприятия этих событий. В статье обращается внимание на фрагменты текста, в которых происходит интерференция объективированного и персонализированного повествования. Образы, значимые для кругозора нарратора, вступают в «резонанс» с аналогичными образами, постулированными как основа мировосприятия героя. Единство внешней и внутренней фокализации объясняется важной тенденцией художественного мира Пастернака – синкретизмом субъекта и объекта.

G.A. Zhilicheva. The double focalisation of the plot in B. Pasternak's novel «Doctor Zhivago». This article deals with the features of focalising details in Pasternak's novel. Special emphasis is given to the semantic complex 'fire – flame – heat – bonfire' and its role in the configuration of the intrigue. Connections between the heroes' points of view are analyzed within the framework of the ideas of modern narratology. A variety of ways which program the reader's reaction is observed. Narratology regards a narrative work as the type of discourse, and so it is important to describe the communicative vector of rhetoric and plot repetitions in the text of the novel. Some details of the text not only serve as particularity of happening events, but also characterise the apprehension of those events. This paper deals with the fragments of the text which have an interference between the omniscient and subjectified narration. Images that are important in the narrator's point of view «resonate» with equivalent ones postulated as the protagonist's world-view. The unity of inner and outer focalisation can be attributed to the syncretism of subject and object which is an important tendency in B. Pasternak's artistic world.

Е.А. Московкина. Метатекст и интертекст в ранних рассказах И.А. Ефремова. И.А. Ефремов привлекает внимание современных литературоведов, прежде всего, как выдающийся представитель массовой литературы советского периода, писатель-фантаст, романист. Однако задолго до перехода к эпической прозе, уже в ранних рассказах начинающий литератор, ученый-палеонтолог по профессии, формирует некое семиотическое поле, «прорастающее» в область науки, литерату-

212

ры, философии, эстетики. Вектор дискурсивных аллюзий И.А. Ефремова направлен как в прошлое, так и в будущее. Все тексты писателя согласованы между собой, составляют единый орнамент, детерминированный структурными отношениями повторяющихся элементов. Ранние рассказы Ефремова представляют интерес не только с точки зрения важнейшего этапа эволюции писателя, но и в аспекте интертекстуальных и метатекстуальных резервов, последовательно раскрывающихся на протяжении всего творческого пути. Автором принята попытка выявления и декодирования интертекстуальных связей, обнаруживающих оригинальные философско-эстетические предпочтения писателя на фоне программных идеологических установок 1940-х годов.

Е.А. Moskovkina. Metatext and intertext in the early stories of I.A. Efremov. I.A. Efremov attracts attention of modern literary critics first of all as a prominent representative of Soviet mass literature, science-fiction writer, and novelist. But long before he moved to epic prose, in his early stories an inexperienced litterateur, who also was a scientist-paleontologist, had made some semiotic field that “germinated” into the spheres of science, literature, philosophy and aesthetics. The vector of Efremov’s discursive allusions is directed both to the past and to the future. All writer’s texts are coordinated with each other. They frame general ornament, determined by the structural ties of repeating items. The early stories of I.A. Efremov are interesting not only as a step of writer’s evolution, but also in the aspect of intertextual and metatextual abilities, that are consistently discovered during his entire creative career. The author made an attempt to discover and to decode the intertextual connections that revealed original writer’s philosophical and aesthetic preferences against the background of the mandatory ideological trends of 1940’s.

О.Ю. Осьмухина. «Особые отношения с языком» прозы «SOFT WAVE»: специфика авторской повествовательной стратегии в сборнике Д. Осокина «Барышни тополя». В статье впервые исследуется художественное своеобразие рассказов сборника «Барышни тополя», особенности сказового повествования, функционирование в рамках сказа авторской маски, которая рассматривается как стилистически маркированный повествовательный прием, средство позиционирования автором себя в пределах текстового пространства. Устанавливается, что в прозе Д. Осокина в рамках сказового повествования синтезируются примитивистские приемы (в частности, подмена слова визуальными средствами), фольклорно-мифологические мотивы и образы (образы мордовского и коми фольклора, зеркальная тематика,

архетипические мотивы разрушения / созидания) и литературная традиция (создание иллюзии аутентичности посредством использования авторской маски). Это обусловило формирование принципиально новой авторской стратегии, нацеленной на разрушение границы между профессиональным письмом и «наивным».

O.Yu. Osmukhina. Special relations with the language of the prose «SOFT WAVE»: specificity of author's narrative strategy in the collection «Ladies of Poplar» by D. Osokin. In the article the author for the first time undertakes the investigation of the artistic specificity of the stories collection «Ladies of poplar», the problem of skaz (tale) and the peculiarity of the author's mask (the mask of skaz (tale)) functioning. The author's mask is considered as a stylistically marked narrative device, and as a mean which is used by the author to present himself in the text. The author of the article establishes that in the Osokin prose within fairy narration primitive techniques (in particular, the substitution of the words by visual means), folklore and mythological motifs and images (images of Mordovia and the Komi folklore, the mirror theme, archetypal motives of destruction / creation) and literary tradition (to create the illusion of authenticity through the use of an author's mask) are synthesized. It led to the formation of new authoring strategies aimed at destroying the boundaries between professional and «naive» narratives.

Е.Ю. Позднякова. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан. В статье рассматривается проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан. Для того чтобы исследовать особенности восприятия городского пространства человеком и выяснить, какую роль в этом процессе играют городские объекты и их номинации, как выстраивается образ городского пространства в языковом сознании горожан, нами был предпринят психолингвистический эксперимент. В ходе эксперимента 92 респондентам, постоянно проживающим в г. Барнауле, было предложено нарисовать карту города, обозначив на ней себя, свой дом, места отдыха. В результате выяснилось, что освоение городского пространства начинается с центра города и происходит постепенно, при этом важную роль играют номинации городских объектов. В процессе освоения городского пространства происходит построение карты города в сознании человека. На этой «карте» есть как освоенные места, так и неосвоенные территории. Человек выстраивает городское пространство вокруг себя, наиболее освоенные его части образуют концентрические круги, соответствующие сферам «Я», «Квартира-Дом», «Улица», «Район».

E.Yu. Pozdnyakova. The problem of the city space perception and its reflection in the language consciousness of the citizens. The article considers the problem of the city space perception and its reflection in language consciousness of the citizens. The psycholinguistic experiment was held in order to examine the peculiarities of the process of city space perception and the role of city objects and their nominations in this process. Ninety-two inhabitants constantly living in Barnaul draw a map of the city. They had to mark themselves, their houses, their rest places on the map. The results show that the urban space research begins with the city center and occurs gradually, thus the nominations of city objects play an important role in this process. In the process of urban space exploration a person builds the virtual map of the city in his mind. This mental map includes both well-known places and unknown territories. A person builds a city space around himself. The most familiar parts of the urban space form concentric circles corresponding with the next spheres: «I», «Apartment-House», «Street», and «District».

Е.Н. Басовская. «И слово прорастало...»: лексика печатных СМИ конца XIX – начала XX века в восприятии Д.Н. Ушакова. Статья посвящена многолетней лексикологической работе будущего ответственного редактора первого советского толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова. На материале документов, хранящихся в Архиве РАН, анализируется восприятие ученым газетно-журнальной лексики конца XIX – начала XX века. Слова, которые были зафиксированы как устаревающие, новые или необщепотребительные, рассматриваются с привлечением данных ряда толковых словарей. Автор делает вывод о том, что при составлении словника «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в 1920–1930-х годах субъективный фактор был значительно менее значим, чем считали критики этого справочного издания. Редакция словаря опиралась на лексикографический опыт Д.Н. Ушакова, что позволило с высокой степенью точности отразить состояние лексики русского языка первой трети XX века.

E.N. Basovskaya. «And the word sprouted...»: media vocabulary of the late XIXth – early XXth centuries in D.N. Ushakov's perception. The article is devoted to the long-term lexicological work of D.N. Ushakov, the executive editor of the first Soviet dictionary of the Russian language. The author of the article analyzes the perception of newspaper and magazine vocabulary of the end of XIXth – beginning of XXth century using the documents kept in the Archive of the Russian Academy of Sciences. Words which were recorded as becoming obsolete, new or uncommon are treated

with the help of some defining dictionaries. The author comes to the conclusion that in the process of preparation of the glossary of The dictionary of the Russian language ed. by D.N. Ushakov subjective factor was much less significant than the critics of the edition in question thought. The editors relied on the lexicographic experience of D.N. Ushakov, and this factor allowed the dictionary to reflect with a high degree of accuracy the state of the vocabulary of the Russian language of the first third of the XXth century.

А.П. Чудинов. Идеи и принципы политической метафорологии. Представлены ведущие идеи, определяющие специфику политической метафорологии как одного из направлений в исследовании теории концептуальной метафоры. Выделены принципы политической метафорологии, в том числе: 1) примат когнитивного подхода, преодоление ограничений, связанных со структурным, исключительно лингвистическим подходом к исследуемому материалу; 2) примат дискурсивного подхода, то есть преимущественное изучение политических метафор в дискурсе, в тесной взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования; 3) обращение к единому пространству языковых и речевых метафор, что не исключает ранжирования метафор по степени образности; 4) обращение преимущественно к материалам не художественной, а реальной бытовой, массмедийной и институциональной политической коммуникации; 5) примат антропологического подхода с выделением не строгих логических категорий, а когнитивных пространств; 6) повышенное внимание к креолизованным текстам, в которых взаимодействуют вербальные и невербальные компоненты коммуникации; 7) предпочтение сопоставительным исследованиям; 8) экспланаторность, стремление не просто зафиксировать факты, но дать им лингвистическое, лингвополитическое и дискурсивное толкование; 9) экспансионизм, тенденция к расширению сферы лингвистических изысканий; 10) мультидисциплинарность; 11) интуитивизм; 12) интерпретационная модель познания как основа лингвокогнитивных исследований.

A.P. Chudinov. Ideas and principles of political metaphorology. The article contains the main ideas determining peculiarities of political metaphorology as a way of studying the theory of conceptual metaphor. The author states the following principles of political metaphorology: 1) primacy of cognitive approach, passing restrictions caused by structural, a purely linguistic approach to the matter; 2) primacy of discursive approach, i.e. primary study of political metaphors in discourse paying attention to a close interconnection between conditions of their appearance and function; 3)

appeal to integrated space of language and speech metaphors, that makes possible ranking metaphors according to the degree of their imagery; 4) appeal to live everyday, mass media and institutional political communication instead of fictional one; 5) primacy of anthropological approach distinguishing cognitive areas rather than strict logical categories; 6) particular attention to creolised texts where verbal and nonverbal components of communication interact; 7) preference of comparative studies; 8) explanatoriness, i.e. tendency not only to note some facts, but comment on them from linguistic, linguopolitical and discursive aspects; 9) expansionism, i.e. tendency to extent the area of linguistic studies; 10) multidisciplinary; 11) intuitivism; 12) interpretation model of knowledge as a framework of linguocognitive studies.

Л.В. Кульгавова. О флуктуации языкового знака на примере слова *gyu*. Исследование представляет собой попытку рассмотрения флуктуации языкового знака как комплексного явления. Уточняется определение понятия флуктуации языкового знака. Положения изложены на примере семиметрической карты имени существительного *gyu* в английском языке, созданной на основе комплексного анализа его семантико-прагматических, функциональных, когнитивных и лингвокультурологических особенностей. Особое внимание уделено различным версиям происхождения слова, лексико-семантической дивергентности слова, семантико-прагматическим и функциональным различиям у этого слова в британском и американском вариантах английского языка. Когнитивные модификационные процессы обусловлены сменой этнокультурного пространства с порождаемыми им факторами изменений, колебаний. Развитие слова *gyu* актуализирует две основные когнитивные модели динамики значения по направлению вектора семантико-деривационного проецирования. Рассмотрена цикличность и спиралевидность семантических процессов в слове. В целом динамика семантических процессов в слове такова, что оно демонстрирует устойчивую тенденцию к поэтапной генерализации значения. Описана содержательная флуктуация слова в зависимости от его сочетаемости: слово *gyu* может служить для выражения мелиоративных или пейоративных смыслов в зависимости от своей левосторонней (атрибутивной) сочетаемости. Этапы семантического развития слова выделены и описаны с учетом исторических, политических, географических, социальных и других факторов.

L.V. Kulgavova. On fluctuation of the linguistic sign as exemplified by the word *gyu*. The research is an attempt to study fluctuation of the linguistic sign as a complex phenomenon. A definition of

fluctuation of the linguistic sign is specified. The issues are exemplified by the semiometric chart of the English noun *guy* worked out through a complex analysis of the word's semantic-pragmatic, functional, cognitive and linguo-cultural aspects. Particular stress is laid on its controversial etymological versions, the lexical-semantic divergence of the word, and its semantic-pragmatic and functional differences in British English and American English. The cognitive modifying processes are conditioned by the change of the ethnocultural space with its factors of fluctuation. The development of the word *guy* actualizes two basic cognitive models of semantic dynamics according to the vector of semantic-derivational projection. The cyclic and spiral character of the semantic processes in the word is treated. The dynamics of the semantic processes demonstrates a steady tendency to broaden the word's meaning. The semantic fluctuation depending on its collocability is described: the word *guy* can express either ameliorative or pejorative senses depending on its attributive collocability. The historical, political, geographical, social and other factors are taken into consideration in studying the stages of its semantic development.

Э.В. Седых. Концепт «детство» в английской народной поэзии (на примере *Nursery Rhymes*). Основная проблематика статьи – рассмотрение способов реализации концепта «детство» в английской народной поэзии, представленной, главным образом, в жанре *Nursery Rhymes*. Концепт детства красной нитью проходит через всю английскую народную поэзию, где главным персонажем является ребенок, еще не ставший взрослым, не утративший своего Неведения – веры в невозможное, нереальное, абсурдное, фантастическое. Данный концепт реализуется на нескольких уровнях: приход ребенка в мир взрослых, столкновение ребенка с реальным миром, мир послушных детей, мир непослушных детей, мир взрослых в детском мире, мир ушедшего детства, возможные детские миры. Парадигма детства в мире реальности анализируется в контексте категорий *потери* и *страха*. Здесь выделяются две группы образов – детей послушных и непослушных. В контексте последней рассмотрены концепция «семи смертных грехов» (гордыня, зависть, гнев, лень, алчность, чревоугодие, сладострастие) и нарушение библейских заповедей «не убивай» и «не кради». В статье представлены такие жанры, как колыбельная, лимерик, скороговорка, лирическое стихотворение и др.

E.V. Sedykh. The concept of childhood in English folk poetry (*Nursery Rhymes*). The main problem of the article is considering the ways of the realization of the concept of childhood in English folk poetry, represented mainly in the genre of *Nursery Rhymes*. The concept of

childhood runs through all the English folk poetry, where the main character is a child who has not yet become an adult, has not lost his Innocence considered as the belief in the impossible, unreal, absurd, fantastic. The given concept is implemented at several levels: the coming of the child into the adult world, his collision with the real world, the world of good children, the world of naughty children, the world of adults in the children's world, the world of the bygone childhood, the possible worlds for children. The paradigm of childhood in the real world is analyzed in the context of such categories as *loss* and *fear*. Here are two groups of images – children obedient and disobedient. In the context of the latter the concept of the “seven deadly sins” (pride, envy, wrath, sloth, greed, gluttony, lust) and the violation of the biblical commandments «thou shalt not kill» and «thou shalt not steal» are considered. The article presents such genres as lullaby, limerick, tongue twister, lyrical poem, etc.

Н.В. Лаврентьева. Генрих Клейст в публицистике Б. Пастернака. В статье объектом научного интереса стала публицистика Б.Л. Пастернака, посвященная жизни и творчеству Г. Клейста. Русский поэт-публицист рассматривает немецкого романтика в качестве одного из наиболее интересных писателей эпохи, предлагает свою интерпретацию его произведений. Пастернак воспринимает противоречивую фигуру немецкого поэта в контексте общего восприятия немецкой культуры и литературы. В качестве материала исследования выступают две статьи Б.Л. Пастернака «Генрих Клейст» и «Генрих Клейст. Об аскетике в культуре». Немецкий романтик интересует автора в качестве сложной противоречивой личности, не понятой близкими людьми, что само по себе привлекало русского поэта, также чувствующего себя во время юношества неуютно в кругу семьи, не оцененной современниками, в том числе и И.В. Гете, но сумевшей оставить яркий след в мировой литературе. Надо отметить, что Б.Л. Пастернак перевел несколько произведений Г. Фон Клейста, поэтому рассуждения его как критика подкреплены отличным знанием текста. Критик рассуждает о значении Г. Фон Клейста и как поэт, и как переводчик, и как публицист, что делает его статьи еще более ценными.

N.V. Lavrentyeva. Heinrich Kleist in journalism by B. Pasternak. This article is devoted to B. Pasternak's critics on H. Klesit's life and creation work. The Russian poet and publicist considers German romantic as one of the most interesting writers at that time, gives his translations of works by Kleist. B. Pasternak views writer's peculiar and discrepant personality in the context of common perception of German culture and literature. There are two articles by B.L. Pasternak as a data for study in the

research. They are «Henrih Kleist» and «Henrih Kleist. About ascetics in culture». The author is interested in the German romantic as he (the German romantic) was a sensitive, dissonant person, who was unappreciated by relatives. That attracted the Russian poet greatly, because he felt uncomfortable near his relatives, when he was young. Henrih Kleist wasn't appraised by contemporaries including V. Goethe, but he found a way to leave mark in world literature. Pasternak interpreted some of Fon Kleist's writings, that's why Pasternak's reasoning and criticism were followed up by perfect subject knowledge. The literator acted as a poet, as an interpreter and as a publicist, he reasoned upon Fon Kleist's importance and that made his articles highly valuable.

Ю.А. Слепцов. Культ медведя среди эвенов Якутии и Камчатки. Статья посвящена культу медведя у эвенов из рода Дельянки, проживающих в Якутии и на Камчатке. Медвежий праздник или обычай, связанный с медведем, комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, у многих народов Европы, Азии и Северной Америки, живших в лесной зоне, есть отражение культа медведя, существовавшего у этих народов. У большинства из народов праздник устраивался по поводу убитого на охоте медведя в целях его умилостивления. Сходство обрядов, связанных с медведем, у разных народов объясняется общностью условий проживания, охотничьего хозяйства и религиозно-магических представлений. У эвенов бытовали обычаи, касающиеся медведя, которые обязательно выполнялись при его случайной добыче или по необходимости, имевшие свои особенности, в частности у эвенов из рода Дельянки, населяющих Якутию, Магадан и Камчатку. Медведь у эвенов из рода Дельянки имел особое сакральное значение, они считали его первопредком или состоящим с ними в кровном родстве. Эвены должны знать способы охоты на него, знать, как себя вести поведении при встрече с ним, легенды, связанные с ним, чтобы это вызывало не страх перед животным, а уважительное отношение к нему, которое передается из поколения в поколение.

Yu.A. Sleptsov. Bear cult among the Evens. Article is devoted to the bear cult of the Evens from the tribe Delyanki living in Yakutia and Kamchatka. Bear festival or practice associated with a bear, the complex rituals associated with the hunting of bears in many nations in Europe, Asia and North America, who lived in the forest zone, is a reflection of the bear cult, peculiar to the tribes living there. Most of the tribes had the holiday which was arranged on the occasion of a bear killed in the hunt for its propitiation. The similarity of the ceremonies connected with the bear in different nations is explained by common living conditions, hunting,

religious and magical views. The Evens had the customs concerning a bear that were necessarily performed under its accidental extraction or necessity having its own characteristics; in particular the tribe of the Delyanki Evens inhabiting Yakutia, Magadan and Kamchatka had this kind of customs. A bear had a special sacred meaning for the Delyanki Evens; they considered it primogenitor or having with them a kinship. The Evens should know the ways to hunt for it, to know how to behave when they met him, legends associated with it, that it caused no fear of animals and respect for him, which is transmitted from generation to generation.

А.Ф. Колясева. Терминология в зеркале языкового сознания.

Статья рассматривает аспекты и возможности исследования терминологии на фоне изучения языкового сознания. Во-первых, терминология той или иной сферы признается важнейшим средством изучения профессионального языкового сознания как отражение национальной научной картины мира (в ее профессиональном срезе) и может быть в этом аспекте сопоставлена с соответствующими участками обыденного языкового сознания. Также может быть рассмотрено взаимодействие различных типов языкового сознания в процессе осуществления профессиональной деятельности. Во-вторых, терминология представляет несомненный интерес как объект обыденной и профессиональной метаязыковой рефлексии, провоцируемой нестабильной терминологической ситуацией, сложившейся в некоторых отраслях современной российской науки. В-третьих, в плане терминологической деятельности терминология становится объектом взаимодействия качественно разных типов языкового сознания (профессионального языкового, обыденного и профессионального металингвистического), что также может быть предметом лингвистического анализа.

A.F. Kolyaseva. Terminology in the light of language consciousness studies. The article reviews aspects and possibilities of terminology studies against the background of linguistic consciousness studies. First of all, terminology is declared of paramount importance in the study of professional linguistic consciousness as a reflection of the national scientific picture of the world (in its professional section) and can be confronted with corresponding ordinary linguistic consciousness units. Also, interaction of different linguistic consciousness types in the course of professional activities can be investigated. Secondly, due to unstable terminology situation in some sectors of the contemporary Russian science, terminology is of indubitable interest as an object of metalinguistic reflection (professional or ordinary). Thirdly, in the process of terminology development it becomes the object of interaction of qualitatively different

types of linguistic consciousness (professional linguistic, ordinary and professional metalinguistic consciousness), which can also be subject to linguistic analysis.

А.А. Шмаков. Специфика бытия текста в девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации. В данной статье рассмотрена специфика бытия текста в девиантной коммуникации в диалогических форматах интернет-коммуникации на материале текстов блогов, форумов, социальных сетей. Категория бытия текста рассматривается автором как лингвистическая категория, отражающая наличие / отсутствие, особенности формально-содержательных трансформаций текста в процессе коммуникации. Обращение в текстах диалогических форматов интернет-коммуникации, по мысли автора, играет ключевую роль в силу специфики фактуры интернет-текста и отсутствия невербальных средств. В аспекте влияния на бытие текста проанализированы такие тактики девиантного коммуникативного поведения, как «флейм», «флуд», «оффтоп», «эльфинг». Рассмотрен механизм действия каждой из коммуникативных тактик и особенности их использования в диалогических форматах интернет-коммуникации с точки зрения бытия текста. Данные тактики составляют единую стратегию конфликтной коммуникации – так называемый «троллинг», которая заключается в намеренном отклонении от норм коммуникации и ведении «словесной войны». При этом бытие текста носит «волнообразный» характер, что выражается в резком росте ответных реплик на девиантное сообщение.

A.A. Shmakov. Specific features of being of text in deviant communication in dialogic formats of internet communication. The article is devoted to the specifics of text being in deviant communication in dialogic formats of Internet communication, based on the text material of blogs, forums and social networks. The category of text being is considered by the author as a linguistic category, reflecting the presence / absence, special features of formal and meaning transformation of text in the communication process. Form of address in the texts of dialogic formats of Internet communication, according to the author's opinion, plays a key role, because of the specific texture of Internet text and the lack of non-verbal means. In aspect of the impact on text being such tactics of deviant communicative behavior as «flame», «flooding», «offtopic», «elfing» are analyzed. The mechanism of the action of each communication tactic and peculiarities of its use in dialogical format of Internet communication from the point of view of influence on the being of the text is analyzed. These tactics are common strategy for conflict communication, so called

222

«trolling», which is intended to deviate from usual communication and conduct the «war of words». In this case, being of text has a «wavy» character. It is reflected in a sharp rise of responses for a deviant message.

В.Г. Беседина. Вербально-авербальная репрезентация концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте. Статья посвящена особой роли концепта «знаменитость» в ювенальном медиатексте и совокупности вербально-авербальных средств его репрезентации. На основании отечественных и зарубежных исследований автор доказывает значимость концепта «знаменитость» в концептосфере подростка, выделяя функции, выполняемые медиаобразами знаменитостей в сознании реципиентов ювенальных медиатекстов. Далее автор указывает на высокую степень представленности репрезентантов концепта «знаменитость» в популярных русско- и англоязычных ювенальных медиаизданиях. На примере конкретного медиатекста рассматривается посредническая роль концепта «знаменитость» в процессе модификации концепта «внешний вид». С помощью схемы демонстрируется процесс порождения новых смыслов за счет взаимодействия концептов «знаменитость» и «внешний вид». Делается вывод о наличии в ювенальном медиатексте особой схемы представления знания при участии репрезентантов концепта «знаменитость».

V.G. Besedina. Verbal and non-verbal representation of the «celebrity» concept in teen mediatext. The article deals with the specific role of the concept «celebrity» in teen mediatext and the complex of verbal and non-verbal means used for its representation. Basing her arguments on the works of Russian and foreign researchers, the author demonstrates the significance of the «celebrity» concept in teenage conceptosphere, naming functions of celebrity media images for the recipients of teenage mediatexts. Further the author points out the high frequency of celebrity representations in popular Russian and English teen magazines. Using specific text from teenage magazine, the author portrays the mediating role of the «celebrity» concept in modifying the concept «appearance». A graph is provided to demonstrate the process of generating new meaning due to mixed effect created by the concepts «celebrity» and «appearance» in the mediatext. The article describes a pattern for presenting knowledge in teen mediatext by means of «celebrity» representations.

Д.В. Жигулина. История имени концепта «семья» (XI–XXI веков). Концепт «семья» – один из самых важных, значимых в русской национальной концептосфере, поэтому он представляет особый интерес для лингвистов. В данной статье на материале этимологических,

исторических и толковых словарей русского языка, а также на основе работ известных историков языка рассматривается динамика развития семантической структуры имени концепта «*семья*» с момента его становления, на переходном этапе от язычества к принятию славянами христианства (X–XI века) и до настоящего времени (XXI век). На протяжении нескольких столетий лексема *семья* приобретала новые значения, как прямые, так и переносные, метафорические. Автор статьи приходит к выводу, что наряду с прочими значениями, развившимися у слова, являющегося именем концепта «*семья*» в X– XXI веках, оно продолжает сохранять свое основное, первичное, исходное значение, отмеченное в статьях ведущих историков языка и выделенное в авторитетных этимологических словарях – ‘группа близких людей, родственников, проживающих вместе’.

D.V. Zhygulina. The history of the name of the concept «Family» (XI–XXI centuries). The concept «*family*» is one of the most important and significant concepts in Russian culture. It is also very important for Russian sphere of concepts. That’s why it is of great interest for many linguists. This article deals with the development of semantic structure of the name of the concept «*family*» since the time of its formation (XI – XXI centuries) and up to the present days (XXI century). The first uses of a lexeme «*family*» in Old Russian texts date from the XII century. By the same period the lexeme «*family*» had already two values. Throughout several centuries the lexeme «*family*» has gained new values. Some of them are direct and some are figurative (metaphorical). The author of this article analyses etymology and historical materials of the Russian language dictionaries, as well as works of famous linguists, and concludes that along with other values, developed throughout several centuries, the word «*family*» still has its first main meaning: ‘a group of closest relatives living together’.

О.В. Никулина. К опыту классификации древнеанглийской политической терминологии. В статье рассматриваются политические термины древнеанглийского периода, являющиеся отражением политических и общественных процессов, происходивших в англосаксонской Англии. Именно терминология, обслуживающая политическую составляющую жизни общества, позволяет рассмотреть вопросы соотношения языковых и экстралингвистических факторов более глубоко и на протяжении всего периода функционирования терминосистемы. Древнеанглийские политические термины могут представлять интерес для диахронической лексикологии в силу следующих причин: базисом для формирования политической терминологии послужила исконная общеупотребительная лексика с присутствием лишь неболь-

шого количества заимствований; метонимический перенос служит инструментом терминообразования уже на ранних этапах развития английского языка; некоторые из представленных терминов присутствуют и в современном английском языке: король, королевство, ольдермен, эрл, керл, шир и шериф.

O.V. Nikulina. Classification of Old English political terminology.

This article deals with the development of Old English political terms which are a reflection of political and public processes that took place in Anglo-Saxon England. Terminology, covering political aspects of society in particular, enables more thorough consideration of intra-linguistic and extra-linguistic factors functioning during all periods of terminology's development. Old English political terms may be an object of interest for diachronic lexicology due to the following reasons: common basic vocabulary with a few loan words could be considered as the basis of political terminology; metonymical shift have been acting as an instrument for terms-formation since the earliest period of English language history; some of the represented terms have survived until today such as: king, kingdom, alderman, earl, churl, shire and sheriff.

В.Г. Будыкина. К проблеме лексикографического анализа словарей. Педагогический словарь К. Гуда. Комментирование и критика текстов словарей является одним из методов лексикографического исследования. Критика предполагает, что лексикограф анализирует существующие словари, сравнивает их между собой, отмечает их достоинства и недостатки, ищет закономерности, делает обобщения и выдвигает предложения по усовершенствованию словарей, а также использует полученные данные при разработке авторской концепции моделирования словаря. В статье описывается методика проведения лексикографического анализа словарей, разработанная Л.П. Ступиным и результаты ее использования на примере критического анализа первого словаря в области образования, разработанного К. Гудом. Особое внимание в работе уделяется проблеме неразработанности терминосистемы высшего образования на международном уровне и необходимости решения данной проблемы в связи с интеграцией образовательных систем. Полученные результаты будут использованы при разработке авторской методики моделирования англо-русского словаря терминов высшего образования.

V.G. Budykina. On the problem of lexicographic analysis of dictionaries. Dictionary of education by K. Good. Dictionary criticism is one of the methods of lexicographic research. Criticizing the dictionary the lexicographer analyzes the dictionaries, compares them, registers their

benefits and drawbacks, searches for regularities, generalizes and makes advances on how to enhance and perfect the micro-, macro- and megastructure of the dictionary. The paper describes the methodology of dictionary criticism proposed by the Russian lexicographer L. Stupin, and its implementation in the analysis of the first dictionary of education compiled by C. Good. The study also shows that terminology of education hasn't been harmonized on the national and international levels yet in spite of the integration of educational systems resulting in the number of double degrees, growing level of academic mobility of students, researchers and university staff, participation in numerous exchange and grant programs. The results of investigation will be used while planning and modeling of the English-Russian dictionary of higher education terminology.

НАШИ АВТОРЫ

**АЛЕКСЕЕВ,
Павел
Викторович**

– кандидат филологических наук, доцент
Горно-Алтайского государственного университе-
та, докторант Томского государственного уни-
верситета.
E-mail: conceptia@mail.ru

**АНТОНОВА,
Любовь
Геннадьевна**

– доктор педагогических наук, профессор
Ярославского государственного университета
им. П.Г. Демидова.
E-mail: antonova_lubov@mail.ru

**БАСОВСКАЯ,
Евгения
Наумовна**

– доктор филологических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета (Москва).
E-mail: Jeni_ba@mail.ru

**БЕСЕДИНА,
Вера
Геннадьевна**

– преподаватель Алтайского государственного
технического университета им. И.И. Ползунова
(Барнаул).
E-mail: lemming01@mail.ru

**БУДЫКИНА,
Вера
Геннадьевна**

– кандидат филологических наук, доцент
Челябинского государственного университета.
E-mail: vbudykina@gmail.com

**ГОЛЕНКО,
Жанна
Анатольевна,**

– кандидат филологических наук, докторант
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова.
E-mail: zgolenko@gmail.com

- ЖИГУЛИНА,**
Дарья
Владимировна – аспирант Магнитогорского государственного университета.
E-mail: zhigulina1988@mail.ru
- ЖИЛИЧЕВА,**
Галина
Александровна – кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: gali-zhilich@ya.ru
- КОЛЯСЕВА,**
Алена
Федоровна – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: alyona.kolyaseva@gmail.com
- КУЛЬГАВОВА,**
Лариса
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Иркутского государственного лингвистического университета.
E-mail: laurkul@yandex.ru
- КУЛЯПИН,**
Александр
Иванович – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- ЛАВРЕНТЬЕВА,**
Наталья
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.
E-mail: natlaw@yandex.ru
- МАНСУРОВА,**
Валентина
Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: mvd1951@mail.ru
- МОСКОВКИНА,**
Евгения
Александровна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

- НИКУЛИНА,**
Ольга
Валерьевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
E-mail: nikulinaolga1987@yandex.ru
- ОСЬМУХИНА,**
Ольга
Юрьевна – доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск).
E-mail: osmukhina@inbox.ru
- ПЕШКОВА,**
Светлана
Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: svetpeshkow@yandex.ru
- ПОЗДНЯКОВА,**
Елена
Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: helena_poz@mail.ru
- СЕДЫХ,**
Элина
Владимировна – доктор филологических наук, профессор, Российского государственного университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).
E-mail: elinasedykh@gmail.com
- СЛЕПЦОВ,**
Юрий
Алексеевич – лаборант-исследователь Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск).
E-mail: seva_may@mail.ru
- СТЕРНИН,**
Иосиф
Абрамович – доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета.
E-mail: sterninia@mail.ru
- ЧУВАКИН,**
Алексей
Андреевич – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ЧУДИНОВ,
Анатолий
Прокопьевич**

– доктор филологических наук, профессор
Уральского государственного педагогического
университета (Екатеринбург).
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

**ШМАКОВ,
Артем
Алексеевич**

– аспирант Горно-Алтайского государственного
университета.
E-mail: art.schmakow@gmail.com

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 28.04.2014. Подписано в печать 30.04.2014. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 140.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2014

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987а]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Василенко Татьяне Николаевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одиночный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.
2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**
3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.